

ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΣ

XVII

АЛЬМАНАХ

ISSN – 1407 – 0898

Обложка работы архимандрита Зинона

Редакционный совет

Наталья Большакова, главный редактор, Латвия
Священник Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*При перепечатке материалов
ссылка на альманах обязательна*

© Международный Благотворительный Фонд
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2008

*Путям,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом
и Сыном и Духом Святым,
Троицей единосущной
и Нераздельной. Аминь*

В ПОИСКАХ ЦАРСТВА

В предыдущем номере альманаха мы размышляли о том, что такое страдание, смерть, бессмертие, Царство Небесное, христианская эсхатология – в свете Ветхого и Нового Заветов; в опыте подвижников и святых; в контексте сегодняшних вопрошаний человека, стоящего перед вечностью.

В «Христианосе-ХVII» мы продолжаем разговор о библейском понимании Царства Божьего, о соотносении земного и небесного в Церкви, об «условиях» жизни в Царстве Божьем.

Прошение из Молитвы учеников Христовых (прот. А. Мень) – *«Дай нам ныне быть причастниками Царства Твоего»* – стало доминантой этого номера альманаха.

Но что это значит – быть причастниками Царства Христова? Как это возможно «ныне», то есть сегодня? Что для этого необходимо? И где оно, это Царство, где начинается и где заканчивается? И где вход, врата в него?

Сам Христос сказал нам: «Ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его» (Мф 6:33). Но мы не можем искать Царства, если ничего не знаем о нем.

Когда Иисус начал Свое служение с провозвестия Царства, Он говорил о том, что было понятно Его слушателям. Понятно ли это нашим современникам, отличается ли наше понимание от того, что вкладывали в эти слова люди I века? В учении Христа о Царстве есть аспект эсхатологический – «о жизни будущего века», а есть и то, что может иметь практическое значение для каждого человека, живущего здесь и сейчас.

Мы утратили понимание Церкви как уже наступившего Царства Божия. Бл. Августин писал: «Церковь есть и в настоящее время Царство Христово и Царство Небесное». Ведь в Евхаристии реальное присутствие Христа среди нас. «И нам сегодня принципиально важно знать, что Евхаристия, которую мы совершаем, –

та же самая Евхаристия, в которой Иоанн получил свое Откровение».¹

Необходимо осознать и так называемый «Константиновский» соблазн, «соблазн подмены Царства Небесного земной теократией, “христианской империей”». ² Компромиссов, измен, отступничества всегда было много. «Евангелие не могло быть усвоено античным и средневековым человеком во всей полноте. Только отдельные, хотя и многочисленные, ручьи личной святости пробивали плотину непросветленного сознания. Но мы верим и знаем, что Сын Божий реально присутствует в жизни Церкви. В Нем – ее сверхчеловеческая сила. Поэтому в каждой эпохе мы найдем динамичное, живое, открытое христианство, чающее Царства Божия». ³ Через святых, праведников, которые всегда были, сияло Царство Небесное. Они и сегодня не дают миру забыть о реальности Царства.

Но мы часто вовсе не хотим войти в Царство Божие, отвергаем пути в него. Это происходит всякий раз, когда мы ропщем на происходящее, не принимаем испытания и те обстоятельства, в которых находимся. Отвергая все это, мы не принимаем Бога и Царства Его. «Условия которыми окружил нас Господь, это – первая ступень в Царствие Небесное – это единственный для нас путь спасения. Эти условия переменятся тотчас же, как мы их используем, обративши горечь обид, оскорблений, болезней, трудов – в золото терпения, безгневия, кротости». ⁴

Но если мы ищем вечного измерения бытия, жаждем Царства Небесного, то у нас есть помощники и спутники на этом поприще. Приобщимся к опыту жизни и веры свидетелей и причастников

¹ Свящ. Антоний Лакирев «Свет Апокалипсиса». Христианос–XVII. Рига, 2008. С. 65.

² Владимир Френкель «Небесное Царство и земная империя». Христианос–XVII. Рига, 2008. С. 36.

³ Прот. А. Мень «На пороге Нового Завета». Брюссель, 1983. С. 671, 672.

⁴ Свящ. Александр Ельчанинов. «Записи». Париж, 1990. С. 72.

Царства, – они, словно светящиеся дорожные знаки в ночи, показывают нам путь к Царству.

«“Войди с радостью во внутреннюю свою клеть, и узришь клеть небесную... Лестница, ведущая в Царство, внутрь тебя, сокровенна в душе твоей. Беги от греха, погрузись в самого себя – и найдешь там ступени, возводящие к Небесам”». Так писал св. Исаак Сирий. Он хотел, чтобы мы поверили: в каждом из нас есть сокрытая от глаз, потаенная сокровищница, внутреннее Царство, непостижимое по своему богатству и глубине. Место удивления и радости, место славы, место встречи и диалога. Стоит только «погрузиться» в себя – и открывается вечность, сокрытая в сердце. Лестница Иакова начинается там, где я стою; врата рая – везде. Внутреннее Царство, присутствующее во мне здесь и сейчас, есть в то же время Царство будущего века, – как пишет св. Филофей Синайский, – один и тот же путь одновременно ведет к обоим». ⁵ «Царство Небесное – внутри каждого из нас. Молиться – это попросту войти в это внутреннее Царство нашего сердца, и стоять там пред Богом, в сознании Его непрестанно пребывающего присутствия...» ⁶

«... Своей любовью Христос нам говорит: Я умер, чтобы вы верили, что вы любимы Богом и потому что вы Богом любимы, вы спасены – потому что спасение наше не от нас зависит, а от этого чуда любви...

И если мы так научимся любить, то мир наш станет новым, другим миром; тогда придет к нам Царство Божие, Воскресение, новая жизнь». ⁷

«Радость Царства: меня всегда беспокоит, что в многотомных системах догматического богословия, унаследованных нами, объясняются и дискутируются почти все понятия за исключением одного слова, которым начинается и оканчивается христианское

⁵ Еп. Каллист (Уэр) «Внутреннее Царство». Киев, 2004. С. 8.

⁶ Там же, с. 7–72.

⁷ Антоний, митр. Сурожский «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Проповеди. Лондон, 1982. С. 119, 120.

Благовестие. “Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость” (Лк 2:10) – с этого ангельского приветствия начинается Евангелие. “Они поклонились Ему и возвратились в Иерусалим с великой радостью” (Лк 24:52) – так Евангелие оканчивается. Богословское определение радости фактически отсутствует. Потому что нельзя определить смысл радости, которую никто не отымет у нас; здесь умолкают все определения. До тех пор, пока это переживание радости Царства во всей его полноте снова не возвратится в центр богословия, последнему будет невозможно иметь дело с миром в его действительно космическом измерении, с исторической реальностью борьбы между Царством Божиим и царством князя мира сего и, наконец, с искуплением как с полнотой, победой и присутствием Бога, ставшего всяческой во всем.

Литургию не следует объяснять как эстетическое переживание или терапевтическое упражнение. Единственное ее предназначение – являть нам Царство Божие. Воспоминание, *anamnesis* Царства – источник всего остального в Церкви». ⁸

«Ищущий Воскресшего как бы уже живет в измерении Царства Божия. Оно не имеет ни начала, ни конца, не может быть измерено.

Благодаря молитве устанавливается связь с вечностью. Удивительна реальность Царства Божия, недоступная человеческому интеллекту: Христос пребывает в нас, но и мы пребываем в Нем. Дух, действуя в сердце нашем, порождает в нем любовь Христову». ⁹

Благодаря свидетелям нам легче увидеть, что Царство – рядом, и Господь ждет нас в этом мире, в любой его точке, в каждое мгновение.

Редакционный совет альманах «ХРИСТИАНОС»

⁸ Прот. А. Шмеман «Литургия и эсхатология». Лекция на вечере памяти Николая Зернова. 25 мая 1982 г.

⁹ Брат Роже Щютц «Его любовь как огонь». Тэзе, 1988. С. 41–42.

ЦАРСТВО И МИР

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

О ЦАРСТВЕ БОЖЬЕМ

*«Покайтесь, ибо приблизилось
Царство Небесное»*

Мф 4:17

Проповедь Царства Божьего или Царства Небесного (второе словосочетание используется только евангелистом Матфеем) занимает в Евангелии Иисуса Христа особое место. Собственно, все Евангелие и есть Благая, Радостная Весть о пришествии Царства Божьего и о даровании его роду человеческому. А условием его принятия для человека является покаяние. Именно поэтому Свою проповедь Иисус начал словами: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Эта короткая фраза говорит нам об очень многом, и, прежде всего, о том, что Царство Божье глубоко отлично от мира, в котором мы живем, от той жизни, которой мы порой отдаем все наши силы. Греческое слово «μετάνοια», переведенное на русский как «покаяние», означает не только осознание своей греховности, сожаление о содеянных грехах, но, прежде всего, активное раскаяние, изменение жизни, обращение, возвращение к Богу. То есть для вхождения в это Царство нам необходимо переосмотреть, переоценить, кардинально изменить нашу жизнь.

И, прежде всего, понять, что это Царство не имеет ничего общего с земными царствами. Сам Господь говорил, что «Его Царство не от мира сего». Это Царство не имеет границ, в нем не имеют значения ни принадлежность к тому или иному народу, ни знатность, ни язык, ни цвет кожи. Доступ в это Царство открыт всем. Господь говорил, что «многие придут от востока и запада и возлягут в Царстве Небесном». Иисус Христос в Своей проповеди вынужден был делать на этом акцент, потому что у большинства Его слушателей Царство Божье ассоциировалось с земным

царством Израиля, о восстановлении которого после десятилетий римской оккупации они все мечтали. Они вспоминали о древних временах, когда народом Божиим через пророков и израильских царей управлял Сам Бог. Они ожидали Мессию – пророка и царя-освободителя, который восстановит правление Бога в Израиле и распространит господство народа Божьего над всем миром. Даже ближайшие ученики Христа – апостолы, уже после Его воскресения спрашивали у Него: «не в сие ли время, Господи, восстанавлиаешь Ты царство Израилю?» (Деян 1:6). Поэтому Иисус, чтобы свести подобные заблуждения до минимума, возможно, предпочитал называть Царство Божье Царством Небесным, тем самым, указывая, что это Царство ничего общего не имеет с владычеством земных царей и правителей. По крайней мере, в Евангелии от Матфея, написанном, по мнению специалистов, для христиан из Израиля, словосочетанию «Царство Небесное» отдается явное предпочтение.

Но надо признать, что в современной библейской науке нет однозначного мнения о том, во что и как верили современные Иисусу израильтяне (конечно, кроме веры в Единого Бога, т.е. абсолютного монотеизма), как они представляли себе Царство Божье и его наступление. И самое главное, нет однозначности и в вопросе о том, что обо всем этом думал Иисус Христос, и какое Царство Он проповедовал. Так, один из крупнейших современных библеистов Н. Т. Райт, говоря о мессианских чаяниях того времени, высказывает вполне традиционный взгляд на представления израильтян о Царстве. Он пишет: «Как же евреи I века использовали понятие «Царство Божье»? В первую очередь уясним: для них оно было связано с израильскими надеждами и чаяниями. Оно не было ни расплывчатой фразой, ни шифром с общей религиозной аурой. Не имело и прямого отношения к загробной жизни. В христианском мире распространилось такое ошибочное понимание: «Царство Небесное» (благочестивый парафраз выражения «Царство Божье») – это «такое место (небеса), куда попадают после смерти спасенные души». Однако в мире Иисуса ничего

подобного под Царством не имели в виду. Чем же было для этих евреев Царство? Оно было для них одним из способов говорить о воцарении Бога Израилева. Когда Бог Израилев воцарится, во всем мире, во всем нашем пространственно-временном континууме, будет наведен порядок. Именно такова еврейская эсхатология. <...> Для еврейских крестьян 1-й половины I века Царство Божье означало грядущее оправдание Израиля, победу над язычниками, дар мира, справедливости и процветания». ¹

При этом Райт, в отличие от многих других ученых, убежден, что представления и ожидания Иисуса из Назарета во многом совпадали с представлениями Его современников. Более того, он считает, что распространенное в христианском мире представление о Царстве Божьем как Царстве Небесном, неземном, приход которого связан с концом этого мира, является ошибочным пониманием. Во всяком случае, как он считает, Иисус в Своей проповеди этого в виду не имел. Так он пишет: «Необходимо подчеркнуть: те еврейские современники Иисуса, которые ожидали в ближайшем будущем великое Событие (приход Царства Божьего – В. Л.), *не* ожидали конца нашего пространственно-временного континуума. Со времен Швейцера многие буквалисты и/или фундаменталисты ошибочно приписывают эти чаяния Иисусу и другим евреям периода Второго Храма». ²

Конечно, нам сегодня трудно судить о том, *что* имел в виду Иисус, проповедуя приход Царства Божьего. Все, что мы можем, это с определенной степенью уверенности рассуждать о том, что Он *сказал*, а что является более поздним христианским переосмыслением. Но мы вынуждены признать, что и в раннем христианстве, и в более поздние времена, как о самом Царстве, так и об обстоятельствах его прихода, у христиан существовали разные представления. Так, по посланиям ап. Павла, написанным еще до Евангелий, по посланиям ап. Петра, по некоторым высказываниям, приписываемым в Евангелиях Иисусу, можно предполагать,

¹ Н. Т. Райт «Иисус и победа Бога». М., 2004 г. С. 185–187.

² Там же. С. 189.

что многие христиане того времени ожидали скорого Второго Пришествия Иисуса Христа, конца этого мира и торжества Царства Божьего именно как Царства Небесного (раннехристианский эсхатологизм). Однако были и такие христиане, которые связывали ожидаемое Пришествие Христа с наступлением, так называемого, тысячелетнего Царства Христова, упомянутого в Апокалипсисе Иоанна Богослова, т.е. царствования Христа в истории. Признаки хилиастических (хилиазм – от греч. χίλια, «тысяча») представлений о Царстве можно найти у Папия Иерапольского, св. Иустина Мученика. В хилиастическом понимании можно истолковать некоторые высказывания св. Иринея Лионского. Но в основе своей это учение Церковью принято не было.

Хотя надо подчеркнуть, что и традиционное представление Церкви о Царстве Божьем или Царстве Христа, «паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же Царствию не будетъ конца», вовсе не предполагает, что это – Царство бесплотных духов вне времени и пространства. Церковь верует в воскресение мертвых и ожидает жизни будущего века. По мере того, как время шло, а Царство Божье видимым образом не наступало, в христианском сознании происходила трансформация и эсхатологических и хилиастических представлений. Постепенно оформилось более или менее общепринятое в Церкви богословское мнение о Царстве и его приходе, которое можно сформулировать примерно так:

Церковь ожидает новое видимое Пришествие Иисуса Христа и Его окончательное воцарение в сотворенном Богом мире, т.е. торжество Царства Божьего, в котором не будет места злу, насилию, страданию и смерти, «Его же Царствию не будетъ конца». Этому Пришествию, согласно пророчествам, будут предшествовать социальные и космические потрясения, призванные выявить подлинно верующих во Христа людей, и отделить «сынов света» от «сынов тьмы», соблазняемых и руководимых демоническими силами, противящимися замыслу Божьему. С Пришествием Христа мертвые воскреснут, и все предстанут на Суд Божий.

Окружающий нас, видимый сегодня нами материальный мир, очевидно, будет «уничтожен» или, лучше сказать, как-то трансформирован. По крайней мере, св.ап. Иоанн Богослов в Апокалипсисе пишет: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Откр 21:1). А до него св. ап. Петр писал в одном из своих посланий: «Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят. <...> Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Пет 3:10,13). П. Н. Евдокимов, православный богослов XX века, пишет: «Последние события, катаклизмы еще принадлежат истории. Однако увидит Второе пришествие уже не исторический мир. Пришествие совпадает с изменением мира: «все мы изменимся» (1 Кор 15:51), «мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе» (1 Фес 4:17)».³ По отношению к современному, историческому миру это будет иной мир, мир преображенный, но и он будет мир тварный, т.е. в какой-то степени «материальный», со своим временем и пространством. В свою очередь хилиастические представления вылились в понимание истории как «тысячелетнего» Царства Христа, начавшегося с Вознесения. Христос царствует в мире, но незримо. Некоторые богословы видели это Царство в католической Церкви, пребывающей в мире, другие связывали его с христианской империей. Ну, а о дне и часе Второго Пришествия Христа, как Он Сам сказал, не знает никто кроме Бога.

Правда, все эти богословские построения, с одной стороны, имеют скорее теоретическое значение, с другой, носят лишь гипотетический характер. Ап. Павел писал: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор 13:12). А Евдокимов на это замечает: «К счастью, педагогическая

³ Павел Евдокимов «Православие». М., 2002 г. С. 465.

мудрость Церкви никогда не вдохновляла на какой-либо исчерпывающий догматический синтез эсхатологических данных. За исключением членов Никейского Символа веры, которые говорят о Втором пришествии, суде и воскресении, православие не обладает догматическими формулировками. Сталкиваясь с утверждениями о последовательности событий, с библейскими ссылками, ее богословское истолкование и само предание не являются достаточно ясными и единообразными. Существуют вопросы, которые с почтением обходят даже богословы...»⁴

Однако это касается только рассуждений о грядущем Царстве, т.е. о жизни будущего века, но в проповеди Иисуса Христа о Царстве Божьем есть и то, что относится к каждому человеку, живущему здесь и сейчас. То есть то, что имеет сугубо практическое значение. Ведь, когда Иисус говорит, что «приблизилось Царство Небесное», Он не имеет в виду, что оно стало к нам ближе на тысячу лет или тысячу километров, но все еще далеко. Он имеет в виду, что оно уже пришло, и что уже сегодня человек может быть причастным этому Царству. Только так можно понимать Его слова: «Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божие» (Мф 12:28), или другие Его слова: «не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: «вот, оно здесь», или: «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк 17:20-21). Одним словом, в православном богословии это понимается как то, что, с одной стороны, Царство Божье еще только грядет и откроется во всей своей полноте в жизни будущего века, когда, по словам ап. Павла, «будет Бог все во всем» (1 Кор 15:28), но, с другой стороны, это Царство уже присутствует в нашем мире, и время этого мира подошло к концу, то есть мы живем в последние времена. Мы не знаем, как долго продлятся эти времена, как долго этот мир будет сопротивляться наступлению Царства Божьего. Да это и не важно, ведь Сам Господь сказал ученикам: «не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти» (Деян 1:7); для нас важно, что уже здесь

⁴ Там же. С. 457.

и сейчас, если мы считаем себя христианами, мы можем и должны быть причастниками Царства Божьего и свидетелями его наступления. Мы призваны самой своей жизнью засвидетельствовать этому миру, противящемуся замыслу Божьему, что его время прошло, и что уже сегодня человек может жить не законами мира сего, а законом любви, законом Царства Божьего.

К сожалению, сегодня в сознании очень многих людей, даже считающих себя верующими и церковными, утвердилось понимание Царства Божьего как чего-то далекого, недостижимого в этой жизни, относящегося исключительно к жизни будущего века. Ну, а то, что «не имеет отношения к реальной жизни», как правило, оказывается и не востребуемым. И в результате христианство этими церковными людьми понимается лишь как религия, помогающая им устроить жизнь в этом мире, придающая легитимность событиям этой жизни, «освящающая» жизнь падшего мира. А Церковь воспринимается как учреждение для «удовлетворения религиозных потребностей» отдельных людей или групп. То есть и «верующими» эти люди становятся и в церковь приходят не ради Царства Божьего, а ради «царства» земного, ради того, чтобы лучше устроиться именно в этом мире, в этой жизни. Конечно, нельзя сказать, что все верующие такие, но среди считающих себя верующими таких большинство. Однако и среди тех, кто приходит в церковь ради Царства Божьего, большая часть понимает это Царство как что-то достижимое только после смерти, как награду за праведную христианскую жизнь. Одним словом, и для этих людей христианство и Церковь всего лишь средства для удовлетворения их индивидуальных религиозных потребностей. И только немногие из христиан понимают и принимают то, что Царство Божье это реальность сегодняшнего дня и что оно не только данность, но и заданность. То есть они принимают на себя ответственность за актуализацию этого Царства в их жизни и в окружающем их мире.

Но где и как это осуществимо? Где верующий человек может стать причастником Царства Божьего? Мы верим, что это совер-

шается только в Церкви Иисуса Христа, «которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф 1:23). Как Тело воплотившегося Бога, членами которого нам даровано быть, именно Церковь и является началом, явлением Царства Божьего в тварном мире. Как в Иисусе Христе Бог и человек соединились «нераздельно, но и неслиянно» в единую богочеловеческую жизнь, так и в Церкви, созданной, по мнению богословов, именно для этого, человек становится причастником божественной жизни. Поэтому Церковь, прежде всего, должна быть понята не как человеческое учреждение «для удовлетворения религиозных потребностей», а как некая божественная данность, как факт божественного изволения, осуществляющегося или, лучше сказать, воплощающегося в мире. Церковь в существе своем уже есть Царство Божье и принадлежит к божественному миру, она есть в Боге и лишь раскрывается в мире и истории. П. Н. Евдокимов прямо называет Церковь образом Пресвятой Троицы. Он пишет: «То, что совершилось во Христе через сошествие Святого Духа, совершается в каждом человеке и человечестве посредством энергий, творящих обожение, чтобы «соединить любовью тварную и нетварную природу, явив их в единстве и тождественности через стяжание благодати» (святой Максим). Именно в Церкви человек «совершает свое спасение», или, говоря словами апостола Петра, *«содейвается причастником Божеского естества»* (2 Петр 1:4). Таким образом, обожненное человечество предстает, в конечном счете, живым «подражанием» Святой Троице – *единством человеческой природы во множественности ее ипостасей»*.⁵

Но это, что называется, чистое богословие. А где в реальной жизни найти эту спасительную Церковь Христову, отверзающую человеку врата Царства Божьего? Казалось бы, странный вопрос. Ведь в мире сегодня существует столько человеческих сообществ, претендующих на то, чтобы называться Церковью Христа. Но дело в том, что в подавляющем большинстве своем это действитель-

⁵ Там же. С. 178.

но *всего лишь* человеческие сообщества и *всего лишь* претендующие на название Церкви. Проблема еще и в том, что сама Церковь на протяжении двух тысячелетий так «отяжелела», так обросла чуждыми ей элементами мира сего, что в ней порой бывает трудно узнать ту единственную, которая была основана Иисусом Христом и которую можно было бы назвать Единой, Святой, Кафолической (Соборной) и Апостольской. Но это, конечно, не означает, что ее уже вовсе нет. Она есть. Сам Господь сказал о ней, что «врата ада не одолеют ее» (Мф 16:18). Несовершенство человеческой составляющей Церкви преодолевается в ней благодатью Святого Духа, и ныне по милости Божией живущего и действующего в Церкви. И сегодня Церковь Христова бывает явлена там, где двое или трое собираются действительно во имя Христа. Только важно, чтобы найти ее, сквозь все внешнее, наносное увидеть в ней то, что сохраняется с апостольских времен.

Ее главными признаками являются верность апостольской традиции, стремление к единству, святость или «неотмирность» и, прежде всего, евхаристичность. Собственно, можно было бы говорить только о верности апостольской традиции, потому что все остальное определяется ею. Но, наверное, все-таки необходимо сказать немного о каждом из этих признаков. Мне уже приходилось писать обо всем этом, и достаточно подробно, в статьях «О христианстве и о Церкви Христовой» и «О едином на потребу» (см. Христианос №№ XII и XV. Рига, 2003 и 2006 гг.), поэтому, чтобы не повторяться, отметим лишь главное.

Церковь, как Тело Христово, может быть только одна и едина, она не может разделиться сама в себе. В истории перессорились между собой, разделились церковные люди, утратив дух Евангелия и оскудев любовью. Но Церковь в своей мистической глубине остается единой. И тот, кто не хочет этого признавать, кто настаивает на своей исключительности и отделяет себя от братьев во Христе, от других христиан, тот отделяет себя и от Христа, то есть от Его Церкви.

Церковь как Тело Христово, как начало Царства Божьего может быть только святой, то есть отделенной от падшего мира, «неотмирной». Она не может и не должна отождествлять себя с культурой того или иного народа, с тем или иным государственным устройством. Она не может жить по законам этого мира, основанным на насилии, на стремлении к власти и материальному богатству. Самим своим присутствием в этом мире она призвана свидетельствовать, что уже здесь и сейчас человек может и должен жить по законам Царства Божьего, а именно – в духе евангельской братской любви, прощения и ненасилия.

Церковь была создана Христом как евхаристическая община, и ее главное служение в этом мире совершать Евхаристию, восстанавливая евхаристичность человека и всего тварного мира. Евхаристия (греч. *ευχαριστία*) означает благодарение, благодарение Богу. То есть, это обращение, возвращение к Богу, благодарное принятие воли Божьей, Его замысла о мире и человеке, а значит, отвержение себя, отказ от человеческого своеволия и служение Царству Божьему, его актуализация в этом мире и в жизни каждого верующего человека. Об этом замечательно писал о. Александр Шмеман: «Опыт Царства Божия, таинством которого является Евхаристия. (Не одно только преложение «Даров», а та Литургия, которая и являет Царство Божие и исполняется в приобщении за трапезой Христовой в Его Царствии). Церковь оставлена в мире, чтобы совершать Евхаристию и спасать человека, восстанавливая его *евхаристичность*. Но Евхаристия невозможна без Церкви, то есть без общины, знающей свое уникальное, ни к чему в мире не сводимое *назначение* – быть любовью, истиной, верой и миссией, всем тем, что исполняется и явлено в Евхаристии, или, еще короче, – быть Телом Христовым».⁶

Одним словом, и ныне, как и две тысячи лет назад, Церковь Христова там, где есть евхаристическая община, продолжающая дело Иисуса Христа. То есть община, совершающая Евхаристию,

⁶ Прот. Александр Шмеман «Дневники». М., Русский путь, 2005 г. С. 58–59.

приобщая через нее мир к Искупительной Жертве Христа, проповедующая Евангелие Царства, являющая в этом мире любовь Божью, утешающая страждущих и насыщающая голодных, и действительно стремящаяся к заповеданному Богом единству. Но для этого Церковь должна быть именно общиной, а не религиозной организацией, устроенной по образу государственного или общественного учреждения. К сожалению, сегодня даже для церковных людей слово **община** мало что значит. У нас сегодня скорее можно услышать о выстраивании в Церкви «вертикали власти», о «церковных подразделениях» и т.п.

Но и найдя Церковь Христову, обретя такую общину и вступив в нее, мы не должны считать, что все уже сделано, и рассчитывать на то, что дальше наше спасение будет совершаться само собой, автоматически. Как говорил прп. Феофан Затворник, можно быть среди христиан и не быть христианином. Важно принять на себя ответственность за укрепление этой общины и за ее жизнеспособность, что, в свою очередь, предполагает активное участие в полноте ее жизни и служении. Как мы уже отмечали, главное служение христианской общины это совершение Евхаристии. И каждый христианин должен стремиться к тому, чтобы ни одна Евхаристия в общине не проходила без его участия. Правда, на практике это не всегда осуществимо, так как многие верующие люди в будние дни работают или учатся. Поэтому желательно хотя бы еженедельное участие в Литургии и причащение Святых Христовых Тайн, как это заповедано Богом: «шесть дней работай, и делай всякие дела твои; а день седьмой посвящай Господу». Во всяком случае, по православным канонам христианин, пропустивший участие в Литургии без уважительной причины более трех недель, должен быть отлучен от Церкви.

Из Евхаристии как таинства благодарения и любви вытекают и другие служения общины. Это могут быть и активная проповедь Евангелия в мире, и благотворительность, включающая в себя различные социальные служения. Важно только, чтобы эти служения были свидетельством любви Божьей и присутствия Его

Царства в мире, то есть важно, чтобы все служения общины (церкви): и проповедь Евангелия, и учительство, и благотворительность, были ориентированы на выход во внешний мир. Ведь даже Евхаристия, по сути своей, закрытое собрание верных, то есть только членов Церкви, приносится «о всех и за вся», за весь мир, за все творение Божье. К сожалению, очень часто церковные люди пытаются превратить церковь в «уютный мирок» для себя, в «клуб по интересам». Но Церковь Христова только тогда действительно Христова, когда она не для себя, а для других, ибо она – Тело Христово. Христос же о Себе сказал, что Он пришел в этот мир не для того, «чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф 20:28). Важно и то, чтобы каждый христианин в меру своих сил и возможностей принимал в служениях общины активное участие. При этом каждый христианин, каждая христианская община, водимые Духом Святым, могут решить для себя, как наиболее полно, в зависимости от реальных обстоятельств, воплотить в жизнь это свидетельство любви и Царства. Для этого важно только не оглядываться все время на прошлое, а быть чутким к действию Святого Духа в Церкви сегодня, быть отзывчивым на чужую боль и страдание. Это всегда трудно, это требует личного подвига, ибо для этого необходимо «отвергнуться себя», забыть о себе, о своих интересах, о своей выгоде. Но тот, кто действительно хочет стать христианином, кто хочет следовать за Христом, тот может рассчитывать на помощь Божью, на дарование Его силы. А даруются эти силы через Таинства Церкви и, прежде всего, через таинство Евхаристии. Однако важно подчеркнуть, что хотя эти силы и даруются нам, но даруются они для служения другим, для спасения этого мира.

К сожалению, надо признать, что на сегодняшний день очень многие церковные люди просто не заинтересованы в развитии общинной или, как у нас это называют, приходской жизни. В большинстве своем они проникнуты потребительским отношением к Церкви. Их, в принципе, устраивает, что они время от времени приходят в церковь, где им оказывают определенные религиозные

услуги, которые они оплачивают по установленным ценам. Им и в голову не приходит, что ***в церковь надо не приходить, а церковью надо быть***, что они сами и есть церковь, и что они полностью ответственны за все то, что происходит в их церкви, и за то, как их община осуществляет призвание Церкви в этом мире. Они этого просто не знают, им этого никто не говорил. И они сами и их пастыри, если таковые вообще у них есть, по сути, обкрадывают сами себя, лишают себя того, что могло бы быть в их жизни самым драгоценным сокровищем – Царства Божьего, явленного и являемого в Церкви Христовой уже здесь и сейчас. И для этого нужно только одно. Чтобы это стало реальностью их жизни, их церковь, «должна стать, должна быть сама собой, то есть Церковью Христовой, или, по словам о. Александра Шмемана, общиной, «знающей свое уникальное, ни к чему не сводимое назначение – быть любовью, истиной, верой и миссией», родным, отеческим домом, где мы сможем «найти саму жизнь, само счастье, саму радость, куда каждый приносит плоды своего труда и где все претворяется в праздник, свободу и полноту».⁷ И это зависит только от них самих, от каждого, кто считает себя верующим христианином.

Москва, 2008 г.

⁷ Свящ. Владимир Лапшин «О едином на потребу». «Христианос–XV». Рига, 2006. С. 121–122.

**НЕБЕСНОЕ ЦАРСТВО
И ЗЕМНАЯ ИМПЕРИЯ**

1

Обычно, говоря о причинах неприятия большинством еврейского народа Христа и Его проповеди, ссылаются на то, что евреи ждали от Мессии восстановления Царства Израилева, т.е. земного царства народа Божия, а Христос говорил о Царстве Небесном, о духовном Царстве. Основания для такого мнения есть, но все-таки стоит внимательней приглядеться к этой уж слишком ладной, подозрительно ладной схеме. Да, можно считать, что это был первый соблазн заменить Царство Небесное на земное государство, больше того – на земную теократию, в сущности, на утопию. Потому что еврейский народ, конечно, во времена Христа вовсе не хотел «просто» восстановить государственную независимость. Такое государство уже было однажды восстановлено – царство Хасмонеев, которое впоследствии было присоединено к Римской империи. Но религиозные вожди народа, религиозная, так сказать, интеллигенция, – а это были фарисеи, – не признавали это государство подлинным, Божьим царством; для них это была временная власть, существующая лишь до прихода истинного царя из дома Давида – Мессии. А этот истинный царь должен был не просто восстановить Царство Израиля, но восстановить его как Царство справедливости и истинного богопочитания, Царство, живущее согласно Божьим заповедям, чтобы тем самым евреи выполнили обетование, данное Всевышним еще Аврааму, что «благословятся в тебе все народы земли» (Быт 12:3), и что еврейский народ будет светом для этих народов.

Да, это была утопия. Скажем точнее – религиозная утопия, царство Божье на земле. Но тем самым наша схема перестает быть

простой: дело оказывается не в противопоставлении земного царства – Небесному, а в возможности осуществить небесные законы на земле. В этом был смысл веры в пришествие Мессии, этого от Мессии ждали: не просто восстановления государства, а создания Царства правды Божьей. В это еврейский народ действительно верил. Но, может быть, все же именно эта вера помешала народу увидеть в Иисусе из Назарета – Мессию, Христа? В таком случае ученики Христовы должны были бы отличаться от других тем, что они этой веры не разделяли. Однако это было не так – убедиться в этом можно, обратившись к тексту Евангелия.

«Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых с сыновьями своими... Она говорит Ему: скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем. Иисус же сказал в ответ: не знаете, чего просите... дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано Отцем Моим» (Мф 20:20-23). Очевидно, что и мать Иакова и Иоанна, и сами братья вполне были уверены, что Тот, кого они исповедуют Мессией, будет царствовать в земном царстве, и надо заранее позаботиться о том, чтобы быть ближе к Царю. Другие же ученики Иисуса, хоть в этом случае и «вознегодовали на двух братьев», но в другое время тоже начали спорить: «Был же и спор между ними, кто из них должен почитаться большим» (Лк 22:24). Ну, прямо как спор между боярами в Московском царстве о «местах» за царским столом или в Думе!

Понятно, что в Своем ответе Иисус говорит о Распятии, когда по обе стороны от Него окажутся два разбойника. И тем самым дает понять, что в Царство Божье входят через Крест. Но понятно и то, что в это время Его ученики еще не вмещали, не понимали этой истины. И вот мы видим, что двое учеников Христовых, Лука и Клеопа, идут в Еммаус уже после Распятия Христа, но еще не зная о Его Воскресении. Что же они говорят, встретив Иисуса и не узнав Его? «А мы надеялись было, что Он есть Тот, который должен избавить Израиля...» (Лк 24:21). Понятно отчаяние учеников после смерти их Учителя. Но вот оказывается, что и они

разделяли народную веру, что Мессия принесет освобождение народу Израиля и восстановит земное царство. Словно бы они и не слышали, как Иисус говорил, что «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк 17:21).

Пилату Он скажет еще определенной: «Царство Мое не от мира сего» (Ин 18:36).

Но если так, если ученики Христовы, как и фарисеи, и весь народ, разделяли представление о Мессии как о земном царе, пусть даже пришедшем установить правду и справедливость, то почему именно они сумели увидеть Мессию в Иисусе из Назарета? Ответ, как мне кажется, дается нам в Евангелии от Иоанна, когда Иисус восстанавливает Симона-Петра в апостольском достоинстве после его отречения. Иисус не спрашивает Петра, как именно тот представляет себе Мессию, что думает о Царстве Небесном и царстве земном, то есть не спрашивает о вещах хоть и очень важных, но все же умозрительных, «теоретических». Христос спрашивает о другом: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня?» (Ин 21:17).

Этим троекратным вопросом «любишь ли ты Меня?» и утвердительным ответом на него не только подтверждается апостольство Петра. Это есть первоначальное и основное исповедание христианской веры, восходящее к ответу Иисуса на вопрос о главной заповеди в законе: любовь к Богу и любовь к ближнему. «...да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин 15:12). Только любовь дает возможность увидеть в Человеке (Иисусе) Бога, а Бога – в человеке, в ближнем. А мнения... мнения могут быть и разными, в том числе ошибочными. Ученики Христовы ошибались, надеясь на земное освобождение народа. Но это не отделило их от Христа, потому что они любили Его.

2

Но все же вернемся к «мнениям».

В Священном Писании далеко не однозначно решается вопрос о земной власти. Пророку Самуилу «не понравилось ... когда они

сказали: дай нам царя, чтобы он судил нас. ... И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но Меня, чтобы Я не царствовал над ними» (1 Цар 8:6-7). Земная власть здесь явно противопоставлена небесной, желание народа Божьего иметь земного владыку почитается как измена Богу, который только и может быть единственным Царем.

Но тот же Самуил, помазывая на царство уже Давида, прямо выполняет повеление Бога (1 Цар 16:1). Царь Давид занимает в Священной истории уникальное место, и когда уже во времена пророков появится учение о Мессии, именно Давид будет, по общему мнению, почитаться его предком. Так постепенно сложится представление, что царь и вообще земная власть – священны постольку, поскольку служат Богу. Помазание на царство понималось не столько как возведение царя в священный сан, сколько как ограничение его власти – властью Небесной. В древнем мире, где не только в восточных империях и Египте, но и в относительно просвещенном и правовом государстве, каким был Рим, император почитался земным богом, равным богам, – такое подчинение земного владыки Небесному было далеко не рядовым явлением.

Именно в этом свете надо рассматривать ожидание еврейским народом Мессии – не просто как земного царя, но как Помазанника Божьего, вершащего суд над миром по законам, данным Всевышним.

И все же тогда, т.е. в 1-м веке до н.э. и в 1-м веке н.э., религиозное сознание евреев обращалось не только к земной власти, пусть и той, что служит Всевышнему. Об этом свидетельствует появление т.н. апокалиптической литературы: мистических сочинений эсхатологического характера. В то время их было множество: т.н. книги Авраама, Моисея, Еноха (Ханоха), книга Творения и т.д. Написаны эти книги чаще всего от имени библейских персонажей, но по содержанию восходят к видениям Царства Божьего, содержащимся в книгах пророков: Исайи, Иезекииля (гл. 8-13), Даниила (гл. 7). Основной их сюжет – это т.н. путешествие на небо,

куда вознесен рассказчик и где ему открываются тайны Божественного устройства мира, конечного торжества праведников и Суда Божьего над миром. Собственно, Откровение Иоанна Богослова, вошедшее в канон Нового Завета, примыкает по стилю именно к этой литературе. В этих мистических книгах избавление приходит уже только от Самого Господа, и видение Царства Божьего не оставляет места для надежды на земную власть.

Уже в 3-м веке нашей эры, когда иудейские законники окончательно определили канон Священного Писания, эти книги оказались вне канона и были уничтожены, но их переводы, в основном на греческий, сохранились благодаря христианам, среди которых эта литература далеко не случайно была популярна. Христиане хорошо помнили слова Учителя: «Ищите же прежде Царства Божия...» (Мф 6:33) и Его свидетельство перед Пилатом: «Царство Мое не от мира сего» (Ин 18:36). Они знали и верили, что царства мира сего преходящи и что земные владыки – не боги, а если они таковыми себя провозглашают, то тем самым служат дьяволу. Они считали, по Откровению Иоанна, что Рим – один из образов Зверя, сатаны, но и мистическая еврейская литература толковалась сходным образом. Однако ошибочно думать при этом, что ранние христиане были мистической сектой, совершенно отвергающей «мир сей». Такие секты гностического характера действительно были, но с христианством все обстоит сложнее.

Библейское учение не считает, подобно гностикам, что наш мир – создание злого бога и сам по себе является злом. Не считает этот мир и иллюзией, подобно буддизму, и целью жизни – развоплощение. Мир создан Богом, и создание Бога не может быть изначально дурным. Но мир испорчен грехом, как и сам человек, и подлежит исправлению. Кстати, «исправление мира» – на иврите «тикун ха-олам» – один из основных мотивов в Каббале, еврейском мистическом учении, возникшем в Средние века, но восходящем к той же мистической литературе 1-го века н.э. Для христианства же «исправление мира» – это явление и жертва Христа, Сына Божьего, Его победа над смертью – Воскресение. Но это значит,

что Христос – владыка не только неба, но и земли, как Он Сам и сказал: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф 28:18), и Своим ученикам сказал подобное: «Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф 18:18). На самом деле это не противоречит словам «Царство Мое не от мира сего». Да, Царство Христа не от мира, и пришел Он в этот мир не как земной владыка, но пришел, чтобы спасти этот мир, а не погубить его, и власть Его поэтому распространяется и на небо, и на землю. Можно вспомнить ответ одного из христианских первомучеников на требование римского проконсула совершить жертвоприношение императору, со ссылкой на то, что это распоряжение императора. Христианин отказывается со словами: «Мне известно распоряжение Небесного Императора».

Не отрицая земной власти, христиане как бы «ставили ее на место», подчиненное власти Небесной. Христос сказал: «Отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мк 12:17) и эти слова имели конкретный смысл – речь шла о монете, где был изображен римский император. Но дело в том, что императору и его изображению язычники-римляне поклонялись как богу, поэтому евреи и не хотели иметь дело с римскими деньгами (а именно ими надо было платить налоги), опасаясь осквернения. Так что вопрос был вполне практический. Ответ Христа определил отношение христиан к земной власти: отдавать ей должное, т.е. выполнять гражданские обязанности, но не поклоняться ей. И это же определит причину, из-за которой Римская империя преследовала христиан: будучи лояльными власти, они не желали и не могли совершать ритуал поклонения перед статуей императора, поэтому, с точки зрения Рима, они становились бунтовщиками, и именно за это их и преследовали. Тем более что Рим, в первые века новой эры, все более осознавал себя государством теократическим, где император был уже не только правителем, но и верховным демиургом.

Христиане должны были жить именно в этой империи, составлявшей тогда их экумену, их мир. И тут важно заметить следую-

щее. Иудаизм, из которого вышло христианство, в это время тоже менялся. Уже давно в нем все большее значение приобретал толкователь священных текстов и, одновременно, учитель, наставник – рабби (раввин). А после разрушения Храма (70-й г. н.э.) и поражения второго еврейского антиримского восстания Бар-Кохбы (132–135 гг.) именно раввины, а не священники становятся единственными наставниками и вождями народа, но происходит это уже в диаспоре – в рассеянии. Собственно, уже во времена Христа евреев в диаспоре жило больше, чем в Иудее. И именно еврейская диаспора стала основой для распространения христианских общин. А после разрушения Храма и поражения Бар-Кохбы сам иудаизм стал приобретать другие черты: религии, приспособленной именно для диаспоры, не для народа на своей земле, а для народа – религиозной общины, которая может жить где угодно. Но это значит, что и вера евреев в приход Мессии стала терять конкретные политические очертания. Да, Мессию ждали как владыку, но Его пришествие уже стало означать переустройство всего мира, приобрело мистические черты.

Однако, как ни парадоксально, и христианство в первые века своего существования тоже было религией диаспоры, религией, не связанной с одной страной, одной властью и, уже в отличие от иудаизма, с одним народом. Слишком хорошо христиане помнили слова Христа: «Наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине...» (Ин 6:21,23), и «...где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18:20). Их единым Учителем был Христос, истинным отечеством – Царствие Небесное, и в земном царстве они ощущали себя гражданами Царства не от мира сего. Однако наступало время, когда эта вера должна была подвергнуться суровому испытанию, растянувшемуся не на один век, и даже до наших дней.

3

Разумеется, я говорю о т.н. «Константиновом мире», о том событии, которое сделало Римскую империю христианской, а Церковь – государственной. Это был своего рода плен, к которому Церковь на удивление быстро привыкла. Еще Тертуллиан считал Рим образом апокалиптического Зверя, но прошло не так много времени, и тот же Рим не только становится священной христианской империей, но и самое Церковь завораживает имперской идеей. «Горькие плоды сладкого плена» – так назвала Зоя Крахмальникова результат союза Церкви и империи, и в этой формуле много правды. Тем не менее, в этих «плодах» надо разобраться, тут не все так однозначно.

По крайней мере, ясно, что именно этот союз на века определил положение Церкви в мире, и соотношение Церкви и государства, Царства Небесного и земного – именно с этого времени приобрело важный исторический смысл. К 4-му веку н.э. христианские общины существуют уже на всей территории Римской империи и даже за ее пределами. Не забудем, что в Армении христианство стало государственной, «царской» верой раньше, чем в Римской империи. Тем не менее, Армения была, да и осталась, окраиной христианского мира. Главное совершалось в Риме. Что же именно там произошло? Об этом очень хорошо писал прот. Александр Шмеман (см. «Исторический путь православия», гл. 3):

«В дни Константина завершается та эволюция Римской империи, которая началась с первого же соприкосновения ее с эллинистическим востоком. Это постепенное перерождение римского принципата в теократическую монархию, где император становится связующим звеном между Богом и миром, а государство – земным отображением небесного закона. ... Типичным представителем такого нового религиозного сознания и был Константин. ...

Все дело в том, что в сознании Константина ... вера во Христа пришла к нему не через Церковь, а была дарована лично, непосредственно и для победы над врагом, то есть при выполнении

его царского служения. Тем самым победа, одержанная при помощи христианского Бога, ставила отныне императора, а, следовательно, и Империю под покров Креста, в прямую зависимость от Христа. Но это означало также, что Константин обратился не как человек, ищущий Истину, только ее, и ради нее самой, а как император: Сам Христос санкционировал его власть, сделал Своим нарочитым избранником, а в его лице и империю соединял с Собой некоей особой связью. ...первый христианский император оказался христианином вне Церкви, и Церковь молчаливо, но с полной искренностью и верой приняла и признала это. В лице императора Империя стала христианской, не пройдя через кризис крещального суда».

Именно отсюда, от этого парадокса, своего рода искажения первоначальной Благой Вести и происходят многие соблазны в последующем пути христианства. Римская империя и до обращения Константина приобретала черты теократии, но в самой Благой Вести, в Евангелии Христовом нет ни слова о ни о каком священном царстве! Евангелие есть Весть Царстве Божиим, которое «внутри вас есть», как сказал Христос своим ученикам, и которое «усилием берется», духовным усилием, непрестанной духовной работой. А врата этого Царства открыл нам Христос – Своей смертью и Своим Воскресением. Государство же есть подсобное земное устройство, которое, конечно, необходимо, более того, по словам ап. Павла, от Бога установлено, но именно – от Бога, т.е. существует постольку, поскольку его существование устанавливает Бог, как Он устанавливает все в этом мире, но поклоняться которому нельзя. Тем самым, «священным» государство быть не может.

Так что же произошло? Полное искажение первоначальной Истины христианства? И обращение Константина было всего лишь политическим расчетом императора, нашедшего удобную «идеологию» для своего «священного царства»? Не будем спешить с выводами. Все не так просто, и в «Константиновом союзе» Церкви и империи был не только соблазн.

Прежде всего, римское теократическое сознание до Константина ставило императора на место бога – именно император должен был определять, как должны верить его подданные. В каком-то смысле после Константина так и произошло – во времена императоров Феодосия, а потом Юстиниана империя вполне превратилась в теократию, где вера подданных определялась государством. Но тут было существенное отличие от языческого царства: император, как бы много он ни значил, уже не мог стать на место Бога, не мог объявить богом себя – он был все же лишь исполнителем Высшей воли и должен был помнить о том, что и он подсуден Всевышнему. Именно это сознание – своей миссии, порученной ему Богом, – не позволяет свести обращение Константина лишь к политическому расчету. Но еще важнее другое.

«Церковь не забыла, что ее начало совпало по времени с решительным моментом мировой истории: с завершением универсальной по духу и по замыслу Римской империи. Греко-римский мир, то есть римская государственность, соединенная с эллинистической культурой, – вот вторая после иудейства историческая родина христианства» (прот. А. Шмеман. «Исторический путь православия», гл. 2).

Но дело в том, что эта «историческая родина» требовала реального участия в истории, требовала определить отношение к реальной, существовавшей тогда эллинистической культуре. Власть Христа, Его Царство – не от мира сего, но существует эта власть для преображения и спасения существующего земного мира. «Дана Мне всякая власть на небе и на земле». Эти слова Христа никак не противоречат «неотмирности» этой власти, наоборот – именно неотмирность христианства дает ему власть и право судить земной мир, поскольку источник этой власти – не на земле.

Но если так, то Церковь не могла вечно оставаться в виде разрозненных общин в диаспоре, не имеющих отношения к окружающей жизни. Выше говорилось о том, что если послехрамовый, раввинистический иудаизм преобразовался в религию диаспоры,

то христианство таким уже родилось, не имея земного Града и взыска Небесного. Но тут была и разница. Раввинистический иудаизм «выпадал» из истории принципиально, превратившись, в конце концов, в замкнутую общину, не участвующую в каком-либо историческом, культурном делании, лишь свято соблюдающую Закон, отодвигая тем самым вселенскую задачу приведения к Всевышнему всего мира куда-то вдаль, в неопределенную перспективу пришествия Мессии. Но христианство не могло себе позволить выпасть из истории и ждать Второго Пришествия. Христос уже пришел, уже искупил человечество, уже велел Своим ученикам принести Благую Весть всем народам. Конечно, и в Церкви были попытки создать «чистое» христианство, не имеющее отношения к миру, но они неизбежно уводили в сектантство – будь то монтанизм раннего христианства, будь то старообрядчество на Руси. Причем «выпадение» из истории подобных общин действительно происходило, а вот «чистой», не имеющей грехов общины все равно не получалось.

Вот почему Церковь в 4-м веке не могла не откликнуться на призыв, на возможность привести христианство в историю. Более того – Церковь в этой возможности не могла не увидеть Провидения Господня, Его воли. Исходя из этого, становится понятным, почему вчерашние исповедники, со следами недавних пыток на теле, горячо поддерживали римского императора в его стремлении поставить всю империю, т.е. тогдашнюю экумену, и самого себя как земную власть, под власть Христа. Не возвышение императора они в этом видели, а наоборот – ограничение его власти, признание того, что над самим императором есть Высшая власть. И – что очень важно – это была возможность всю существующую жизнь, все историческое делание, всю культуру поставить под знак Креста, этим поверять теперь всю жизнь земного мира.

Другое дело – что из всего этого получилось.

4

Если говорить об истории – получилась великая европейская культура. Христианская культура. Христианская даже тогда, когда эта культура бунтовала против Церкви и самого христианства, поскольку и в этом случае она все равно оставалась в кругу христианских понятий, чаяний, языка. Бог и человек, человек и мир, Новое Небо и новая земля – все это плоть и кровь христианской европейской культуры. Надо сказать прямо – как бы ни был велик соблазн, содержащийся в «Константиновом мире», без этого мира, без союза Церкви и империи Благая Весть не вошла бы в плоть самой европейской жизни и культуры, не преобразила бы эллинизм и самое империю, само сознание подданных этой империи. Люди навсегда запомнили, что они подданные земной империи только временно, и подлинное их отечество – Небесное Царство. И именно эта уже не исчезающая никогда вера преобразила земную жизнь, поскольку оказалось, что человек несводим к земным обстоятельствам, что есть нечто в нем, принадлежащее жизни вечной.

В стихотворении Бориса Пастернака «Рождественская звезда» показано именно это соединение неотмирного чуда – Рождества, и вызванной им грядущей жизни, уже под знаком Вифлеемской звезды:

И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы.

Как всегда у Пастернака, приметы жизни и истории даны в беспорядке, они разноплановы и разновелики («...и чем случайней, тем вернее...»), но именно эта кажущаяся неразбериха под-

черкивает основное: воцерковление самой истории, ведомой уже неотменимой Вифлеемской звездой.

Но «имперское» вхождение Церкви в историю означало и возникновение соблазна, который на века утвердился в той же истории. «Сознание христиан, в котором, в опыте мученичества, вспыхнул было евангельский идеал религиозной свободы, будет надолго ослеплено видением христианской теократии... И пройдет много времени, прежде чем осознан будет языческий характер этой теократии. ... Государственная санкция даст Церкви небывалую силу и, может быть, действительно многих приведет к вере и новой жизни. Но, в конечном итоге, от нее же для христианского мира придет начало его теперешнего распада и разложения, восстание самого мира против Церкви» (прот. А. Шмеман. «Исторический путь православия», гл. 3). Иными словами, можно сказать, что христианство, Церковь должны были придти в мир, должны были испытать все тяготы, зной и холод реальной истории, чтобы Благая Весть могла дойти до каждого, но «имперский» путь неизбежно сопровождался соблазном подмены Небесного Царства земной теократией, «христианской империей». Это был именно соблазн, поскольку не мог имперский блеск полностью закрыть истинное Царство – всегда были святые, подвижники, праведники, которых этот блеск не ослеплял. Но в иных случаях соблазн был непреодолим и приводил, действительно, к идолопоклонству.

Здесь необходимо сделать хотя бы краткое отступление – на Запад. До сих пор, говоря о соблазне теократии, мы имели в виду, конечно, Византию. Разумеется, именно там сложилась, при императорах Феодосии и Юстиниане, та церковно-государственная «симфония», т.е. юридически закрепленное сочетание светской и церковной власти, которая отразилась в своде многочисленных «правил», своего рода «христианском Талмуде», как кто-то остроумно его назвал. Именно в Византии сама идея теократической христианской империи была обоснована и осуществлена сознательно, а не под давлением обстоятельств.

Ну, а может быть, на Западе все было иначе? Ведь Западная Римская империя уже в 5-м веке стала добычей варваров, там образовались независимые королевства, которые часто меняли границы, а то и вовсе исчезали под натиском новых волн завоевателей. В этом хаосе раннего феодализма только кафедра Римского епископа – Папы, была чем-то постоянным и авторитетным, что признавали и сами новоявленные королевства и их властители, получившие новую веру от того же Рима. И главное – Папа не был зависим от империи, от императора в Константинополе, не был зависим граждански, т.е. не был его подданным. Верно и то, что именно к Риму как к третьейскому судье обращались с Востока во время богословских споров и расцвета ересей в эти века. В каком-то смысле Рим, в силу своего тогдашнего консерватизма и независимости от политических сиюминутных интересов и интриг, сотрясавших Византию, был тогда оплотом и мерилom православия – ведь ереси шли именно с Востока. Так может быть, Рим не был подвержен и соблазну теократии, соблазну замены Царства Небесного земной «христианской империей»?

Это и так, и не так. Верно, что Папы не зависели от византийских императоров – вернее, как правило, не зависели, ибо были попытки со стороны Византии оказать на них давление. Верно и то, что на Западе Римская кафедра обладала огромным авторитетом и влиянием как единственная апостольская и как авторитетный духовный центр посреди хаоса завоеваний и вторжений. Надо сказать и о том, что отношения между церковной и светской властью на Западе были иными, чем на Востоке. На Западе не было попыток создать византийскую «симфонию», главным образом из-за иных исторических обстоятельств: феодального хаоса и отсутствия стабильности. И поэтому Папа, в сознании западных властителей, стоял, пусть в духовном, прежде всего, смысле, и все-таки не только в духовном, как бы, над светской властью. Он не только был духовным авторитетом, но от него зависело коронование властителей, притом, что сам он, в отличие от византий-

ской «симфонии», от них не зависел. (Здесь тоже, конечно, можно сказать – как правило.)

И, тем не менее, теократический соблазн существовал и на Западе. Этот соблазн ведь был изначальной идеей «Константинова мира», а не результатом зависимости церковной власти от светской. Да, Папа стоял, как бы, выше королей. Но христианство и на Западе, и на Востоке распространялось, начиная с 5-го века, уже как государственная религия: король или князь принимал новую веру, и уже «сверху», государственными методами приводил к новой «государственной» вере своих подданных. Так было и на Западе, и на Востоке. Более того: на Западе, в конце концов, тоже возникла, начиная с Карла Великого, своя «Священная Римская империя», просуществовавшая дольше Византии. И хотя Рим в эту империю территориально не входил, тем самым подчеркивался особый духовный смысл этого названия, связанный не с конкретным Римом, а с «идеей Рима», т.е. с той же идеей теократии.

Кроме того, надо отметить, что и в самой Византии «симфония» Церкви и империи вовсе не означала непрямого подчинения Церкви императорской власти. Император в Церкви мог многое, но уже не мог всего, и поэтому провалились попытки императорской власти навязать Церкви учения, для нее неприемлемые: хотя бы, например, иконоборчество. Собственно, после отвержения иконоборчества на 7-м Вселенском соборе (заметим в скобках, что именно Рим, в отличие от Византии, вовсе не принимал иконоборчества) византийские императоры больше не делали попыток навязать Церкви какие-либо учения, оставив богословие в ведении богословов. И даже продиктованная политическими отчаянными обстоятельствами попытка унии с Римом (Флорентийской унии 15-го века), идущая, конечно, от императорской власти Византии на пороге гибели империи, была категорически отвергнута Восточной Церковью. Не место здесь обсуждать, хороша или плоха была идея этой унии и так ли должно было примиряться Востоку и Западу, но очевидно, что Восточная Церковь вовсе не всегда подчинялась Империи.

Хотя сама идея земного христианского Царства не только не исчезла, наоборот – настолько укрепилась, что стала казаться неотъемлемой частью и чуть ли не основой православия. И вот в том же 15-м веке константинопольский патриарх Антоний пишет на Русь великому князю Василию Дмитриевичу: «Невозможно христианам иметь Церковь, но не иметь Царя. Ибо Царство и Церковь находятся в тесном союзе, и невозможно отделить их друг от друга».

Да, далеко мы ушли от начального исповедания христианства: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня?» (Ин 21:16). Теперь надо любить еще и царство, и даже чуть ли не прежде всего – царство, ибо его никак не отделить от народа Божьего, от Церкви. Но эта идея, что Церковь и царство неотделимы, действительно даст горькие плоды и на Западе, и на Востоке. На Западе это приведет к массовому отходу от Церкви, когда придет время менять форму правления, ведь старая форма будет в сознании людей неотделимо связана с Церковью. Значительно раньше, на Востоке, после падения Византии, Церковь окажется без царства, вернее, под чужим, мусульманским царством, и это приведет к страшному духовному обеднению православных общин на Востоке, исчезновению у них вселенского горизонта. Увы, все больше они начнут напоминать – своей замкнутостью и откровенным «этническим христианством» – средневековый еврейский кагал. Это была плата за соблазн, за поклонение земному царству. Царство пало, и христиане на Востоке как-то ужасающе легко согласились быть замкнутой общиной, забыв о миссии нести Свет миру.

Но мы уже упомянули Россию. Перейдем же к этой теме – Россия тоже дорого заплатила за унаследованный от Византии соблазн.

5

Не один историк отмечал несомненную разницу между отношениями власти и Церкви в Киевской и Московской Руси. Киев принял православие от Византии и долго оставался на положении

одной из византийских епархий: киевский митрополит, который обычно сам был грек, находился в подчинении у константинопольского патриарха. Именно это давало Церкви некоторую свободу: князья не могли по своему произволу смещать ни митрополита, ни вообще церковнослужителей. Можно сказать, что в какой-то мере Церковь в Киевской Руси играла при власти именно ту роль, которая и предназначается Церкви: не политическую, а духовную. «Мы поставлены от Бога унимать вас от кровопролития», — так увещевает в 12-м веке русских князей киевский митрополит Никифор. В 16-м веке, уже в Московском царстве, подобное же «увещевание» царя Иоанна Грозного будет стоять московскому митрополиту Филиппу сначала кафедры, а потом и жизни.

Византия дряхла, слабела, пока не исчезла совсем, соответственно повышалась степень самостоятельности русской Церкви — не к пользе последней. Русь унаследовала от Византии все тот же «Константинов мир», союз Церкви и царства, но унаследовала уже в готовом виде, как некую очевидную и само собой разумеющуюся истину: невозможно христианам иметь Церковь, но не иметь царя... Но в Византии все же помнили, что так было не всегда, что Церковь была когда-то гонимой от той же империи, что не Церковь, а империя должна была измениться и признать власть Христа. К тому же интенсивная духовная жизнь Церкви в Византии сама ставила Церковь в некое духовное пространство, никак императорам не подвластное.

На Руси же возраставшая княжеская, потом и царская власть смотрела на Церковь, т.е. на христиан, прежде всего, как на подданных, и в лучшем случае союз Церкви и царства рассматривался как союз политический, для пользы того же царства. Вот почему царь Иоанн искренне гневается на митрополита Филиппа: как тот смеет вмешиваться в царские дела, его дело — молиться, а царь сам знает, кого казнить, кого миловать. Повторяю, Иоанн здесь не лицемерит, он действительно считает Филиппа изменником, осмелившимся посягнуть на его, царя, права, ведь у Филиппа своя роль в царстве — молитва и литургия, свое «тягло», как у лю-

бого государева подданного. Царь искренне не понимает, что и он, и Филипп – прежде всего подданные другого Царя, другого Царства. Потому и более поздний конфликт патриарха Никона с царем Алексеем Михайловичем – скорее тяжба о власти, о политической роли царя и патриарха.

На Руси никак не получалась византийская «симфония» Церкви и царства, даже в той мере, в какой она была в Византии. Скажем, спор «стяжателей» и «нестяжателей», последователей Иосифа Волоцкого и Нила Сорского в других условиях вовсе и не должен был возникнуть. Поскольку и социальное служение Церкви, которого добивался Иосиф, и молитвенное созерцание последователей Нила могут сосуществовать, совмещаться в братской любви тех, у кого, по слову Апостола, «дары различны». Но в том и беда, что недолжная сакрализация самой идеи земного царства толкала к неперемennomу «единообразию» служения. Конечно, духовность «нестяжателей» нам ближе, слишком уж горькие плоды бывали от социальной активности, слишком часто она перерастала во властолюбие и забвение подлинной любви к ближнему. Тихий и незлобивый дух молитвы кажется более близким Христу. Все так. Но ведь можно смотреть на Иосифа и его дело, его требование помощи ближнему не только молитвой, но и действием, и самим богатством, как на своеобразное «западничество» в русской Церкви: ведь именно на Западе Церковь все более активно занималась земными, казалось бы, делами, именно в активной помощи ближнему видя свой долг. Не забудем, что Иосиф умножал монастырские богатства не для себя и не для братии, – его монахи даже жаловались на суровый устав монастыря, – а для помощи людям. С другой стороны, исключительно молитвенное созерцание для духовно неопытных душ тоже может стать соблазном – привести к мечтательности и бесплодной фантазии, вместо духовного делания.

Пожалуй, именно избытком мечтательности, какой-то духовной нетрезвенностью отличалась Русь от, все же, суровой Византии. Ведь в последней никогда не прельщались какой-то, якобы

бывшей в прошлом, идеальной действительностью, никогда, в отличие от мечты о «святой Руси», не было предания о «святой Византии»: слишком хорошо в Византии знали и прошлое, и настоящее этого мира, который «во зле лежит». Никогда не было в Византии сказок о каком-то «опоньском царстве», где все живут «по правде» и куда надо только «дойти» (вечный российский мотив странничества, бегства), – там хорошо помнили слова Христа, что Царство Божие усилием берется (т.е. духовным трудом, а не бегством) и что оно внутри нас есть. И если в Византии слишком большое значение придавали роли земного царства, то там все же помнили, что Церковь хоть и находится в союзе с земным царством и царем, но все же «Града грядущего взыскует», того Царства, что не от мира земного.

Из Византии могли исходить ереси и расколы, но там была все же серьезная духовная работа, и никогда раскол не мог возникнуть от простой разницы в обряде. Литургия в Византии реформировалась много раз, приспособляясь к «имперским» нуждам единообразия (как и во время реформы патриарха Никона – исправления богослужебных книг), но это не могло принести церковное потрясение и раскол. Собственно, старообрядческий раскол в России есть прямое следствие преувеличения сакральной роли царя: мол, если и православный царь соблазнился «поновлением» книг, то и впрямь близок конец света. Напомним, что в Византии даже ересь, исповедуемая самим императором, не приводила к таким преувеличенно эсхатологическим последствиям.

Здесь надо вспомнить об одном еще соблазне, который хотя и существовал на Руси, но вовсе не имел (к счастью!) того определяющего русскую историю значения, которое часто приписывают ему задним числом. Речь, конечно, о т.н. «Третьем Риме». Но поскольку и этот соблазн – прямое следствие «Константинова мира», о нем надо сказать.

Сама идея, что есть «странствующее святое царство – Рим», что если пали первые два Рима: собственно Рим и Византия, то третий и последний Рим – это Московская Русь, единственное

оставшееся православное царство, – сама эта идея вовсе не принадлежит старцу псковского Элеазарова монастыря Филофею, а принесена на Русь извне. Принесена эмигрантами из южных славянских земель, попавших под власть Османской империи. Славянские Балканские государства – Сербия и Болгария – пережили, хоть и ненадолго, Византию, и именно среди интеллектуальной элиты этих стран зародилась красивая (пожалуй, даже слишком красивая) идея о «странствующем царстве». Уж очень хотелось им наследовать гибнущей Византии. Но турки захватили и их страны, и осталась на роль «Третьего Рима» только Московская Русь, как единственное сильное православное царство. Тем более, что тогдашний московский великий князь Василий был сыном княжны Софьи Палеолог, племянницы последнего византийского императора.

Но дело в том, что, вопреки распространенному мнению, письмо старца Филофея с объявлением Москвы Третьим Римом, а великого князя Василия – наследником византийских императоров, – встретили в Москве более чем прохладно. Никогда идея «Третьего Рима» не провозглашалась и даже не обсуждалась в Москве ни на церковных, ни на земских соборах. И это понятно. В церковном отношении эта идея уж слишком отдавала ересью: как бы ни было полонено церковное сознание союзом Церкви и царства, но провозглашать чуть ли не догматом то, чего нет и не могло быть в Евангелии, все же никто не решился бы. К тому же в православном мире давно утвердилась иерархия восточных патриархов, где константинопольскому принадлежало первое место, а московскому – лишь пятое, и нарушать ее никто не собирался. А в государственном отношении идея Третьего Рима была и вовсе неуместна. У Московского царства были совсем иные заботы, чем завоевание Константинополя: вечная борьба с Польшей, Литвой, Ордой, Казанью, Крымом, Швецией... Москва боролась за выживание, а не за романтическую мечту.

Именно такой мечтой «Третий Рим» и останется: ее еще помнили при Грозном, забыли в Смутное время, еле помнили при первых

Романовых, а при Петре она и вовсе была неуместна: свою империю Петр строил как европейскую, светскую, и менее всего видел в ней возрожденный православный Рим. Петру нужны были моря, торговля, крепости, военные победы, а не византийский престол. Императрица Екатерина вспомнит об этой мечте, назвав старшего внука Константином, но это было уже Новое время, и Екатерина руководствовалась чистой политикой (т.е. вопросом о проливах) да еще немецким сентиментальным романтизмом. В 19-м веке в России эту мечту откроет романтически же настроенная славянофильская интеллигенция, и она так и останется интеллигентской игрушкой, чем с самого начала и была. Только политические соображения (те же проливы) заставят Россию в начале 20-го века обратить внимание на Константинополь. Но серьезного влияния идея «Третьего Рима» на российскую политику не оказала.

Вот на Западе эта идея пожалуй, не только была принята, но даже почти осуществлена – в виде Священной Римской империи. И старца Филофея там для этого вовсе не понадобилось...

Так вот, хоть «Третий Рим» и был чисто интеллектуальной идеей, само ее появление свидетельствовало о том, что образ земного «Царства» приобретал все более сакральный характер и грозил совсем закрыть Лик Христа. Но совсем закрыть Его, конечно, было невозможно. Как бы ни была связана Церковь земной империей, как бы ни подчинялась она все более и более земной власти в российском «варианте», она никогда все же не могла забыть о своем неземном происхождении и неотмирной миссии. Стоит обратить внимание, в связи с этим, на приводимое Георгием Ивановым в его неоконченной «Книге о последнем царствовании» описание обряда коронования, принятого в Московском царстве:

«Московские цари шли в Успенский собор со “Славой”, с пением молитв, ладаном и зажженными свечами. ... Пушки не стреляли. Оружие на царе показалось бы тогда кощунством. ... Царь просил у митрополита благословения на царство и подтверждения Церковью его царских прав, и митрополит, возлагая на него венец, почти грозно напоминал ему: “Сам ты имеешь Царя в не-

бесах. Будь же праведен, если хочешь, чтобы милостив был к тебе Царь небесный”.

Это круто переиначивает Петр, одевает бутафорской мальтийской романтикой Павел и потом старательно обезличивают несколько поколений петербургских чиновников».

Георгий Иванов, ироническими красками описывая коронацию Николая II, напоминает о церковном обряде поставления на царство в средневековой Москве. Да, все верно – в то время Церковь, как бы она ни зависела от царской власти, все-таки помнила о природе этой власти, о том, что и царь подчинен Богу и несет перед Ним ответ, и напоминала об этом царю, хотя бы формально, при поставлении на царство. Верно и то, что в обмирщенном послепетровском времени все кардинально изменилось, и коронация стала похожа на театральное действо, из нее ушел главный смысл – царь вручает свою волю Господу на небесах и несет перед Ним ответ. А именно в этом и был главный смысл союза Церкви и империи, заключенного Константином, при всей его двусмысленности и соблазне.

Все так. Но едва ли стоит видеть главное зло в петровских реформах, сделавших Церковь «ведомством православного вероисповедания», частью государственного аппарата, на манер протестантской Великобритании. Петр лишь завершил тот путь, по которому шла Церковь в Московском царстве: от неудавшейся в Москве византийской «симфонии» до все более увеличивавшейся зависимости церковной власти от царской. Повторю: в отличие от Киевской Руси, именно в Московском царстве Церковь все более становится зависимой от государства, и петербургский «синодальный» период только придал этой зависимости юридическую форму.

В этом свете даже печально известную «Декларацию» митрополита Сергия, которую он вынужден был подписать в 1927 году, можно, хоть и условно, отнести к той же традиции, идущей от союза империи и Церкви. Да, советская империя была языческой и не собиралась становиться христианской, да, Сталин – не импе-

ратор Константин и не Петр I, да, этот документ даже не прекратил преследования Церкви со стороны советского государства, но само опасное отождествление «печалей и радостей» Церкви с «печалями и радостями» государства восходит, увы, все к тому «Константинову миру».

Конец этого «мира» был неизбежен: и на Востоке, и на Западе он привел к наступлению и созданию уже совершенно светского (и это в лучшем случае), а то и откровенно языческого царства. В котором Церковь если и не подвергалась гонениям, то оттеснялась на обочину «нормальной жизни», вера становилась «частным делом», если не подозрительным занятием. В «лучшем» случае секулярное государство стало смотреть на Церковь как на нечто полезное для вразумления слишком уж «разгулявшегося» общества, в худшем – старалось ее уничтожить. Такова была расплата за некогда принятый соблазн, за «симфонию» Церкви и царства.

И, несмотря на то, что все описанное выше – давно прошедшие времена, надо помнить о том, что психология устойчивее государственного и социального строя, и поэтому вполне своевременно прозвучало не так уж давно предостережение Аверинцева, относящееся уже к нашему времени: «Вместо преследований нам угрожает опасность неловкой пародии на православный истэблишмент в позднецаристском стиле»¹. То есть нам угрожает, в сущности, пародия на то, что и в московский, и еще более – в петербургский период само стало походить на пародию византийской «симфонии». А в последней коренился и никуда не исчезал соблазн: затмения Царства Небесного царством земным.

6

Первые христианские общины жили упованием на Небесный Иерусалим, Царство Божие, которое было им обещано их Учителем и в котором они видели свое подлинное Отечество. Поэтому

¹ С. С. Аверинцев. «Опыт советских лет: солидарность в Боге гонимом». Христианос № X. Рига, 2001. С. 102.

разрушение земного Иерусалима и Храма лишь укрепило их веру в то, что Бог заключил Новый Завет со Своим народом, Завет, в котором Воскресение Христово, открывшее роду человеческому путь в это Царство, отменяет все «подпорки», необходимые падшему, греховному человеку, чтобы «стоять» перед Богом: и изощренный Закон, и земную теократию. Самые преследования христиан свидетельствовали им о том, что они сораспинаются Христу и тем самым становятся причастными и Его Воскресению.

Несмотря на то, что первые христиане не отделяли себя от большинства, от еврейского народа, им все же пришлось отделяться, вернее, их отделили, поскольку, хотя это большинство и верило в приход Мессии не просто как приход земного властителя, но как в «Солнце правды и исцеление в лучах Его» (Мал 4:2), но именно крестный путь для народа оказался неприемлемым, «соблазнительным». «А мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, а для эллинов безумие» (1 Кор 1:23). Характерно, что уже в 13-м веке, в Испании, во время диспута с христианами о вере, знаменитый иудейский законоучитель Моше бен Нахман (Нахманид, Рамбан) возражал своим оппонентам: Иисус не мог быть Мессией, поскольку был распят и не сумел спасти даже Себя Самого. Нахманид, повидимому, не знал, что он фактически повторил то, что говорили «начальники», стоя у Креста: «...других спасал, пусть спасет Себя Самого, если Он Христос, избранный Божий» (Лк 23:35).

В дальнейшем сама история поставила перед христианами вопрос: как относиться к окружающему их миру, как нести Благую Весть людям, как совместить жизнь в царстве сем, в мирском царстве со взысканием Царства Небесного? В сущности, этот вопрос история задает Церкви на все времена, до Второго Пришествия и Страшного Суда. Союз Церкви с империей, как мы видели, дал Церкви возможности действия в этом мире, которых раньше у Церкви не было. Но он же и породил соблазн, суть которого можно сформулировать так: нарушение иерархии Божественного и земного, придание сакрального значения тому, что сакральным быть не может: земному царству.

«Константиновский» период в истории Церкви, конечно, закончился. Сейчас может возникнуть разве что пародия на него, имитация, от которой предостерегал Аверинцев. Но вопрос, заданный историей, остается. В сущности, дело только в одном: раз и навсегда определить, что священо, а что может быть просто полезно, что вечно, а что преходяще, что надлежит отдать Богу, а что кесарю, который хотя тоже «от Бога», но только в том смысле, в каком от Бога и мы сами: Бог позволил ему иметь власть, как даровал нам всем жизнь, но и мы все будем держать перед Ним ответ.

В одной из моих немногочисленных бесед с отцом Александром Менем он высказал такую мысль: в любом явлении главное – это то, без чего это явление не существует. Остальное может иметь место, но оно все-таки второстепенно. Так вот, христианство, – продолжал о. Александр, – может существовать и без крестов, колоколов, облачений, песнопений и т.д. При этом вовсе не значит, что всего этого не нужно, но все-таки христианство без этого может существовать. Не существует оно только без одного: без Иисуса Христа.

Да. Только Христос и наша любовь к Нему может быть мерой нашего отношения к миру и земной власти. Только Христос. Ему же слава вовеки. Аминь.

Иерусалим, 2008 г.

АНДРЕЙ ДЕСНИЦКИЙ

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ПИСАНИЯ

Если бы потребовалось в двух словах сказать, о чем учил Христос, это было бы совсем нетрудно сделать: о Царствии Божиим или о Царствии Небесном (в Евангелии это синонимы). Конечно, в Своей земной жизни Христос говорил об очень и очень многом, но именно это понятие стояло в самом центре Его учения, именно оно радикально отличало Его от проповеди множества других славных пророков, царей и псалмопевцев. Что же это такое – Царствие?

«Господь царствует вовеки»

В поисках ответа нам придется обратиться сначала к Ветхому Завету: как и многие другие понятия из Нового Завета, проповедь Царства тоже основана на образах и идеях Завета Ветхого. «Господь воцарился», или, точнее, «Господь царствует» – мы встречаем это выражение в Псалтири (46:9). Звучит оно вроде бы просто и понятно, но только что оно на самом деле означает?

Господь обладает верховной властью над всем этим миром как его Творец, и в этом смысле мы можем называть Его Царем. В то же время мир полон зла, мы видим, что в нем слишком часто творится воля не Бога, а совсем другой личности – сатаны, которого Евангелие не случайно называет «князем мира сего». И потому Господь избирает один народ, Израиль, который он тоже в определенном смысле слова создает из ничего, выведя его из египетского рабства и даровав этой толпе бывших рабов Закон и людей, способных научить ее этому Закону. Поэтому для израильтян Господь есть царь в совершенно особом смысле. «Господь будет царствовать во веки и в вечность» (Исх 15:18) – так заканчивается песнь

израильтян после их перехода через Чермное море, в тот самый момент, когда этот народ действительно становится народом.

Народом Израиля, конечно, правили люди – но это были избранные Господом пророки (Моисей) или судьи – харизматические вожди. Они, по сути, были Его прямыми наместникам на земле. Народ, правда, со временем стал этим недоволен и пожелал установить у себя нормальную монархию, как у всех людей. Ответ Господа пророку Самуилу, который тогда правил Израилем, ясно показывает, что на самом деле тогда произошло: «не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними» (1 Цар 8:7). Народ избирает монархическую форму правления, отступая от идеала теократии, но дальше сам Господь избирает удобного Ему царя – сначала Саула, потом и Давида, за потомством которого израильский престол должен был оставаться навсегда.

Кстати, представления о теснейшей связи царя и божества были характерны не только для древнего Израиля – они были широко распространены на всем древнем Ближнем Востоке. И в Месопотамии, и в Египте цари были или божествами, или представителями божеств, во всяком случае, земной порядок в идеале был призван стать проекцией порядка небесного, и царь был посредником между двумя мирами, представляя свой народ перед небом, и являя небо на земле. В этом отношении израильтяне вполне соглашались с окрестными народами – что отличало избранный народ от всех остальных, так это вера в Единого Бога и в Его царство как в торжество абсолютного добра.

Но ведь на практике далеко не каждый царь стремился к такому добру, и уж совершенно точно никто из них не был достойной иконой Бога? Действительно, так. В Израиле мог царствовать идолопоклонник или преступник, но израильтяне никогда не теряли памяти о том, что на самом деле их подлинный Царь – Господь. Именно отсюда и происходят представления о Мессии как о Праведном Царе, который однажды утвердит на земле Царствие Небесное, то есть в полной мере проявит в здешней временной жизни принцип «Господь царствует вовеки».

«Приблизилось царствие небесное»

Именно к народу, находящемуся в напряженном ожидании такого Мессии, обратил свою проповедь Иоанн Креститель: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 3:2). Он не говорит людям больше ничего: само по себе приближение Царства уже служит единственной и достаточной причиной покаяния (на еврейском – «обращения, возвращения»).

Это звучало почти как призыв к революции в стране, которая, утратив свою независимость, находилась под римской оккупацией, и царь которой, Ирод, совершенно очевидно не соответствовал высокому призванию израильского царя – да и не был, кстати, законным наследником Давида.

Люди начинают задавать ему вопросы, что же им делать в связи с этим приближением – и ответы Иоанна до некоторой степени объясняют нам, каким он видел Царство. Оказывается, людям не надо делать ничего особенного – только отказаться от греха, попросить у Господа прощения и постараться жить честно, чисто. Даже те люди, кто служил на земле Израиля ненавистным римским оккупантам – сборщики налогов и солдаты – не должны были оставлять своих прежних занятий, а только отказаться от притеснения остальных людей (Лк 3:12-14). Это уже было что-то неожиданное: если в страну приходит новый царь, разве не потребует он, чтобы ему немедленно принесли присягу, отказавшись от всяких обязательств перед прежними властями?

Но Иоанн ничего не разъяснял подробно. В один из дней он просто показал людям на Человека, Который пришел к нему креститься – и сказал, что именно Его приход и предсказывали пророки. И снова никаких объяснений, никаких резких перемен.

А дальше? Да, казалось бы, ничего особенного не происходит. Ученики следуют за Учителем. Он проповедует, совершает чудеса, исцеляет больных и даже воскрешает мертвых, и это естественно – если на земле наступает Царство Божие, то смерть, болезнь и страдание неизбежно отступают. Казалось бы, вот еще

шаг-другой, и... «Не в сие ли время, Господи, восстанавлиаешь Ты царство Израилю?» (Деян 1:6) – так спросят его ученики потом, уже после Воскресения, но только потому, что этот вопрос был у них на устах с самого начала. Вот, сейчас, думают они, начнется победное шествие Царя-Мессии по всему миру, римские войска рассеются, нечестивцы будут истреблены, а праведники начнут править миром.

Но ничего такого не происходит, и в том, видимо, и кроется главная причина, по которой толпы, встречавшие Христа торжественными криками при входе в Иерусалим, всего через несколько дней будут настойчиво кричать «распни Его!» (Мк 15:13-14). Он ничего не сделал этим людям – но Он не оправдал их расчетов на немедленную победу над римлянами, а такое не прощают никому, и вот они готовы требовать от римлян, чтобы несостоявшегося царя пригвоздили ко кресту. Это хорошо почувствовал и сам Пилат, велел написать на кресте «царь иудейский», причем на трех языках сразу, чтобы все прочитали и запомнили (Лк 23:38). Вообще, как мы помним по истории Его допроса, Христа действительно официально обвиняют не в чем ином, как в претензии на царское достоинство – и такого обвинения Он не отклоняет (Мф 27:11).

Распятие, конечно, было крушением всех надежд для учеников Христа. «А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля» (Лк 24:21) – говорят Его ученики, причем говорят уже после того, как Он воскрес и им об этом рассказали, более того – говорят Самому Христу, встретив его по дороге домой и не узнав. Все произошедшее слишком сильно отличалось от того, чего они ожидали.

И этот шок, это видимое поражение, пожалуй, не в последнюю очередь должны были показать ученикам: Царство не таково, каким оно представлялось многим. «Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: “вот, оно здесь”, или: “вот, там”. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк 17:20-21).

Что же оно тогда такое, это Царствие? Об этом Христос говорил много – но исключительно притчами.

«Царствие Небесное подобно...»

Действительно, нигде и никогда Христос не дает определений Царствия. Он говорит о нем исключительно образно, прикасаясь к этой тайне, но не раскрывая ее. Действительно, есть вещи, которые невозможно втиснуть в узкие рамки словесных понятий. Вновь и вновь мы напоминаем себе и друг другу, как Лис Маленькому Принцу, что главного не увидишь глазами и не выразишь в словах. К Царствию это относится в полной мере.

Что же говорят о нем притчи? Оно начинается с малого, как горчичное зерно, но оказывается самым великим в этом мире. Оно – самое ценное сокровище, ради которого не жалко пожертвовать всем остальным – и в то же время его нельзя до времени отделить от того всего остального, как отделяют плевелы от пшеницы. Вход в него открыт только тем, кто приложит определенные усилия и заранее обо всем позаботится, чтобы не остаться без масла для светильника и без подобающей одежды – и в то же время оно подобно неводу, который сам захватывает рыб всякого рода. Оно требует тщательного расчета и подготовки, как строительство башни или дома на твердом основании – и в то же время оно вторгается в нашу жизнь неожиданно, как внезапно вернувшийся хозяин дома. Оно требует приумножения того, что было вручено тебе Богом, как пускают в торговый оборот серебро – и в то же время домоправитель, направо и налево раздававший добро своего хозяина, становится в нем образцом для подражания.

Не слишком ли много образов приводим мы тут, спросит удивленный читатель – ведь не во всех этих притчах упоминается слово «Царствие»? Верно, но точно так же не во всех них говорится о Боге, и в то же время все они – о пути человека к Богу и о служении ему. Царствие небесное стоит в самом центре учения Христа, и о чем бы ни говорил Он ученикам, это было обязательно

о Царствии: как найти его, как жить в нем, как его не потерять. Проповедь Христа – это Евангелие Царствия, притчи – это тайны Царствия, ученики – сыны Царствия. И даже сочувствующий Христу член Синедриона по имени Иосиф называется не иначе как «ожидающий Царствия» (Мк 15:43) – этим уже сказано всё.

Но такое богатство образов порождает на самом деле больше вопросов, чем ответов. Эти притчи звучат как сборник загадок – что же такое это самое Царствие, если оно может быть столь разным? Ответ, по-видимому, кроется не столько в отдельных формулировках, сколько во всех четырех Евангелиях сразу: это нечто такое, что возникает между Христом и Его учениками и составляет самую суть их жизни. Можно было бы назвать это безукоризненным исполнением Божьей воли, но такое понятие есть во многих религиях – например, соблюдение Моисеева закона и будет таким следованием Богу. Но здесь речь идет о чем-то большем...

В детстве все мы мечтали о прекрасных тридевятих царствах, о сказочных правителях далеких стран. Наверное, это во многом и есть мечта о Царствии. Рыцари за круглым столом короля Артура не просто исполняют волю своего правителя – они живут в единении с ним, он сам принимает их как самых близких людей и разделяет с ними пиршества и страдания, жизнь и смерть. Наивысшую степень такой близости между царем и его подданными, а точнее, его соправителями, мы и находим в Евангелии, причем не в одной или нескольких притчах, а во всей евангельской истории.

Впрочем, у нас есть и конкретные указания, как именно следует жить в этом Царствии – это, прежде всего, Нагорная проповедь. Ее радикализм поражает: да ведь так просто нельзя жить! Если после удара по правой щеке всегда будешь подставлять левую, и безоговорочно давать просящему у тебя – очень скоро, буквально через пару недель, вся твоя жизнь пойдет под откос. Нет, мы так не живем, и потому христианам постоянно приходится самим себе это объяснять. Например, насчет щеки еще древние толкователи (например, Ориген) заметили, что нельзя понимать это выраже-

ние буквально: ведь бьют обычно правой рукой, значит, первой страдает левая щека! А уж насчет того, чтобы никогда не заглядываться на красивых женщин – так это и вовсе кажется мне физически неисполнимым. Что же, так и жить с чувством неизбывной вины? Или перетолковывать всё символически?

На самом деле, наверное, эти требования можно и нужно понимать буквально – таковы законы Царствия. В этом падшем мире мы очень часто не дотягиваем до них, да и не всегда это требуется (так и Сам Христос в ответ на удар по щеке не просто подставил другую, но задал вопрос «что ты бьешь Меня» – Ин 18:23). Но в Царствии они, безусловно, становятся нормой – и в той мере, в которой Царствие осуществляется в нашей жизни, в наших отношениях друг с другом, мы можем и должны придерживаться их уже сейчас. Собственно, Деяния и Послания апостолов и показывают нам, как эти нормы осуществлялись в жизни раннехристианской общины. У этих людей было «всё общее» (Деян 2:44) не в том примитивном смысле, в каком, учили нас, будет при коммунизме, но в самом широком и полном смысле – у них была общая жизнь, горести и радости одного были горестями и радостями другого.

Трудно, очень трудно удержаться на такой высоте. Достаточно привести один пример: у первых христиан считалось позором судиться друг с другом перед язычниками (1 Кор 6:1-8). Нет, речь не идет о ложном доносе и тому подобных вещах – они вообще оставались за гранью мыслимого – но о простом и естественном для всякого человека случае, когда он отстаивает свои поправленные права. Если «внутри нас» действительно есть Царствие, то немислимо прибегать к каким-то внешним властям с их репрессивным аппаратом – все должно решаться в духе этого Царствия. Но сегодня... Сегодня в нашей церкви, как оказывается, просто нет церковного суда – то есть нет никакого установленного способа обиженному человеку «сказать Церкви» о своей обиде, как учит Сам Христос (Мф 18:17) – можно либо идти в светский суд (то есть признавать, что Царствия среди нас в данный момент нет), либо... либо подставлять и подставлять то правую, то левую щеку тому,

кто будет бить, не задумываясь. Грустный выбор, и он прекрасно показывает, как легко самые замечательные слова и идеи обращаются в свою противоположность, когда размывается суть.

«Да придет Царствие Твое!»

Если рассуждать о Царствии исключительно в контексте евангельских притч, оно будет выглядеть скорее чем-то исключительно камерным, интимным, что таится в глубинах человеческих сердец или возникает в человеческих отношениях. Это, безусловно, будет верное, но неполное представление. «Да придет Царствие Твое» – так учит молиться Своих учеников Сам Христос (Мф 6:10), и эти слова явно подразумевают, что Царствие может и должно наступить во всем этом мире.

Собственно, в Новом Завете есть даже целая книга, которая описывает, как это произойдет – Откровение Иоанна Богослова. Говорить о ней довольно трудно – она полна загадочных пророчеств, и осуществление этих пророчеств наверняка будет точно так же далеко от наших ожиданий, как и пришествие Христа оказалось непохожим на ожидания иудеев того времени. Нам явно потребуется умение удивляться, когда дело дойдет до этих страниц Библии. Более того, разные толкования на эту книгу уже написаны, и толкователи немало спорили друг с другом – будет ли, к примеру, на земле тысячелетнее Царствие Христа еще до конца света, или эти слова надо понимать как-то иначе.

Но некоторые общие принципы достаточно ясны и в книге Откровения. «Агнец как бы закланный», то есть Христос, предстанет перед Господом, сидящем на престоле, и с Ним начинают царствовать спасенные им люди (Откр 5). Иными словами, Царствие Божие – это такое царство, где каждый подданный может и даже призван стать соправителем, не умаляя тем славы Великого Царя.

Вместе с тем это царство не устанавливается без борьбы. В Евангелии, как уже было сказано, мы читали о «князе мира сего»

– наглом временщике, обманом захватившем власть над людьми, то есть сатане (Ин 12:31 и др.). Наш мир, по сути, мятежная провинция огромного Царствия Бога, которую еще предстоит вернуть под власть ее Подлинного Владыки.

Это возвращение уже происходит здесь и сейчас, где людей объединяет деятельная и жертвенная любовь к Богу и друг ко другу, желание исполнять Его волю и радоваться Его присутствию в нашей жизни. Когда-нибудь эта любовь преобразит весь мир, но здесь и сейчас она преображает наши жизни. Царствие Небесное должно наступить однажды, но оно уже присутствует здесь – это напряжение между «уже да» и «еще не» и определяет условия жизни христиан в этом мире.

Священник АНТОНИЙ ЛАКИРЕВ

СВЕТ АПОКАЛИПСИСА

Многие идеи и представления, образ жизни и поведение людей в современном мире и в древности окрашены ощущением непрочности, временности и нашего существования, и самого мира. Мы прекрасно понимаем, что вечная неизменность, «стабильность» бывает только в пропаганде, а в реальной жизни неподвижно и неизменно только мёртвое. Это интуитивное ощущение хрупкости нашего существования с самой глубокой древности преломляется в человеческом сознании в мысль о том, что когда-нибудь этот мир станет иным. В большинстве случаев, конечно, это представление о том, что мир рухнет. Он кончится, и наступит некоторая неизвестность – или, может быть, вообще ничего не наступит. Свт. Василий Великий в гомилиях на Шестоднев писал, что вечность и неизменность присущи Богу. Это у Бога нет начала и конца, это Он вечен и неизменен. А тварь по определению не такая, как Бог. И поскольку, говорит свт. Василий, у тварного мира было начало, и, следовательно, он развивается, значит, у него будет и конец, и иначе быть не может. Иначе быть не может не потому, что это кто-то коварно задумал, не потому, что Бог на небе думает, как бы нас ловчее со свету извести, чтобы отдохнуть от нас, а потому, что не может не иметь конца то, что имело начало.

Ощущение бренности существования не только каждого из нас, но и всего тварного мира может быть и движущей силой молитвы, и причиной антирелигиозного протеста, и источником давящего страха. На этой почве все время возникают какие-то движения, представители которых сосредоточены на ожидании того, что должно произойти нечто экстраординарное – конец мира, когда люди погибнут вместе со всей тварью, или «конец истории», когда человечество достигнет стационарного состояния своего развития, или еще какие-то радикальные перемены. Для современного

мира влияние апокалиптики весьма велико; трудно даже сказать, отвечает ли она на определенный, объективно существующий, «вопрос» человека, или формирует этот вопрос через всю культурную историю.

Чаще всего, читая любую апокалиптическую литературу, Откровение Иоанна Богослова в том числе, мы задаем вопросы «когда?» и «за что?». Кроме того, современный читатель непременно пытается определить в тексте указание на то, что ожидает лично его. Когда всадники Апокалипсиса поскачут в мир, когда звезды падут на землю и откроются печати, что будет со мной? Но все это совсем не те вопросы, которые имеет смысл задавать, потому что не на них отвечает Бог в Откровении Иоанна. Во-первых, Он, похоже, вообще не предполагает «уведомить» нас о наступлении конца света: «Это будет как молния от края неба до края неба; увидите», – говорит Господь. А во-вторых, «Вот Он идет... и будет судиться со всякой плотью относительно всего, что грешники и нечестивые сделали и совершили против Него», – так отвечает на вопрос «за что?» автор книги Еноха, одного из самых значительных произведений апокалиптической литературы предновозаветной эпохи¹. Подобный ответ неприятен, но ясен. В более современном контексте у людей также возникает вопрос о том, имеет ли смысл человеческая история и каково ее содержание; но жизнь так коротка, что она лишь немного касается хода истории – или, напротив, история слегка касается нас. «Одна участь всем»², как говорит Экклзиаст, и перспектива смерти намного серьезнее прогнозов на недалекое (а тем более далекое) будущее.

А вот есть ли смысл в той части истории, в которой нам дано участвовать? Если человеческая жизнь – нечто краткое, но влеченное в многовековую историю мироздания, – есть ли у нее смысл и что это значит пред Богом? Можно ли вообще задавать вопрос о том, что происходит между миром и Богом в масштабах

¹ Енох 1:1.

² Еккл 9:2-3.

человеческой жизни? И в центре христианской апокалиптики – вопрос именно об этом. Именно это действительно имеет практическое значение.

Мне кажется очень важным различать два варианта представлений о конце времен: в одном случае преобладает страх, а в другом – остается еще место для надежды. Строго говоря, у нас нет возможности приписать тот или иной взгляд библейской или внебиблейской культуре, это было бы чрезмерным упрощением. Люди, которые вообще дают себе труд задумываться о смысле, «о грехе, о правде и о суде», особенно в переломные эпохи истории, часто чувствуют, что мир катится в пропасть, что так жить нельзя. Так было жить нельзя вчера, тысячу и десять тысяч лет назад. В любые времена знакомо человеку это ощущение того, что все в мире идет наперекосяк, рушится. «Не та пошла молодежь», как говаривали еще шумеры... Вся жизнь просачивается как песок между пальцами; очень многие культуры так или иначе знали это переживание грядущей катастрофы. Силы хаоса, которые мы, скорее, назвали бы вторым законом термодинамики, бесконтрольные, слепые и могущественные, разрывают ткань этого мира изнутри, и мы время от времени становимся свидетелями чудовищных катастроф, которые воспринимаются нами как предвестники конца мира. Больше того, и в древности, как и сейчас, многие понимали или хотя бы чувствовали, что человеческий грех имеет к этому крушению мира самое прямое отношение; сам факт, что природные катастрофы – землетрясения, цунами и прочие извержения вулканов – рождают у нас вопрос «за что нам это сделали?», означает, что мы догадываемся об ответе на него.

Как справедливо замечает апостол Павел³, Бог дает людям относительно ясное понимание того, что хорошо и что плохо. Поэтому древние трепетали при мысли, что мир дошел до крайней степени развращенности – это у них еще телевидения не было, поэтому их степень развращенности казалась им крайней, – и что

³ Рим 1:19 слл.

боги непременно должны разгневаться и небеса упасть на землю... Зевс будет кидаться молниями, а чудовище Тиамат все слопает... Чудовища, олицетворяющие собою хаос, весьма часто встречаются в космогонических мифах разных народов, и весьма часто миф космогонический является еще и мифом апокалиптическим, повествующим о гибели порочного мира в объятиях хаоса.

В двойной перспективе неумолимо приближающегося лично-го «конца света», смерти и разрушения мироздания, которое поглотит все плоды человеческой жизни, строятся и индивидуальная, и социальная жизнь человека. Конечно, для современных социально-политических теорий характерно скорее игнорирование эсхатологической перспективы бытия: к примеру, марксизм, как и либерализм в духе Фукуямы, делают вид, что эсхатологии не существует, а все дело в достижении окончательной формы человеческого общества. Впрочем, социальная практика древнего Рима уделяла эсхатологии не больше внимания... Тем не менее, сделать вид, что не существует смерти, не удавалось пока никому. Поэтому во все времена люди испытывают ужас от мысли о разрушении мира и собственной смерти, которые кажутся нам несправедливыми, неправильными. Мы не готовы на это согласиться. Даже если это естественно, даже если это разрушение неизбежно и обусловлено нравственными законами мироздания и оправданно при той конструкции мира, которая есть, – все равно человек не в состоянии поверить в то, что это хорошо – в библейском смысле этого слова. Взирая на крах мироздания, всей глубиной своего существа зная, что этот крах неизбежен и закономерен, мы все же не можем сказать «хорошо весьма» – и поэтому так трудно нам слушать, когда Бог говорит эти слова.

В библейской апокалиптике на первый взгляд так же мало оптимизма, как и в любой другой. Там тоже есть множество всяческих ужасов, леденящих душу слов о том, что «солнце превратится во тьму и луна в кровь, прежде, нежели наступит День Господень, великий и страшный», полно пугающих образов вылезающих из бездны зверей. При всем том есть и изумительная, ни на чем не

основанная надежда, которую первыми высказывают пророки. В конечном итоге библейская эсхатология – представление о цели истории и о том, что будет дальше, выстраивается именно на этой надежде, на представлении о том, что будет не просто крушение мира, а его обновление, преображение.

Основной нерв библейской апокалиптики в том, что это будет день, когда мы наконец-то станем свободными; день, когда все то, что держит нас в рабстве, что превращает жизнь в какое-то жалкое прозябание, – все это рухнет, исчезнет. Именно об этом освобождении говорится в евхаристическом каноне свт. Василия Великого: «дал Себя в выкуп смерти, державшей нас, проданных греху»... Во времена Господа Иисуса это чаяние свободы сконцентрировалось в напряженном ожидании того, что сейчас Мессия придет и наконец-то изгонит этих ужасных римлян, – и тогда в царстве Мессии мы будем свободны и наконец-то сможем жить по правде. Все – от зилотов до фарисеев – стремились приблизить этот день именно ради долгожданной свободы. И это была свобода для правды, для жизни по вере и по закону Бога.

Конец времен для Библии – это не прекращение бытия мира и гибель человечества, а момент, когда наконец-то мы узрим Бога⁴. Когда Библия говорит о том, что на сидящих во тьме и сени смертной свет воссияет⁵ в день Господень, великий и страшный, имеется в виду, что весь мир сейчас отгорожен от Бога и Его света, но в День Посещения этот свет засияет и мы сможем жить по настоящему. Для бытовой, повседневной апокалиптики характерно ощущение, что сегодня – настоящая жизнь, а что будет «там», потом – это еще большой вопрос. Для Библии скорее наоборот: то, что происходит с нами сегодня – это какая-то гнусная и жестокая пародия на замысел Божий. Но наступит, обязательно наступит день, когда явится настоящее. Вот выбор, который стоит перед каждым из нас. Что мы думаем о вечности? Будет ли она лишь

⁴ Иов 19:26-27.

⁵ Ис 9:2.

жалкой бледной тенью сегодняшней жизни? Если то, что сейчас происходит, что мы видим в себе и вокруг себя – если это жизнь, то какова же смерть? Библейская перспектива ровно обратна: если это – смерть, то какова же жизнь! Как прекрасно будет то, что наступит, если даже в нашей сегодняшней несовершенной жизни мы не забыты у Бога.

Библейская апокалиптическая культура знает, что весь мир изменится; конечно же, тварь не останется прежней, когда наступит День тот и земля полной мерой даст плод свой⁶. Для библейской апокалиптики будущая жизнь, когда явится Бог, будет несопоставимо ярче и прекраснее нынешней, и новый мир, обновленный и освобожденный от всех язв человеческого греха, будет несравненно прекраснее того, что мы знаем сегодня. Мы немного найдем в Библии слов о красоте мира; библейские авторы чаще обращают внимание читателей на то, что этот прекрасный мир – лишь бледная тень той дивной красоты, которую уготовал нам Бог и которая ждет нас впереди, после катастрофических мук рождения правды.

То, как мы видим соотношение нынешнего и грядущего мира, определяет, смотрим ли мы в лицо Богу с ужасом и думаем, как бы оттянуть тот день, когда Он все-таки придет, или в какую бы пещеру закопаться на этот момент, либо, как Исайя Вавилонский, с надеждой говорим: «О, если бы Ты расторг небеса и сошел!»⁷. Но возникает и вопрос: нельзя ли попасть туда, в обновленный и прекрасный мир, не переживая страдания и мук преображения?

Эти два полярных взгляда, назовем их небиблейским и библейским, плохо совместимы друг с другом. Однако наступает момент, когда сам Бог счел нужным вмешаться в человеческие размышления о конце света, о том, что с нами происходит и куда мы идем. Об этом и говорит Откровение Иоанна Богослова, великая, очень нужная и важная, бесподобно прекрасная книга Библии.

⁶ Ис 30:23, Зах 8:11-13.

⁷ Ис 64:1.

Когда Иоанн называет эту книгу апокалипсисом, он ставит ее в совершенно определенный жанровый контекст, потому что апокалиптическая литература, от страшилок до призывов к партизанской войне, имеет совершенно определенные черты, всегда пользуется определенной терминологией и образами. Характерно, что этот литературный язык не так и уникален для библейской апокалиптики – она пользуется почти теми же грандиозными образами, что и другие, например, вавилонские, произведения на эту тему. Но Иоанн использует эти жанровые особенности, чтобы передать абсолютно уникальное Откровение – специфичное именно для христианской веры и христианской апокалиптики.

В начале Откровения, да и потом несколько раз, Иоанн рисует словами то, что происходит на небе, что он видит и что ему открывается. Он стоит на берегу моря, и ангел Господень приоткрывает перед ним небесную реальность – так об этом пишет сам Иоанн. При ближайшем рассмотрении оказывается, что описания неба у Иоанна носят подчеркнуто литургический характер. Для нас принципиально важно увидеть, почувствовать эту литургичность, потому что Откровение – не столько о конце времен, сколько о достижении полноты времен, о том, как мир достигает поставленной Богом цели.

Откровение, которое Бог дал Иоанну и которое Он повелел ему донести до христиан, – не просто пророчество, подобное ветхозаветным или новозаветным пророчествам, ответам Бога на те или иные вопрошания людей. «Я был в духе в день Господень»⁸, говорит Иоанн, объясняя читателю происхождение своего Откровения. То был «день после субботы», первый день недели, – в Синодальном переводе вполне определенно говорится о дне воскресном. Во времена Иоанна для христиан это был преимущественно день совершения Евхаристии – и одновременно день, когда христиане ожидали Второго пришествия. «Был в духе в день Господень» – значит, речь идет о даре Духа Святого, который был дан

⁸ Откр 1:10.

Иоанну именно в этом таинстве. То видение судеб мира, которому посвящена основная часть Откровения, стало для Иоанна возможным именно через Евхаристию, именно в ней он увидел Присутствие Иисуса в мире. А уже это Присутствие, реальное, осязаемое, определяет для него и смысл всего того, что происходит в мире. Не будем забывать также еще один важный аспект: если ветхозаветное пророчество в «классическом» варианте является плодом уникальных личных отношений Бога и конкретного человека, окрашивающих и содержание, и форму даруемого пророчества, то «быть в духе в день Господень» для читателей Иоанна должно быть обычным, нормальным делом.

Конечно, сегодня для нас равно редки и необычны и уникальные дары пророков, и «пребывание в духе в День Господень», — но в апостольские времена это было весьма распространено. Собственно, именно пророки, судя по посланиям Игнатия Богоносца и другим документам эпохи, и возглавляют обыкновенно таинство Евхаристии на рубеже 1–2 вв., из чего следует, что пророки, как правило, в христианских общинах были. А это означает, что Иоанн говорит о богооткровенном видении судеб мира, которое могло быть доступно очень и очень многим. Все равно, как если бы в наше время некто сказал: «Я прочитал в обыкновенном синодальном издании Слова следующее...», — и все мы, кто хотя бы немного знает грамоте, могли бы открыть это Слово и прочесть. Так и читатели Откровения сами не редко бывают в духе в День Господень. И нам сегодня принципиально важно знать, что Евхаристия, которую мы совершаем, — та же самая Евхаристия, в которой Иоанн получил свое Откровение.

Далее, Иоанн описывает служение, которое совершается перед престолом Небесного Царя⁹. Ангелы и святые, души умерших, убиенных за имя Божие, дивные существа, подобные льву, тельцу, орлу и человеку, виденные Исайей и Иезекииелем, старцы по числу колен народа Божьего (впрочем, не 12, как в ветхом Израиле, но

⁹ Откр 4–5.

вдвое больше), воздают славу, и честь, и Евхаристию¹⁰ Сидящему на престоле и Агнцу. Славу, честь и благодарение, как выглядит эта фраза в современных переводах, но в оригинале (и, следовательно, для читателей Иоанна) нет различия между словами «благодарение» и «Евхаристия». Следовательно, то, что происходит на Небе, – то же самое, что происходит в Церкви. В сущности, именно это свидетельство Иоанна лежит в основе представления о земной Литургии как отражении во времени вечной небесной Литургии, представления, которое так ясно формулирует Дионисий Ареопагит и следующие ему мыслители.

«И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей; и ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: Свят, Свят, Свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет»¹¹ – вот славословие, которое выражает эту «славу, честь и благодарение». Нет нужды напоминать, что всякая Евхаристия в той или иной форме содержит эти слова или хотя бы ссылку на них. Это и есть «эпиникия», победная песнь; в нашей Литургии – «победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще: Свят, Свят, Свят...». Чтобы воспеть песнь победы, нужно увидеть эту победу – очами сердца, как Иоанн, или глазами веры, как участники Литургии. Таким образом, содержание Откровения, то, что «апокалипто», обнаруживается – не столько крушение мироздания, сколько победа Бога. То есть, главная тема Откровения – это обнаружение уже свершившейся победы в мире, который о ней еще не знает.

И в центре всего – Агнец. Это Он достоин открыть верным книгу судеб Божиих, потому что Он был заклан и Кровью Своей искупил всех¹², это Ему принадлежат духи, посылаемые от Бога во всю землю¹³. Он был мертв и вот – жив, и Его Телу и Крови

¹⁰ Откр 4:9.

¹¹ Откр 4:8.

¹² Откр 5:9-10.

¹³ Откр 5:6.

причащаются все, участвующие в Евхаристии. Печати, снятие которых описывает далее Иоанн, – это печати, которые снимает с книги Агнец, открывая людям Себя; вестники, скачущие на конях, несут весть об Агнце и Его победе; чаши, которые изливаются на землю и определяют гибель поврежденного мира и его исцеление от зла, – образ чаши Крови Агнца.

Доксологические формулы Откровения, конечно, определяющим образом повлияли на то, как славит Бога Церковь, но и сами они вплетены в библейскую традицию славословий, в значительной степени являясь цитатами из более ранних текстов. Это касается и победной песни «Свят, Свят, Свят», и многих других выражений, знакомых нам по христианской гимнографии. Возможно, даже характерное именование Бога Тем, Который был и есть и грядет, представляет собой попытку передать по-гречески смысл имени «ΥΝΩΗ», священного Тетраграмматона. В видении Иоанна «небо отверсто»¹⁴, и славословия объединяют всех, живущих на земле и умерших, всех, кто на земле и под землею¹⁵.

Даже души умерших за имя Божье из-под престола Агнца вопиют к Богу! Для Иоанна и его читателей это было чрезвычайно важно: Иоанн пишет, по-видимому, уже при Траяне, когда начались серьезные гонения, по крайней мере, были жуткое, хотя краткое и локальное, гонение при Нероне, и масштабные и систематические гонения при Домициане. Знаменитый ответ Траяна на вопросы Плиния Младшего стал в эти годы законодательной базой для последующих гонений. Для Иоанна и его читателей души убиенных за имя Божие – совсем не абстрактные люди, – нет, это их друзья, которых они знали, с кем они молились каждый день, чья кровь пролилась на их глазах на аренах цирков. Души убиенных за имя Божие – это очень реальные люди, которые пропали, погибли. Они не дожили до конца света, они не дожили до обещанного блаженства. И где они, куда они делись? В Шеол, пре-

¹⁴ Ср. Ин 1:51.

¹⁵ Откр 5:13.

исподнюю, где «в смерти нет памятования о тебе»¹⁶, где нет ни награды, ни наказания¹⁷?

И вот, Иоанн говорит о том, что все в руке Божьей, перед Ним в этой всеобъемлющей вечной литургии пребывают все; вся тварь: ангелы, люди, животные, умершие, – все. Оказывается, что никто не пропал! И это очень важно для нас. Во-первых, Откровение Иоанна дает, таким образом, нам, читателям, удивительную надежду, что и происходящее с нами тоже не скрыто от Бога, и от нас Он тоже не устранился. Во-вторых, он переносит центр тяжести с далекого момента, который будет когда-то, на «сейчас», на «сегодня». Желających назначить конец света на определенное время всегда было достаточно; то одна, то другая дата гипнотизирует человечество, всегда находится кто-то, назначающий конец света на какой-то срок, и все оказывается пустым... А Иоанн уходит из этой плоскости в другую: в литургию, которая происходит на небе! В ней принимает участие все мироздание, в том числе и умершие, которые у Бога оказываются живыми, и их правда не перестала быть правдой!

Вот еще важная вещь: дело не в том, что души вопиют об отмщении, про отмщение Бог говорит, что оно принадлежит Ему: «Мне отмщение и Аз воздам»¹⁸. А в том дело, что правда, которой жили убиенные за имя Божие, не перестала быть сама собой, не превратилась в нечто, в чем не отличишь добро от зла, жизнь от смерти, истину от лжи, – она не перестала быть правдой.

Иоанн описывает небо с помощью известных его читателю, вероятно, наизусть цитат из текстов, которые они каждый День Господень, каждое воскресенье поют, совершая Евхаристию! «Достоин только Ты взять эту книгу и снять с нее печати!» «Ты Агнец закланный, который был мертв и вот – жив!» Эти гимны – песнопения, которые каждый знал. Именно эти гимны, или, может быть, примерно такие же, в воскресную ночь, тихо, чтобы не услышала

¹⁶ Пс 6:6.

¹⁷ Еккл 9:5 слл.

¹⁸ Втор 32:35.

римская полиция, воспевали где-то в катакомбах... Эта сияющая небесная литургия знакома читателям Иоанна, но они ее знают покрытую полумраком, в свете одной лампадки или одного факела. Они знают, что эта реальность присутствует здесь, но еще не в полном сиянии. Вместо размышлений о том, упадут горы или нет, вместо размышлений о том, когда, наконец, все народы покорятся вере Израиля, Иоанн переводит всю христианскую апокалиптику в иную плоскость. Этот конец света, сияющий в небесах, мы знаем, но знаем как маленький огонек лампадки. Здесь, в нашей сегодняшней реальности.

Зачем он вообще стал писать? Вероятно, к нему все время посылали с берега, из Малой Азии гонцов за духовной помощью. Епископы говорили своим молодым сотрудникам: сходи к Иоанну, спроси, что нам делать, потому что мы уже вообще ничего не понимаем, что происходит: сплошные гонения, всех арестовывают, все гибнут... Что такое, почему Бог нас оставил? Может, мы что-нибудь делаем не так? И вот, один за другим они плывут на этот остров, пробираются через полицейские кордоны, может быть, подкупают стражу, приходят и говорят: епископ послал нас спросить тебя... Вспомним, как Иоанн Креститель посылал учеников к Иисусу спросить: Ты ли тот, или ждать нам иного? Иоанн в этот момент сидел в тюрьме и видел, что все рушится: Иисуса никто особенно не принимает, а сам Иоанн вот-вот погибнет... Ты ли тот, или ждать нам Иного?

И вот, вероятно, в ответ на просьбы и недоуменные вопрошания учеников Иоанн Богослов пишет эту книгу и посылает нарочного, чтобы он обошел по дороге из Эфеса семь городов Малой Азии и отнес им этот текст. Он пишет о том, что происходящее имеет смысл, но смотреть на это надо в иной перспективе. Не в той, в какой смотрят они; его адресаты, большей частью христиане из язычников, полагали, что если горы еще не рухнули, а их убивают, значит что-то идет не так. Нет, пишет Иоанн, Царство пришло; оно явилось, оно не заставило себя ждать. Вся полнота присутствия Бога есть в Церкви, есть в этих микроскопически

малых христианских общинах. Когда в начале он пишет о 24 старцах, которые сидят вокруг престола и поют: «Честь и слава и премудрость и сила Богу нашему», – он говорит о том, что Бог уже пришел. Уже наступил конец времен. Еще в межзаветную эпоху иудеи полагали, что когда наступит конец времен, ничего не кончится. Это в сказках все кончается свадьбой, а в жизни с нее все только начинается. Так и иудейская апокалиптика – с концом света все только начинается, потому что придет Мессия и народы мира обратятся к свету Божьему, наступит воскресение мертвых, и вот тогда мы, свободные, заживем в вечности!

Иоанн пишет своим ученикам шокирующую вещь: грядущее уже наступило. Вы и не заметили, как вечность уже пришла. Он говорит о том, что то, что они видят вокруг себя, – в первую очередь гонения и, шире, всю катастрофическую реальность мира, – это признак того, что и в самом деле конец пришел и в самом деле апокалипсис (а в переводе с греческого это, собственно, явление, снятие покровов, откровение того, что прежде было сокрыто от человеческого взора) произошел. Вы знаете его в вашей жизни!

И поэтому у Иоанна возникает важный полюс в его повествовании, антипод Царства Христа. Это царство человеческое, царство кесаря, империя, вся эта слепая и тупая сила зла, которая окружает нас и принуждает человечество поклоняться силе. Это апокалиптический зверь 13-й главы, которому поклоняются живущие на земле и который ведет их на погибель. Для Иоанна в центре внимания не хаос в природе, не энтропийные процессы, хотя он понимает, что когда горы потрясаются и моря выходят из берегов, это несет людям неисчислимые страдания. Иоанн связывает крушение мира с печатями книги Агнца, с всадниками – вестниками Его правды, с приходом в мир сияния Его святости: явление Царства в мир вызывает взрыв, подобный аннигиляции вещества с антивеществом, хотя и не вполне аналогичный ему. Противоборство света и тьмы неизбежно: «Что общего у света с тьмою?» – писал Павел коринфянам¹⁹...

¹⁹ 2 Кор 6:15.

Люди-то всегда думают о триумфе Бога, о победе Мессии, о том, что финал сотворенного мира будет счастливым. И «будет в те дни, возмутятся десять человек из всех разноязычных народов, возмутятся за полу Иудея и будут говорить: мы пойдем с тобою, ибо мы слышали, что с вами Бог»²⁰. Но Иоанн говорит о том, что Бог пришел раньше того дня, когда можно праздновать триумф. Есть в молитве освящения воды в чине крещения такие слова: «Из-за того, что сердце Твое милостиво, не вынес Ты, Владыка, зрелища тирании диавола над родом человеческим, но пришел и спас нас». Как через Осию Бог говорит: «Повернулось во Мне сердце Мое, возгорелась вся жалость Моя!» (Ос 11:8)... Не в день, когда свет победил тьму, Он пришел, наоборот, день Его прихода стал днем победы. Он пришел не в непреодолимой силе воинства небесного, а в образе раба, – но Он победил, Агнец закланный, который был мертв и вот – жив. Агнец заклан не тогда, когда мироздание окончило свои дни; но в Его воскресении мир достиг своего эсхатона, предназначения и полноты. И это, похоже, то новое, что добавляет Откровение к остальным книгам Нового Завета. Иисус мало говорит об этом в Евангелии; эта тема возникает только в последний момент, когда ученики показывают Иисусу все «архитектурные излишества» храма Ирода, а Он вдруг говорит: «не останется здесь камня на камне», и незачем на все это смотреть.

Царство кесаря у Иоанна не просто реальность, которая скрывается за зверями, драконами с рогами и хвостами и прочим ужасом, вылезающим из моря и из бездны. Скорее всего, у всех этих символов есть определенный смысл, который прочитывался на рубеже первого-второго веков, это был своего рода эзопов язык, способ говорить о политических реальностях, узнаваемых его читателями. Так или иначе, смысл Откровения не в том, чтобы дать исчерпывающую классификацию нечисти и объяснить ее роль в мироздании, тем более, что последнее и так ясно. Иоанн говорит, что существует, как и предупреждал Иисус, реальная возмож-

²⁰ Зах 8:23.

ность для людей не захотеть Царства, и реальные силы в людях, в истории и сегодняшней жизни, которые хотят собою Царство Бога подменить, которые хотят царствовать вместо Христа. И компромисс, а тем более, симфония – невозможны; существующие земные установления, в первую очередь империя, всегда оказываются враждебными Богу. Всегда. Как говорил Экклезиаст, когда властвует человек над человеком – во зло ему²¹.

В последующие столетия христиане далеко не всегда разделяли это отношение к земной империи, отдавать «кесарю – кесарево» нередко становилось для них религиозным императивом. Но для Иоанна, как и для Синедриона и Пилата, в словах Христа «отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу», слышался не призыв разделить светскую и религиозную сферы, а нескрываемый сарказм в отношении кесаря. В самом деле, что может принадлежать кесарю, если он сам сотворен Богом?

Иоанн, чьи предки и сам он на протяжении столетий видели множество кесарей – от Рамсеса до Ирода, от Навуходоносора до Тиберия, отлично знал, что все, что происходит не от Бога, все попытки людей властвовать друг над другом, над миром, – это все действие дракона. Римская империя тех времен ставила себе в большую заслугу то, что она обеспечивает своим гражданам стабильность и безопасность. На границах, правда, все время шли войны, но в итальянской глуши под оливами или в веселом Коринфе и впрямь могло казаться, что все хорошо. Однако ни видимость порядка, ни даже влияние римского права и римской организации, в самом деле благотворное, не дают оснований для самообожествления империи. Как бы усердно императоры ни прикидывались благодетелями народов, на самом деле они не могли и никогда не могут дать того единственного, что вообще делает жизнь жизнью, – вечного измерения, присутствия Царства.

Для читателей Иоанна, возможно, важнее всего было сообщение Иоанна о том, что в сей день мы являемся свидетелями схватки

²¹ Еккл 8:9.

между Царством, которое уже пришло, и этим страшным зверем человеческой гордыни, властолюбия и жестокости. Эту схватку Иоанн изображает несколько раз подряд разными средствами (главы 6-8, 8-9, 15-16), создавая многомерное повествование. Вот он говорит о том, что когда в мир приходит Царство, когда приходит Иисус и между учениками возникает Его Царство, одна за другой открываются новые вещи, снимаются печати с прежде закрытой книги. Бедствия приходят в мир, наступает день гнева, и вот, в результате Иоанн видит дотоле незримое «множество людей... стоящих перед престолом и пред Агнцем»²². А потом Иоанн вместо семи печатей, которые Агнец снимает с книги, изображает семь Ангелов с трубами, которые трубят – и вновь являются бедствия, но даже те, кто пережили их, не раскаялись в делах рук своих²³. Смысл этих образов сходный: происходит столкновение реальности Царства Божьего с миром. И это столкновение приводит в действие слепые силы зла, которые пытаются уничтожить дело Божье. То, что происходит, – это вовсе не какие-то случайные казусы, допущенные Богом по недосмотру или по безразличию к судьбам людей, а это прямое следствие того, что мы впустили – или не впустили – Бога в свою жизнь. Бога, который пришел не в конце времен, а сейчас. Иисуса, который пришел сейчас.

Это важная особенность христианской апокалиптики: Царство Божье когда-нибудь наступит, и это прекрасно, но мы живем не в том будущем, а сейчас. И для нас не менее важно, что оно пришло в нашу сегодняшнюю жизнь. Оно присутствует среди нас и является действующей силой в нашей жизни, в наших сердцах. Эта сила, конечно, вызывает сопротивление и в нас самих, и вокруг нас. Не потому, что мы такие, апокалиптического масштаба, громадные колоссы, против которых ополчается дракон из бездны. Нет, конечно, но мы оказались рядом с Царством, и мы не можем избежать всего того, что происходит между Агнцем и драконом,

²² Откр 7:9.

²³ Откр 9:20.

не предавая Агнца. Поэтому Иоанн пишет о том, что вы, «дорогие детки», выбрали Агнца и идете за Ним. А Агнец попадает в этом мире в чудовищную передрагу, потому что империя товарищей кесарей ополчается на Него и пытается Его уничтожить. Куда вы денетесь? Если вы остаетесь с Ним, значит, вы разделите Его судьбу. Это, в сущности, ровно то, что говорит о Кресте Павел; и именно об этом говорит Иисус: «Кто хочет идти за Мной, отвергнись себя и возьми крест свой ежедневный и иди за Мной»²⁴.

Бог никогда и не оставлял этого мира, а уж с тех пор, как Он пришел сюда «самолично», конечно же, история наполняется борьбой за жизнь. И в этом, собственно говоря, смысл каждого человеческого дня, каждого года и каждого столетия. Поэтому, читая Откровение, любая эпоха без исключения находит в нем что-то свое, что-то, говорящее именно о ней. В нагромождении символов, разобраться в которых так трудно и которые именно своей непонятностью так пугают людей, каждая эпоха находит указания на саму себя. Это, конечно, поразительное свойство символики Откровения – но, может быть, впрочем, сама эта символика определяет, оформляет наше восприятие.

Чаще всего люди читают Откровение с тем, чтобы узнать прогноз на ближайшее будущее, а это рассказ о том, что происходит всегда, каждый год и каждый день. Ничего неожиданного в этом нет; то, о чем пишет Откровение, это «нормальная» реакция дракона на приход Бога. Но Иоанн смотрит с другой стороны, он говорит: «посмотрите, на Чей приход они так реагируют!» И если в ваше время вы видите что-то из описанного, значит и в ваше время этот приход Бога имеет место, значит и ваши дни – тоже День Посещения! Если силы зла и хаоса ополчаются против верных и против человечества вообще, если они стремятся прельстить и погубить кого только можно, значит, Кто пришел к нам, Кого они чувствуют перед собой? Вот, Господа Иисуса, Агнца закланного, который посреди нас!

²⁴ Мк 8:34.

Именно Его присутствие определяет то, о чем говорят заключительные главы: «Се, творю все новое». Новое небо и новая земля, все новое, и Бог побеждает, потому что невозможно Его убить – Он уже умер и воскрес, а тех, кто гибнет за имя Его, Он воскрешает и они опять живы, как те два свидетеля в 11-й главе, которых убили, но в них «снова вошел дух жизни, и ужасались смотревшие на это». В катастрофах, преследующих человека в его жизни, в истории и в личной биографии, проявляется то, что свет Царства прикоснулся к нам, и если мы приняли его, как приняли его мученики, умершие за имя Христово, то конечно, мы разделим этот путь Креста, но мы уже победили, потому что Бог уже победил. Когда Иоанн описывает новый Иерусалим, он ссылается на знакомое ему с детства описание из 41-й главы Книги пророка Иезекииля, где ангел дает Иезекиилю линейку и рулетку, и тот измеряет новый храм, записывает результаты... и Иезекииль видит реку жизни, текущую из-под престола. И Иоанн приводит подобные описания – кроме одного: Храма нет. «Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель – храм его, и Агнец»²⁵. И от престола Бога течет река, чистая, как кристалл. И это не когда-нибудь потом, если драконы – сейчас, то ведь и Царство – сейчас. А драконы... стоит, например, только включить телевизор, и через 5 минут мы убедимся, что драконы в наличии; но это значит, что можно взирать на Агнца, потому что Он присутствует среди нас. Может быть, потому нам так и страшно, что мы часто распределяем время наоборот.

Конечно, это присутствие Агнца – огромная радость, огромная надежда для нас, и именно потому говорящее об этом Откровение такая сияющая книга. Иоанн заканчивает его словами: «Ей, гряди скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!»²⁶, и слово «скоро», греческое «тахи» означает не «завтра, завтра, не сегодня...»; оно означает «быстро, со всей возможной быстротой». Эту фразу

²⁵ Откр 21:22.

²⁶ Откр 22:20.

можно было бы передать как «Да, Я тороплюсь прийти! Аминь. Да, прииди, Господи Иисусе!» Иоанн пишет в Откровении не о том, в чем выражается присутствие Царства в нашей жизни. Он написал об этом в Евангелии и Посланиях, и косвенно речь об этом идет в посланиях к семи церквам в начале Книги Откровения; он свидетельствует, что когда в общине любящих друг друга людей происходит таинство Тела и Крови Агнца, это значит, что долгожданное грядущее Царство присутствует среди нас – здесь и сейчас.

Священник ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ

ДЕТСТВО И ЦАРСТВО

Время «умаления»

Предлагаемые заметки – лишь вступление к книге о детстве, которую мне хотелось бы написать. Уже почти закончив их, я неожиданно наткнулся в Интернете на рассказ давнего и близкого моего друга. И понял его, как всегда, с полуслова. С его рассказа я и решил начать.

«...друзья в институте в первый раз мне предложили почитать Евангелие. Тогда это было очень трудно, обычно его давали всего на одну ночь, больше не могли дать. Я прочитал и понял, что это правда, все, что в нем написано, – правда. И тут же последовал внутренний вопрос: «Какое это имеет отношение к тебе? Ну, конечно, имеет. Но, может, не сейчас? Так много вокруг интересного, так много, чего еще хочется попробовать и испытать, – наверно, надо потом».

Так я решил для себя. Но это я решил, а Господь решил по-другому. Потому что сначала молодость, жизнь, женитьба меня привели к тому, что я как бы об этом забыл, хотя все время помнил, что есть вопрос, на который я не дал ответ. И вот у меня родился сын. Когда я первый раз его увидел, ему было несколько дней всего, и мы встретились глазами, я чуть не упал в обморок, потому что я увидел живой взгляд, в нем было столько любви, столько благодарности, что я понял, что больше нельзя тянуть, что надо немедленно давать ответ на этот вопрос.

...В эти самые первые суматошные дни – как это бывает, когда первенец дома – я несколько дней провел в церкви: сидел, молился и понял, что больше так нельзя, нужно отвечать. Если есть призыв, то тянуть дальше и говорить: «Нет, потом, когда-нибудь...», – будет

предательством. Ну и поскольку это было какое-то решение, то с этого момента началась другая жизнь. Крещение пришло еще не скоро, прошел почти год, месяцев восемь или девять, но с этого момента началась другая жизнь. И она длится по сей день».

Когда ребенок, в минуты покоя, глядит на тебя, кажется, он передает чье-то вопрошание. Это случается редко. Вдруг ты ощущаешь, что Кто-то всматривается в тебя глазами Своего творения. Его взгляд не передает иного противостоящего «я», до которого еще надо вырасти, подняться на общезначимую поверхность из какой-то скрытой, светлой, не ясной нам глубины. Встречаясь со взглядом ребенка, воспринимаешь его как дар или призыв. Он обращен к тебе, здесь и сейчас.

В предразумной стадии его взгляд иногда поражает недоступной нам полнотой знания. Он соотнесен не с тем, что впереди, но с тем, что позади, с пребыванием в утробе... *Несокрыты от Тебя были кости мои, когда я созидаем был втайне* (Пс 38). И эта несокрытость «взирания Божия» проступает в глазах новорожденного. И просит, вызывает – о благодарности.

Благодарность – первый и самый глубокий корень нашей веры. Второй – очищение себя для Бога и покаяние за неумение благодарить.

По одному из иудейских поверий, в утробе матери ребенок изучает Тору. То есть познает Бога. А потом, когда рождается, Ангел Божий стирает в нем эту память. И мы в новорожденных ощущаем этот след изначальной мудрости, не до конца еще стершийся, не вполне забытый.

Может быть, в пред-сознании ребенка свернуто нечто, что нам недоступно? Во взрослой жизни часто кажется: забытое окликает нас. Отсюда у самых догадливых и великих возникают теории познания как воспоминания: у Платона или Хайдеггера... Здесь же исток творчества (поэзии, музыки) как пробуждения памяти. Не той взрослой, грузной доверху нашим «я» и продавливающейся под его весом, но скорее общинной прапамяти, в день творения познавшей Бога, увидевшей Лик Его...

«Дивно для меня ведение Твое». Всякий раз, когда перечитываю 138 псалом, оказываюсь с этим ведением лицом к лицу. Словно жаркий мороз по сердцу. Куда там Платон или иной мудрец, книжник и совопросник! Устами Давида Бог рассказывает о Своей «работе», о том, как дело Его совершается в *глубине утробы*, о том, как *ведение* облекается костями, наполняется днями жизни, не оставляет нас ни на миг. И если некогда это ведение физически, плотью вошло в нас, неужели оно исчезнет, когда не будет плоти?

И «вечная память» – не означает ли возвращения в это *дивное ведение Твое*, сотворившее нас, вошедшее в нашу жизнь и где-то живущее в нас. И разве не со встречи с *дивным ведением* начинается вера? Раннее детство напоминает нам об этой, не до конца проясненной, связи, между «до» и «после» человеческой жизни.

Загадка Евангелия. *В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает* (Мф 18:1-4).

Обратиться – в кого? Отцы говорят: если не станете кроткими, послушными, смиренными, невинными как дети, не войдете... Однако у детей вовсе нет таких свойств! Взрослым надлежит умалиться, а детям радоваться и расти! И обращение в детство взрослых в устах Слова Божия, через которое все пришло в бытие, не всегда означает только лишь нравственное стяжание первозданной невинности. Может быть, Христос говорит о чем-то более существенном: о возвращении в эту первозданность, в замысел Творца о каждом из нас, который так явно сквозит и тайно светит через *дитя*? Умаление требует осознанной направленной воли, обращение – это как удар благодатного луча в сердце.

Есть два разных пути богословия, которые, в сущности, пролегают неподалеку друг от друга: богословие покаяния и богосло-

вие славы. Богословие покаяния, как и основанная на нем духовная жизнь – дело взрослых, как, разумеется, и детей, которые ими готовятся стать. О том, как готовить их к верующей и покаянной взрослости есть (среди прочих) и пастырски прекрасная книга о. Виктора Мамонтова «Таинство детства». Богословие славы обращено к «свету разума», который светит в творении и говорит с нами из нашей тварности, столь отчетливо различаемой в начале жизни. Речь не идет лишь о том детстве, которое надо хорошо воспитать, чтобы из него потом достойно вырасти, но о том, в которое подспудно хочется вернуться, убежав, отступив от неотвязной нашей взрослости.

Все последующее – лишь робкая попытка разгадать евангельские слова. Даже не разгадать, а просто побыть около них, согреться от «славы» их. То «дитя», которое призвал Иисус, остается невидимой мерой и точкой отсчета нашего существования. И даже евангельским таинством его. К участию в нем призван каждый человек. Оно не зависит от нашей церковности, но по-настоящему мы прикасаемся к нему лишь в Церкви. При этом открывается оно по-разному; по-своему – отрочеству, едва оторвавшемуся от своего начала, по-иному – зрелости, отошедшей от детства на дальнейшее расстояние. Толстой где-то писал: от меня сегодняшнего до меня пятилетнего – один шаг. От меня пятилетнего до меня новорожденного – огромное расстояние.

Огромное расстояние пробегает наша интуиция или память, когда начинает искать себя «за гранью прошлых дней», за оградой оставленного нами Царства. Путь к нему прокладывается *только верой*. Но верой юной, умеющей, не задумываясь, принять Христа в «малых сих»: *И взяв дитя, поставил его посреди них и, обняв его, сказал им: кто примет одно из таких во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня принимает, тот не Меня принимает, но Пославшего Меня* (Мк 9:36-37).

«Кто примет это дитя во имя Мое...» А если понять буквально? Личность ребенка заключает в себе имя Сына Божия. Имя начертано на нем: на чуде, тайне его творения. Вочеловечение: плоть становится носительницей имени.

Богословие детства. Перед нами, по сути, твердое и развернутое учение. Сложившееся богословие детства, забывшее «почему-то» о грехе Адама. Святость детскости не только провозглашается здесь, но и является делом. *Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбранили им. Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне. И, возложив на них руки, пошел оттуда* (Мф 19:13-14).

Жизнь Самого Иисуса, – как не вспомнить об этом? – началась именно с самого радикального «непринятия» – истребления Вифлеемских младенцев. Мог ли Он не помнить об этом, не ощущать кровную связь с убиенными детенышами? И не оттого ли категоричность Спасшегося, Уведенного в Египет: *ибо таковых есть Царство Небесное?*

«...**вопреки всякой внешней** очевидности (дети, заколотые в Вифлееме – В.З.) признаются Церковью мучениками Христовыми, с Ним и за Него пострадавшими. Здесь указывается наличие этой таинственной связи, соединяющей Христа с человечеством в избранном Его народе. Однако такая связь одним этим случаем не ограничивается и не исчерпывается...» (Прот. Сергей Булгаков, *Христианство и еврейский вопрос*).

Но и за пределами этой первой загадки (связи Христа с Его народом) есть еще большая загадка, главная: связи Христа, Сына и Слова Божия, со всяким человеком, грядущим в мир. 138 Псалом Давида многими Отцами толковался христологически: зародыш, *созидаемый втайне*, – Сам Господь. Он возникает во всяком человеке, запечатлевает на нем Свой образ до рождения, Он узнается верой, но чаще остается неузнанным до самой кончины, Он *изображается* в нем (см. Гал 4:19), но также и распинается. Но при этом дарует ему Себя, окликает Собой – из детства или из Царства.

Что значит «принять»? Принять в доме, в сердце, в «я». Слово бездомно на земле, оно нуждается в матери. Ею становится (скажем трезвее: призвана стать) Церковь.

«Соотнесенность» (слово о. Александра Шмемана из «Дневников») – свойство начала жизни. Ребенок соотнесен с тем, что вокруг, что он открывает, что дает ему пищу, ласку, тепло. Новорожденный, ищущий грудь (настойчиво, требовательно, «по праву») – точный образ соотнесенности с миром.

Мать, кормя грудью, разговаривая с младенцем, рассказывая ему сказки, живет верою, ибо вера есть глубина общения. Пророк говорит: *праведник жив верою*. Материнство не только естественно, но и в библейском смысле праведно, ибо: *женищина спасается чадородием*. Чадородие есть исполнение веры, пусть даже и не исповеданной, в благость Божию, служение вести Божией, *иносказание* ее в комочке человеческой плоти.

Принять дитя – принять Иисуса. Даже и буквально: личность ребенка скрывает в себе лик Сына Божия. Собственно, тайна во-человечения именно здесь: Слово становится плотью, плоть делается носительницей Слова. Плоть ребенка не безгрешна, просто грех еще не проснулся в ней.

Детство (как и Царство) есть время свободы, несвязанности прошлым, ненавязанности выбора. Время наибольшей, даруемой нам, открытости Богу и творению Его.

Обратиться – значит и обернуться на прошлое. Не мыслью только, но всем сердцем и всей крепостью вспомнить себя в Царстве. И, вспомнив, обрести его «внутри вас», в себе.

Войти в Царство – прежде всего, умалиться. Образы Царства всегда возвращают нас к чему-то малому. *Царство Божие подобно зерну горчичному...* Горчичное зерно таит в себе образ нашего «я», еще не прикоснувшегося к сознанию.

«Обратитесь к подлинному изначальному детству, которое даровано Мною», – так можно понимать слова Иисуса, ибо прямо за лугом твоего детства начинается *Мое Царство*. За пределы этого луга нам пока не переступить (как сказано: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* – 1 Кор 2:9), но вот к неистоптанному лугу, хоть он и далек, мы, *обратившись*, еще можем приблизиться.

Едва вступив в эту близость, мы все яснее начинаем ощущать внутреннюю связь между всеми заповедями Иисуса, всеми словами, внешне как бы совсем разрозненными. *Умалитесь... пребудьте в любви моей... кто не собирает со Мной, тот расточает...* Какие-то живые скрытые нити соединяют одни слова с другими, складываясь в единый образ святости.

В святом исчезает средостение между взглядом Божиим и его душой. Душа становится неопалимой купиной в этом вошедшем в нее взгляде. Отсюда слезы покаяния, «томление томящего» (св. Серафим), Иисусова молитва... Это у взрослого. А ребенку присутствие Божие дается через мир Божий, т.е. даром, через предметы, в удивлении перед ними.

Собирает ребенок, расточает взрослый. Точнее, в ребенке все уже собрано от начала и заключено в образе Божиим.

То, что тайно светит ребенку, погасло для нас. Не оттуда ли изобретенный Платоном образ знаменитой пещеры, стены которой отражают отблески истинных вещей?

Детство не измеряется годами. Оно мелькнет и спрячется в ребенке и раскрывается в святом. Святость, в сущности, полнота детства.

Бессознательное творения, заложенное в человека. Адам, созданный последним, несет в своей памяти всю работу Господню, бывшую до него. Начиная с того до-времени, когда *Земля была безвидна и пуста, и дух Божий носился над водою...*

Если не будете, как дети... Исполните сию заповедь, войдете в Царство, не исполните, ждите и уповайте на милость... Ибо каждый ребенок – это совершенно ясный, отчетливый, обращенный к нам язык любви Божией. Этот язык нужно не только услышать, ему нужно научиться, чтобы любви ответить.

«Уход» из детства

Созидание «я». Где пролегает рубеж между собиранием и расточением? Детством и взрослостью? Рильке сказал: «Наша судьба есть сгусток нашего детства». Оно так и не так. Ибо то, что называется «судьбой», есть и вырождение детства. Она есть, в сущности, собирание нашего «я», образующегося от наших решений, помыслов, желаний, выборов. И тут, как говорится, «Бог и дьявол борются и поле битвы сердца людей». И тела их – поле битвы и дела, и работы, и книги, и проекты, и великие империи... Чем крепче и выше создаем мы свое «я», чем успешнее складывается его карьера во взрослой жизни, тем мы дальше от начала, из которого *все начало быть*.

Из греха происходит обособление как норма жизни. «Я», разрастаясь, отделяется от людей, мира, предметов. Возводит стены вокруг себя и образовавшееся пространство чем-то хочет заполнить. Жизнь в «поте лица», труд, рост, власть, успехи, накопление или обида на то, что ничего этого нет. Все это мы «оприходуем», забираем во внутреннее хозяйство. И никак заполнить себя не можем. А в начале жизни та искомая нами полнота дается сама собой. Но потом тает.

Разум и пол. Из чего складывается взрослое «я»? Из развития двух начал в человеке – рационального мышления и полового инстинкта. Мышление представляет, прежде всего, среду, в которой мы живем, ибо разум – полномочный посол внешнего, упорядоченного без нас мира, он безличен и, вместе с тем, сугубо индивидуален. Он как мина с часовым механизмом, которая заложена в каждого. Тело рождается со своей готовой программой, и она предусматривает не просто перестройку, но некий взрыв, который должен неизбежно произойти. Конечно, стрелка часов движется очень медленно, так что ребенок не знает, когда именно он «взрывается», превращаясь во взрослого. Но душа его принимает очертания взрыва и покоряется ему. После взрыва мы уже иные, мы выходим из него обезображенными, или изредка – преображенными. Взрослость начинается раньше, чем кончается детство.

Адам, «став разумным», вкусив яблока познания добра и зла, тотчас заметил чужую и свою наготу. А ребенок наготы не видит, не знает ее. Стало быть, еще не дорос, не дотянулся до того яблока? Не осознал, что именно оно – самое вожделенное из плодов? Но вот просыпаются разум и пол, и переплавляют в себе младенческую нашу личность, формируют новую и действуют заодно. Они и принимают на себя все последствия первородного греха. Но когда разум еще не развился, а пол не выпустил своего жала, где пребывает он, первородный грех?

Два образа святости возникают в противостоянии сим искушениям: аскетизм и юродство.

Тертуллиан полагал, что грех передается вместе с зачатием, вместе с семенем и хотением мужа. Стало быть, Бог, созидая душу, тотчас вкладывает в нее и смерть? Или не в силах отстоять ее у смерти? Но ведь весть христианства в том и состоит, что жизнь и смерть разделены, что они не слиты нераздельно, что там, где жизнь жительствоует, смерть больше не смердит, и мы, вглядываясь в очи жизни, слышим, что она зовет нас в «чудный свой свет».

Молитва аскетов: отступил, согрешил, предал, растоптал, «пался есть»... Согрешил – чем? Изменил – кому? Пался – в чем? Ведь ты же для нас – строгий и светлый лик с нимбом над головой. И вся давняя жизнь твоя прозрачна, как застывший поток из горного источника.

«Где?», «когда?», «в чем?» – не знаем. Хотя можем по опыту и догадаться. То, в чем изменил, как-то дается в опыте, что растоптал – тоже, изменил кому? – ясно... Но вот когда? Когда? А если ты с ранних лет в посте, молитве и целомудрии? Постригаемый в монашество исповедуется в молитве: «блудно мое иждих житие». Но нельзя не верить, сила скорби и покаяния ручается за правду. Где-то, когда-то я предал и расточил то, что было дано мне Богом, и рая нет со мной.

Меня поражала сосредоточенность на искушениях плоти, которую мы встречаем в писаниях великих подвижников. Никак ее

разумно не объяснишь. Вот протестанты, скажем, подошли к делу рационально: сей инстинкт – часть нашей естественной, тварной человеческой природы. Природа ненасытно жаждет того, что ей от начала положено, так надо ее накормить, погасить разгоревшееся в ней пламя во влажной теплоте «честного и нескверного ложа». Но если не гасить, остаться с пламенем наедине, попытаться переменить изнутри его «субстанцию»? Огонь будет жечь, и всякое прикосновение его ощущается как падение. Отсюда интенсивность, почти навязчивость покаяния в том, чего обычный, насытивший природу, человек просто не ощущает. Потому что в либидо – корень земной, телесной, душевной личности. *Сеется тело душевное, восстает тело духовное.* И восстает оно из побежденного пола, возвращаясь, «обращаясь» в царственное детство.

Красота укрощенного пола – в православии, католичестве, даже в буддизме. Правда, укрощение достигается всякий раз по-разному. В православии аскезой, духовным деланием, изоляцией, «невидимой бранью»... В католичестве, религии более взрослой и волевой, брань против плоти и крови совершается, прежде всего, дисциплиной внешней и внутренней, самоконтролем, усилиями разума. Но победа при этом ни тем, ни другим, ни третьим отнюдь не гарантирована...

Секрет индивидуальности неразрывно связан с полом. Он выстраивает личность, но и умножает маски ее. Маски гордыни, иронии, агрессивности, превозношения, тщеславия, «любоначалия, змеи сокрытой сей...»

Культура иногда представляется индустрией создания масок. Но также и срывания их. Вот, например, философия Шестова вся построена на разоблачении масок разума, философия Фрейда – на разоблачении масок пола, философия Маркса... у всякой маски есть свой классик-разоблачитель. Но что стоит за срыванием? Не попытка ли вернуться в изначальную чистоту ума, лежащую за порогом «самоочевидных истин», мнимостей «сверх-я», и вообще миражей повзрослевшего нашего мира?..

Но разве детство безгрешно? Связь между ним и грехом, их сочлененность между собой остаются величайшей загадкой, до сих пор не решенной. Кто прав, Запад, утверждавший, что грех передается как болезнь вместе с зачатием – *во гресех роди мя мати моя* (Пс 50), или Восток, оставляющий за детством некоторое незатоптанное еще пространство, тот луг духовный, который странным образом сам собой увядает, усыхает, как только «откуда-то», вдруг является грех.

Пастернак: «Он отказался от противоборства, как от вещей полученных взаймы...» Суть взрослости – в противоборстве действия, разума, логики, карьеры, одних благих намерений, противоборствующих другим...

Может быть, первородный грех вырастает именно из этого корня? И быть как дети, значит умалиться до непротивоборства, до изначального «я», до того дара, который был в тебе «от начала», от щедрости Божией?

Жестокость детства. Во взрослом она бывает чудовищна, как чудовищна всякая «естественная» жестокость животного в разумном существе. Отрывание крыльев у бабочек, выкалывание глаз или отрубание рук у людей...

И вместе с тем сострадание. Помню, как моя дочь всякий раз умела находить на помойке старого клоуна, вконец износившегося и выбрасываемого за ненадобностью, приносила домой, купала его, мыла, лечила, одевала заново, пыталась накормить...

Жестокость и жалость остаются и во взрослости, но неизменно тяжелеют.

Единственная мысль, которая мне пригодилась у Фрейда: Ребенок не чист, он еще не дорос (не дожил или не доразвился) до своей чистоты.

Вера детей

Послание Феофила к Автолику: «Послушай, что скажу тебе. Бог и Отец всего необъятен и не находится в каком-либо месте, ибо нет места успокоения Его. Слово же Его, чрез которое Он все сотворил, будучи Его силою и премудростию, приняв вид Отца и Господа всего, – Оно ходило в раю под видом Бога и беседовало с Адамом. ...Итак, сие Слово, которое есть Бог и от Бога рождено. Отец вселенной, когда хочет, посылает в какое-либо место, и Оно, посланное Богом, когда является, бывает слышимо и видимо и находится в известном месте».

Отец вселенной посылает Слово в сотворение человека, туда, где еще продолжается беседа с Адамом – в начало жизни каждого из его потомков.

Мы безумны Христа ради... Безумие шепчет мне, что слова человека, едва появившегося на свет, чей разум еще не заглушен родовым, всеобщим «я», переключается со словами, вложенными в творение, и эта переключка есть язык Царства Божия, когда Бог будет всем во всем...

Шопенгауэр сказал: «Homo est coitus aliquamdiu permanens vestigium» (человек есть длящийся след совокупления). Когда здравый смысл хочет быть как гусар брутальным, он становится порой дурацким. Но безумие во мне ищет слова, чтобы выразить нечто, словами невместимое: Бог помыслил и возник человек, и тот сам подзывает и соединяет своих родителей. И Бог уготавливает рай для него.

Адам говорит: *Голос Твой я услышал в раю и убоялся, потому что я наг, и скрылся* (Быт 3:10). Адам, который по слову св. Григория Нисского, живет во всех нас, слышит голос Божий, но не знает, откуда он. Только ребенок верит тому голосу на слово, доверяя тому, что за ним. И когда родители говорят ему «помолись Богу», ребенок-Адам еще не знает, Кто это, Кому надлежит молиться, но откликается голосу Его, который надо любить и которому надо повиноваться, потому что Он тебя любит раньше. Человек входит

в мир с огромным, данным ему даром, запасом доверия. Оно – как знак печати Божией, положенной при творении. Дитя разворачивает парус сказанного ему слова и легко, бесстрашно уплывает под ним в неведомое, невидимое Божие. И, пока не сомневается, не тонет в своей скорлупке.

Почитание Богородицы в православии преисполнено неизгладимым присутствием детства. Словно «дитя», которое призвал Иисус, оставшись без Него, непрестанно зовет Его и Мать, и этот вечный его зов находит для себя все новые образы, обращения, личные, ласковые имена. Ибо ребенок – творец. Среди прочих христианских вер Восток более всего сохранил в себе эту первоначальную творческую детскость. Икона, когда она подлинна, открывает детское восприятие рая, в котором просыпается гениальность. Как лучше мы можем передать догмат о «Троице», если не метафорой Трех Ликов, безмолвно и любяще повернувшихся друг ко другу? Икона создает и передает сам воздух общения-молчания. Три Небесных и Равных Существа словно внезапно отстранили пелену невидимого, пришли к нам, и нас как будто коснулось Их дыхание.

На Западе икона отказалась от детскости, она «поумнела», решив, что должна, не таясь, «все досказать до конца» в достойной, величественной картине или статуе. Но при этом утратила секрет небесного воздуха, который струится от иконы к нам. Еще более она «поумнела» в протестантизме, отвергнув статуи и всякие пышные иллюстрации к библейским сюжетам, чтобы сосредоточиться только в Слове, четком, ясном, прямом, отточенном (*острее меча обоюдоострого...*), рубящем, славящем, однозначном, не терпящим экивоков, не оставляющем за собой никаких секретов, «украин», «укрывищ» смысла. Из этих «укрывищ» вышли впоследствии и святые Отцы-толкователи, разъяснители, понесшие Слово Божие на своих плечах, ставшие между нами, сегодняшними, и Им, не имеющим времени...

Из жития преп. Серафима вспоминается игра с детьми. Не плавно-сладко-поучительная беседа о Боге, а просто игра, кажет-

ся, в прятки, которая была не «проведением времени», пока родители готовились к исповеди, а, видимо, доставляла святому нескрываемое удовольствие. Лето, трава высокая, я тут спрячусь, а ты попробуй, найди. В человеке, чье существование было пронизано Богом в каждое мгновение, игра должна была быть еще одним образом общения с Тем, Кто сотворил Серафима, свет, детей, небо, землю, траву и позволил играть на ней.

Не было двух Серафимов, один тысячошный на камне с молитвой Иисусовой, «без числа согреших», другой на лугу, прячущийся в траве. Был один, названный преподобным. Подобие (кому? ангелам? детям? делам Божиим?) – оно и во всем подобие и потому неделимо.

Православие – в духовной основе – самая небесно-легкая из вер. Но когда оно выходит из Египетских или Северных Фиваид, спускается на землю со Святых гор, оно то и дело не выдерживает своей легкости, становясь религией, тяжелой, властной, этноцентрической, любящей себя более Бога, Которому поклоняется, подменяющей свою невесомую таинственность грузным ритуалом, давно погасившим огонь, из коего он некогда вышел.

Всякая религия – дело взрослых, умных, грешных, осмотрительных, желающих надежно застраховаться. У детей еще нет религии, а есть нечто иное, то, что еще не нуждается ни в обряде, ни в твердом понятии, то, что дается непосредственно, здесь и теперь. И «здесь» моей жизни еще не отделено стеной от «не-здесь» жизни тамошней, а «теперь» – от того мира, где *времени больше не будет*.

Судьба взрослых вер. Протестанты остались с обнаженностью Слова, не загородив Его авторитетными древними инстанциями, не обрядив в архаические культуры, не упрятав за *преданиями старцев*. Несомненно, они вернулись к Писанию как к *первой любви*. И обещали ему верность до гроба. Но незаметно они сами стали «старцами», заявив, что Божие пребывает в обычном и немощном словесном теле. А всякое тело живет на твердой земле, в меняющейся истории. А хозяевами истории, ясное

дело, становятся те, кому принадлежат здравый научный смысл сегодняшнего дня. Тому смыслу и позволено было сотрудничать со Словом Божиим, а иной раз и командовать Им. И он стал делать перестановку в доме Слова Божия соответственно «духу времени». Эту стенку разрушим, другую возведем. Так просторней, так удобней. Вся эта возня с правами сексуальных меньшинств, феминистским языком, рукоположением женщин внутренне имеет один смысл: разрушение старых стен, нарушение табу. Взрослые захотели стать детьми, ворвавшись в чужой сад, чтобы воровать там груши (эпизод в «Исповеди» бл. Августина), потому что сад больше никем не охраняется... Груши-то уворуешь, но оттого не *станешь как дети*.

Церковно-славянский язык. Что-то в его логике и конструкциях есть до-взрослое, упирающееся в какую-то нашу прапамять, к которой мы все хотим вернуться. Оттого так упорно, твердо, порой раздраженно сопротивление этой столь очевидно разумной, логичной и взрослой мысли о необходимости перевода. Аргументы, которые против, те, что хотят оспорить взрослые мысли, всегда неубедительны, архаичны, упрямы, ожесточенны, непримиримы, но это упрямость и непримиримость ребенка, который знает, что он-то прав, но взрослых ему все равно не переспорить...

Пусть так, возражают нам, но детскость не может быть навязана, одно дело – лепет питающихся молоком, другое – язык прибегающих к твердой пище.

Эта гениальная наивность древних текстов: «Аще и во гроб сошел еси, Бессмертне, но адову разрушил еси силу...» И эта натужная игра взрослых в детей в новейших акафистах и кондаках. Какое-то намеренное впадение в детство, обязательное для всех.

Детскость здесь основана на отождествлении опыта, приобретенного аскезой с даровым духовным опытом, посылаемым ребенку. В православии практически нет никакого символизма, все реально, как реальна игра и вера, ибо ничто не указывает на нечто, что стоит за спиной внешнего знака и за ним прячется, ибо нет внешнего, есть единое, есть целостное.

Иисус из Назарета против Иисуса, сына Сирахова. Книга последнего была любимым чтением древней Руси. Но это, увы, мудрость старения. Отец хочет оставить свое продолжение в сыне. И этого сына он должен вылепить как сосуд. *Лелей дитя, и оно утрашит тебя, израй с ним, и оно опечалит тебя* (30:9).

Все это нужно для земного родового бессмертия. *Умер отец и как будто не умирал, ибо оставил по себе подобного себе* (30:4).

Подобного в чем? В добродетели, мудрости, властности, осмыслительности, тлении. Не умаление, но сохранение своего «я» в потомстве. Мудрость Иисуса, Сына Давидова: восстановление изначального человека в Царстве, уготованном для него.

Ему вторит ап. Павел: *Ибо Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрое, и неразумное мира избрал Бог, чтобы посрамить разумных...*

Правило веры и образ горести: *Душа моя была во мне, как дитя, отнятое от груди* (Пс 130:2).

Причастность. Когда душа в человеке только просыпается, она нашупывает это затаенное «ты» вещей и вступает с ними в беседу как одно творение с другим. Это то, что хотел выразить Бубер своей философией отношений «Я-Ты» и «Я и Оно». Это можно заметить даже в детской речи. Проследуем дальше и услышим, как Слово, через которое все, что начало быть, обнаруживает себя в этом общении тварей. А затем начинается мир «оно», имеющий терпкий вкус съеденного, когда-то отравленного яблока. И сам Бог, отвлеченное понятие, покоряется законам этого мира.

«Нездешние верные сны»

Гений. Помню высказывание Шиллера: всякий гений наивен, иначе он не гений. За пределами общих мест, означает ли это, что гений – непременно ребенок? В том смысле ребенок, что он открывает в себе нерастраченный запас доверия, который лежит и в основе детской веры. Доверия к ассоциациям, впечатлениям,

памяти, всему тому, что взрослый содержит на обочинах сознания? Ибо то, что выбрасывают взрослые, годится для игры детей. Наивность не боится выйти за поставленные разумом пределы. Она – в том, чтобы брать, не спрашивая, то, что лежит под ногами, то, за чем только руку протянуть.

Новорожденный несет с собой язык, на котором Бог говорит с нами. Можно и смелее: он *есть* тот язык, если сумеешь его понять. Если ты не веруешь текстам, обрядам, догмам, встречам, никаким посылаемым тебе знакам, доверься славе Божией, о которой вещают дела рук Его.

Из уст младенцев Ты устроил хвалу. Ту хвалу надо услышать в самом первичном, до-истолковательном смысле: «уста младенцев» суть гусли Господни.

Где еще есть такая близость к чуду творения, как в русской поэзии? «И как в неслыханную веру я в этот сад перехожу». Это сад, из которого мы некогда вышли и куда не вернулись. В этом саду – почти весь Баратынский, и почти весь Фет, и Тютчев и, как ни удивительно, Бродский. Сейчас этого стали стесняться. Но попробуйте выгнать Фета из того сада, и выйдет помещик Шеншин.

Весь Хлебников – словно нетронутым взрослостью вышел из младенчества, почти лишенного рефлексии о себе самом, вспоминавшего о своей гениальности. Потому что исток поэзии – догадка и воспоминание.

Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер...

Почему «вер»? А потому что дети знают, только не скажут: прибрежные травы исповедуют свою веру, а лесные свою... Здесь не игра в детей, но мгновенное возвращение изначального восприятия фрагмента мира.

Изумленность: «там, где жили свиристели, где качались тихо ели, пролетели, улетели, стая легких времий...» Это и есть мла-

денческое сознание: время овеществляется, пролетает над нами легко, слегка касаясь елей и нас...

«У колодца расколоться так хотела бы вода...» Твердо знаем: вода падает, потому что повинуется закону тяготения. Ребенок видит иначе: не вода покоряется, а сама хочет, потому что живая и живет рядом, в нашем взгляде и слухе, но субстанция ее жизни не повинуется правилам нашего дневного сознания, а скорее живет по правилам сна. Лучшее у Хлебникова то, что может неожиданно присниться. Как «закричальность зари». «О, рассмейтесь смехачи!» «О, Достоевскиймо бегущей тучи».

Слова еще не застыли во всеобщих смыслах, они абсолютно, по-детски личностны, они передают нам тайну первого контакта с вещью и вводят нас в общение с нею...

«**Олени** заплетались рогами так, что казалось их соединял старинный брак с взаимными увлечениями и взаимной неверностью...» Взрослый рассказывает о детских снах, о том, что хорошо и ясно приснилось и еще не забылось. Привычные формы теряют свои очертания и приобретают другие, те, о которых мы знаем за «чертой губ», за законами мышления. Это и есть язык доверия тому, что есть, что дается и отдается нашему зрению или памяти.

«**Словарь языкового расширения**» А. Солженицына – попытка прорваться в детство слов через взрослое ремесло, языковое трудничество, но отнюдь не мгновенная встреча с реальностью, которой незачем раскапывать слова, они даются и отдаются такими, какие есть.

Дело поэта – довериться детским словам и вещам, прислушаться к речи воды, которая и течет и снится.

«**Серый язык воды**» (И. Бродский). «Серый мозг воды» (А. Тарковский). «И было чуть светлей от запаха воды...» (О. Седакова). Или давнее, лермонтовское: «...расскажам волн кочующих внимая, а море Черное шумит, не умолкая». Дар поэтического детства – внезапность, точность и неожиданность общения, слух к окликанию предметов.

Отчего бы нам, безнадежно повзрослевшим, не собраться, чтобы встретиться в этой навсегда ушедшей близости детства, общей для всех людей? Разве все воспоминания, при всем бесконечном их разнообразии, не сводятся, в сущности, к одному – тому, как Бог явил Себя миру и нам? Этот миг остается с нами, откладываясь в копилке Царства.

Память освобождает от скованности временем. Поэт, подняв голову, видит, как легкое, сказочное время летит над елями. Есть детские, царские слова, которые взлетают за ним следом. Они заставляют нас вспомнить то, что давно стерлось и больше не вернется. Не представить воображением, но именно прикоснуться в памяти к тому, что всегда было с нами и где-то хранилось. Воспоминание взрывает иногда целый пласт неведомого и до срока щедро и неожиданно, дарит нам то, чего *не видел... глаз, не слышало ухо, и не приходило... на сердце человеку...*

Талант есть среди прочего оттаивание памяти, умение растопить этот замерший, онемевший, погрузившийся в немоту язык и дать ему выговориться, разговориться. Подобно нотам, немым на бумаге, но приходит «имеющий уши» и музыка проливается через него...

«Только детские книги читать, только детские думы лелеять...» Поэт собирается приступить к недетской работе стихосложения и перебирает струны, настраивает свою уже недетскую отяжелевшую лиру. Он отлично помнит о своей, только что приобретенной, взрослости, но собирается от нее избавиться и работать «по детской программе». «Я от жизни смертельно устал, ничего от нее не приемлю». До детства с его думами и книгами уже не дотянуться.

Ранний Мандельштам (по-моему, еще не открытый) выразил то, что не удавалось выразить другим: тайну первого прикосновения к реальности. «Звук осторожный и глухой плода, сорвавшегося с древа...»

Silentium – на ту же тему. Технически несравненно лучше и тоньше, но уже с заметным холодком взрослости. «Сухим сердцем творца» (А. Камю).

«Дано мне тело» – простое и первичное выражение данности мира и его чуждости. Мир (чужое) начинается с тела.

Как происходит открытие смерти? Тело жило, а потом отказалось жить. Не выполняет обещания. Предает себя. Потому что тело для ребенка есть обещание.

У Минуция Феликса: мы ожидаем весны нашего тела. По евангельски изумительно точно.

Метафизическое детство – то, что сказано в нас Богом и хранится во тьме, и нам это следует разглядеть. *Я – свет миру, Имеющий уши слышать, слышит.* За антиномией «сознательное – бес-сознательное» скрыто то, что совершается глубже: беседа с Богом.

Святой Бенедикт предложил в своем правиле: внимание разума и внимание сердца, слышание в духе послушания. Все это вобрало детство. То, что было от начала.

Слышать или внимать – чему? Царство Божие скрыто за творением. За водой, за землей, за травой, за шуршащим листом, поющим шмелем, даже скачущим мячом, что-то там поющим...

Внимание оставляет нестираемые следы. Это наш царственный запас, который мы уносим во взрослость и там с ним не расстаемся. И время от времени совершаем туда набег и выносим сокровища. Иногда даже пытаемся там поселиться. Тщетно пытаемся. Узки врата памяти и тесна дорога.

Marina. В память можно не только вернуться, ее можно и создать. Открыть как совершенно новую страну. Вот абсолютно взрослое стихотворение о неосуществленном, пресеченном детстве, которое восстанавливается, оживает в памяти. Это одно из лучших стихотворений Элиота, посвящено умершей дочери.

Какие моря берега какие серые скалы какие
Острова какая вода толкаясь в борт
И запах пиний и дрозд свистящий в тумане
Какие образы возвращаются
Дочь моя?

(Перевод Ольги Седаковой)

«Я все это создал и забыл и вспоминаю...» Воспоминание воссоздает былую, детскую, сокрытую жизнь, окруженную морем, по которой бороздят корабли, и дрозд зовет ее из тумана. «Все это создал...» Острова, плеск воды бьющейся о бушприт судна, уходящего в заросшие бухты, из которых начинается и куда впадает потом море жизни, запах сосны, лесной дрозд, поющий в тумане, *this grace dissolved in place*. Господи, это жизнь, дар жизни, растворенный в вещах, запахах, звуках, который вдруг проступает через смерть, возвращающей жизнь вещам. *Given or lent?* Дар это или ссуда на время?

«...тот одинокий, медленно плывущий корабль запечатлен в моем сознании, как одна из самых ярких примет поэзии Элиота. Пусть это не удивляет тебя: дело в том, что для многих из нас корабельные форштевни занимают то же место в детском иконостасе, что у других детей рожица футбольного мяча или семейные фотографии» (Георгос Сеферис. Письмо другу-иностранцу).

Архетип моря в детском сознании. Когда поэзия была еще «классической» и наивной, она запросто рассказывала о своей памяти:

«Почто я помню гладь морскую
В мерцаньи бледном и – тоскую
По ночи той и парусам
Всю жизнь мою? – хоть (знаю сам):
Та мгла в лицо мне не дышала
Окна не открывал никто,
Шепча: «вот море»...

(Вяч. Иванов. *Младенчество*)

Из такой тоски и шепота выплыл «Пьяный корабль» Рембо. И пустился во все тяжкие. Его несет вниз по теченью, краснокожие убивают матросов. Корабль остается один, предается на волю волн, воображение отдается ветру, устраивает дикий привольный

танец по заливам и континентам. Душа изнемогает от этой пляски. Трагедия отрочества, которое со своего несомого стихиями корабля смотрит на берег детства, уже недостижимый: «мне сладостна была та лужа черная, где детская рука среди грустных сумерек челнок пускает слабый, напоминающий сквозного мотылька...» (Пер. Владимира Набокова).

Отрочество – удержание детства и подавление его взрослостью, приходящей извне и изнутри.

Эта свобода, которая дана изначально детству, позволяющая переправлять горе в море, то море, которое плещется вокруг нас. Given or lent?

Гениальный «Куст» Цветаевой (на него мне когда-то указал покойный В. В. Биbihин, а ему Мария Вениаминовна Юдина).

«Да разве я то говорю,
что знала, пока не раскрыла
Рта, знала еще на черте
Губ, той, за которой осколки
И снова во всей полноте
Знать буду, как только умолкну».

Мы отделены от того знания, но несем его в себе. Оно подступает к черте губ, но оно не вмещается в слово, остается за чертой взросло-знаемого. За оградой того далекого сада, где и мы побывали когда-то и куда хотим вернуться.

Что общего между восприятием мира ребенком и искусством, тем наивным искусством, еще не догадавшимся, что оно, если захочет, станет «модерном»? В непосредственности узнавания, в интуитивном всплеске (мгновенном или медленном), открывающем то, что есть и что «хорошо нам здесь быть». Всякий ребенок несет в себе это первоначальное «хорошо», это «добро зело», иным словом, отблеск славы Божией.

«Опять белые колокольчики»

В грозные, знойные
Летние дни –
Белые, стройные
Те же они.

Призраки вешние
Пусть сожжены, –
Здесь вы нездешние,
Верные сны.

Зло пережитое
Тонет в крови, –
Всходит омытое
Солнце любви.

Замыслы смелые
В сердце больном, –
Ангелы белые
Встали кругом.

Стройно-воздушные
Те же они –
В тяжкие, душные,
Грозные дни.

Через три недели после этих строк тело Владимира Соловьева будет окурено ладаном и оваяно «вечной памятью». А сейчас он ощущает духоту предгрозя, томление предсмертья. И видит «незримое очами»: как из чашечек белых колокольчиков взлетает, всплывает сонм белых Ангелов. Они возвращаются из забытых «нездешних снов» и готовы встретить его. Существует традиционное деление «Соловьев дневной» (трактаты) и «Соловьев

ночной» (сны, встречи, видения). Никто почему-то не вспомнит о Соловьеве утреннем, детском. Он приезжает в Узкое умирать и узнает «больным сердцем» себя в детстве в летнем знойном, пахучем лесу. Тайну встречи выдает слово «опять», которое упоминается только в заглавии. Белые колокольчики возвращают его к себе самому. Они те же, те же что были в начале этой, иссякающей сейчас жизни, и придут в другой, стоящей за порогом, почти уже различимой. «Ангелы белые встали кругом», «стройно-воздушные», они отделяются от белых колокольчиков и пролетают как «стая легких времий».

«Всходит омытое солнце любви». Разве всякое искусство, когда оно было еще детским и не рассталось с наивностью, не ищет ли того, чтобы «омыть» мир, сделать его любящим, таким, каким он был или только хотел быть когда-то?

В музыке Моцарта, как давно замечено, передано это открытие детства, омытого каким-то солнцем, но уже повзрослевшего.

«Задумаемся: откуда же он точно знал обо всем – ведь эту точность мы ясно слышим в его музыке? Он знал весь окружающий мир не хуже, чем Гете – но не обладал тем интересом, той открытостью ко всем наукам и искусствам, которой славился Гете. И конечно, он знал мир гораздо лучше, чем сотни тысяч более начитанных, более «ученых» знатоков мира и людей, которые есть в каждом поколении. Наверное, он обладал каким-то особым органом чувств, который давал ему возможность, несмотря на кажущуюся «герметичность», воспринимать и отражать мир во всем его разнообразии». Карл Барт, *Моцарт*).

«Его называют ребенком, божественным ребенком, вечным юношей, который обращается к нам в своей музыке...» Однако ребенок еще не может выразить своей детскости, той «невинности», которая потом оказалась раздавлена тяжестью созревания. Тот особый орган чувств, о котором говорит Барт – гениальность воспоминания и воспроизведения памяти.

Он собрал детство в музыке. Но это детство, переходящее в смуту отрочества, уже ощущается в нем как угроза, как неотвратимость. «Реквием» – поистине отроческое открытие смерти.

«В Бахе я узнал приблизительно то, что звучало в моем существе все детство, – приблизительно, но все-таки не совсем. Может быть, той экстатической музыки вообще не выразить звуками инструментов и слишком рационализированными ритмами нашей культуры» (Свящ. Павел Флоренский, *«Детям моим. Воспоминания прошлых дней»*).

О Моцарте. «Вероятно во мне, от старости, все ярче выступают состояния и настроения детства, т.е. быть с Моцартом и в Моцарте. Но это – не надуманная теория и не просто эстетический вкус, а самое внутреннее ощущение, что только в Моцарте, и буквально и иносказательно, т.е. в райском детстве – защита от бурь... Недавно по радио (даже по радио, мне ненавистное) услышал отрывок концерта из Моцарта. И всякий раз с изумлением узнаю снова эту ясность, золотой, утерянный человечеством рай. Мир сходит с ума и неистовствует в поисках чего-то, тогда как ясность, которая только и нужна, у него в руках. Буржуазная культура распадается, потому что в ней нет ясного утверждения, четкого «да» миру. Она вся в как будто, как если бы, иллюзионизм – ее основной порок. Когда субъект оторвался от объекта и противопоставился ему, все становится условностью, все пустеет и предстоит иллюзией... Только в детском самосознании этого нет, и таков Моцарт» (*Все думы о вас. Из писем о. Павла Флоренского*).

Флоренскому было еще далеко до старости, когда писал об этом, но близко к смерти. И эта близость, пусть и неведомая, изнутри манила к началу жизни. Его пристальное внимание к миру (научность) и любовь к мысли, которые неразделены – от нерастраченной детскости, которая сохраняется в гении. «Ты полуспрашиваешь, почему я возвращаюсь к впечатлениям детства. Прежде всего, потому, что внутренний мир выкристаллизовывается около них и ими существенно определяется... И, наконец, жизнь, смыкающаяся под старость, возвращается к детству, таков закон, такова форма целостной жизни» (там же).

Может быть, о. Павел разгадал то, о чем говорил Иисус? Ничего не пропадает из того, что мы и вспомнить не можем. Не про-

падает в памяти Божией, где исчезнувшие воспоминания младенчества, где в травах кузнечик оставил золотиписьмо тончайших жил, где весь этот несказанный, где-то сохранившийся дар встретит нас в Царстве? И само Царство где-то граничит с памятью?

История Нафанаила, в котором не было лукавства и которого Дух Святой ударил чудодейственной палочкой по сердцу при встрече с Иисусом. По внезапности обращения Нафанаил – предшественник Апостола языков. Корочка предубеждений, умное, осторожное, «лукавое» убеждение (*Из Назарета может ли быть что доброе?*) вдруг слетает с его души и небо падает на землю. Бог дает узнать Себя в прямых, неоспоримых свидетельствах, и душа Нафанаила падает на колени. Евангелист Иоанн фиксирует лишь это мгновенное падение покровов. «Не иметь лукавства», не значит ли быть тем евангельским ребенком, которого призвал Иисус?

Научиться общению с Богом, ибо это общение и есть вера, не та, что застыла, но та, что воплотилась и потенциально являет себя во всяком человеке, грядущем в мир.

«Права человека» – один из великих этапов человеческого пути на земле. Но начинать надо было с прав ребенка – расти, есть, детствовать... Взрослые поторопились присвоить себе звание, до которого еще нужно вырасти.

Когда-нибудь будут созданы гарантии глобальной охраны детей: от злобы, голода, труда, войн, педофилии, аборт. И за каждое обиженное дитя пусть отвечает вся держава. И соперничает за сверхдержавство с другими по этой части. I have a dream. Нет, фантазия? Но кто полтора века назад слышал о «правах человека»?

«Все проходит, но все остается. Это мое самое заветное ощущение, что ничего не уходит совсем, ничего не пропадает, а где-то и как-то хранится. Ценность пребывает, хотя мы и совсем перестаем воспринимать ее. И подвиги, хотя бы о них все забыли, пребывают как-то и дают свои плоды. Вот поэтому, хоть и жаль прошлого, но есть живое ощущение его вечности. С ним не навеки рас-

прощался, а лишь временно. Мне кажется, все люди, каких бы ни были они убеждений, на самом деле, в глубине души, ощущают также» (*Все думы о вас*).

Отсюда – «нездешние, верные сны», которые сняты всем. Они запечатлевают верность творению или призванию быть, тому свету, который просвещает всякого человека и доносит до него близость и опыт Царства. Человеческая жизнь начинается с откровения, потом его затемняет грех. Чтобы вернуться к этому началу, следует *умалиться* до своей «детской», любовью созданной личности, и вечность примет ее.

Брешия, июль 2008 г.

ПУТЬ В ЦАРСТВО

Отец Александр поведал нам о Царстве Божием, он знал его из внутреннего опыта. Окружавшая его действительность была такова, какова была, а он ведал реальность Царства и открывал нам путь к нему в проповедях, в беседах, в письмах, в книгах...

«Проповедь Христа Спасителя началась с вести о приходе Царства Божьего (Мф 4:17, Мк 1:14-15). Говоря о Царстве, Господь не объяснял, что означает это понятие, Его слушателям оно было хорошо знакомо. Но, кроме традиционного учения о конце истории, отраженного в Малом Апокалипсисе, Христос возвещал о Царстве, как о реальности сегодняшнего дня, незаметно проникающей в мир, без тех космических знамений, которые ожидала прежняя библейская эсхатология. Такой неприметный приход Царства составляет средоточие Евангелия. Из евангельских притч явствует, что и суд, и спасение явлены миру уже с того момента, когда Иисус Назарянин провозгласил наступление Царства. Оно в будущем, но одновременно уже здесь, среди людей (Лк 17:20-21). Тем не менее, оно подготавливается постепенно (Лк 13:18-21), а всякий, кто умеет различать знамения времени, сможет увидеть признаки наступления Царства (Мф 24:32). В нем происходит (и окончательно произойдет в будущем) **отделение** добра от зла, ибо ничто нечистое не может войти в Царство (Мф 13:47-52; 25:31-46).

Начало Царству положено **первым** приходом Христа, униженного, распятого и воскресшего – первенца из мертвых».¹

«... истинное Царство Божие и истинный Царь-Помазанный (Мессия) – реальности, выходящие за пределы политических чаяний».²

¹ А. Мень. Библиологический словарь, том 3. М., 2002. С. 472.

² Там же, с. 381.

«...человек призван трудиться на благо других, созидая Царство добра, Град Божий; борьба за утверждение Царства Божия должна вестись в средоточии жизни; Царство Божие, которое грядет, уже сегодня может воцариться «внутри нас» (Лк 17:21; 9:27)»³.

«Последний Суд, очистив мир от зла, станет рубежом между старым миром и новым этапом бытия, который есть Царство Божие».⁴

«До наступления воцарения мировой гармонии, Царства Божия, в мире еще властвуют противящиеся Богу силы. Христианин не должен гадать о временах и сроках, когда придет Царство Божие «в силе»; даже Иисус во время Своего земного уничижения скрыл это от Себя (Мф 24:14, Лк 13-21). Однако, как и суд Божий, так и Царство Божие суть не только тайны грядущего. Они присутствуют уже здесь, в нашей жизни, предвеляя новый преображенный мир (Мф 12-28, Лк 9-27; 16-21)».⁵

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я дам вам покой», – говорит Христос. Значит ли это, что Он обещает мертвую зыбь грез, дремотную успокоенность? Всякий, кто захотел бы так понять Его, рискует превратить Евангелие Царства в «опиум», в, своего рода, духовную анестезию. Но это совсем не похоже на замысел Иисуса, Который «принес огонь на землю», Иисуса, Чье служение было постоянной борьбой. И если Он обещал быть с верными «до скончания века», то не должны ли они делить с Ним Его крестный путь? История Церкви есть продолжение этого пути, продолжение Евангельской истории.

Казалось бы, Царство Божие возведено, врата спасения открыты, искупительная жертва соединила Небо с землею, но постепенно выясняется, что предстоит еще немало бурь и испытаний». ⁶

³ А. Мень. «Смертию смерть поправ». Минск, 1990. С. 11, 12.

⁴ Там же, с. 30.

⁵ Там же, с. 35.

⁶ А. Мень. «На пороге Нового Завета». Брюссель, 1983. С. 666.

«Он создал христианство не как некое отвлеченное учение, а посеял семена Царства Божия на земле. Он открыл небывалую возможность Богообщения – без экстазов, механических приемов, без «бегства от мира». Путь к Нему открыт каждому верующему в Него. Он реально присутствует в нашей жизни, а не Его учение. Учение нам дорого именно потому, что оно исходит от Него».⁷

«... «Великое – в малом». Дух дышит, где хочет. Это-то и есть источник нашей радости. Мир – как Его Присутствие и Со-страдание и помощь. В этом суть Евангелия: Царство близко, оно здесь, его нужно только открыть. Оно посеяно и тихо вырастает. Почему наша вера есть «победа, победившая мир»? Она побеждает серость, «грубую кору вещества», она дает нам узнать, что такое высшая способность духовного зрения. Мы очень на земле, целиком в ней, и в то же время вырастают крылья, которые поднимаются в небо».⁸

«Тайная Вечеря Христова есть наша непосредственная встреча с Ним. Когда Господь руками Церкви, руками священника выносит нам Святую Чашу, – это Он Сам в это время призывает каждого из нас. И мы должны приступать к этой святыне с трепетом, зная, что в это время благодать Божия, Сам Господь входит в нашу жизнь. Поэтому этот день, день Тайной Вечери – самый прекрасный и счастливый для тех, кто хочет причаститься Святых Тайн. [...]

Христос говорит нам: живи по Моим заповедям, – а мы живем по стихиям мира сего, живем по влечению собственной гордыни и всяческого греха. [...]

Если мы не будем стремиться к Господу, не будем стремиться жить по Его заповедям, хотя бы иметь горячее желание, то все на-

⁷ А. Мень. «Почему нам трудно поверить в Бога?» М., 2005. С. 16–17.

⁸ Из переписки о. А. Меня и с. И. Рейтлингер. «Христианос–ХІ». Рига, 2002. С. 39.

прасно. «Не всякий говорящий Мне «Господи, Господи», войдет в Царство Небесное», – говорит Господь. Не всякий! А «исполняющий волю Отца Моего» (Мф 7:21). [...]

Или мы живем со Христом, или мы живем как язычники, третьего нам не дано. [...] Если человек живет по-язычески, не выполняет заповедей Божиих, он отпадает от Бога, поэтому надо выбирать между двумя путями. Кто еще не выбрал, кто не решил окончательно жить со Христом и с Богом по-настоящему, тот так и останется между небом и землей. Такой человек не годится для Царства Божия».⁹

«Елицы во Христа креститися, во Христа облекостесе» – поем мы во время литургии, напоминая себе о том, что некогда Пасха была временем нашего общего крещения. Если мы крещеные люди, значит, мы облечены во Христа. [...]

Облекаться во Христа – значит всматриваться в строки святого Евангелия, вдумываться в то, как Господь ходил по земле, чему учил, что Он говорит мне сегодня, постоянно иметь Его перед собой. Постоянно! Как говорит апостол: «С терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на наставника и совершителя веры Иисуса» (Евр 12:1-2). Все время взирая, все время имея Его перед собой, иначе как мы можем во Христа облечься?! [...]

Кто хочет облечься во Христа, принять Его в свое сердце, тот должен также систематически, по возможности достаточно часто, приходить к Святым Тайнам. Потому что не только Слово Божие, но Сам живой Христос-Спаситель присутствует за каждой обедней, за каждой литургией. Он приходит к нам, снова воплощаясь на святом алтаре, в Святых Дарах, отдавая Себя нам так, чтобы мы были рядом с Ним, Он в нас и мы в Нем. [...]

Если мы имеем перед собой лицо Христа, как живого, то тогда мы должны стараться подражать Ему. [...]

⁹ А. Мень. «Прости нас, грешных» (Сборник проповедей). М., 2004. С. 22, 23, 25.

И Сам Господь говорил: «Научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф 11:29). «Научитесь» – это значит «подражайте». [...]

Кроток и смирен. Смирен тот, кто готов выслушать другого человека. Но мы не слышим, мы обычно слышим только себя! Нам не хочется знать, что переживают и что думают другие люди. Смиренный сердцем готов принять волю Божию, когда она ясно ему выражена. А мы, как правило, хотим только осуществить свою волю. [...] А смиренный сердцем – это тот, кто готов обуздать свою волю, кто хочет принять волю Божию. [...]

Когда мы общаемся с людьми, мы должны помнить, что Господь живет в нас. Вот вы причаститесь сегодня – Он в вас живет. Может ли Он сказать какое-нибудь оскорбительное слово, может ли Он позавидовать или же причинить обиду или горе? Не может. Раз в нас Господь живет, мы должны охранять эту святыню, ограждать святыню, которую мы принимаем; не дай Бог, какое-то грубое слово, дело может все разрушить. И все погаснет. И разлетится в дым. И Господь отойдет от нас».¹⁰ [...]

«Вы идете к причастию и должны напомнить себе о том главном, что нужно искать, – о Царстве Божием. Где мы живем сегодня? В царстве своих страстей, скорбей, в царстве грехов и немощей. Кто властвует, кто царствует над нами? Наша капризная воля, наша гордыня, страсть, невоздержание – вот что властвует над нами, заставляет нас действовать, говорить не то, что надо, пробуждает в нас чувства, которые замутняют нашу душу. Значит, Царства Божия нет в нашей душе. Но Господь говорит: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его» (Мф 6:33). Если мы не будем этого искать, мы никогда не найдем того, чего ищет каждый человек: просветленности, блаженной и благословенной жизни. Выражаясь по-простому – счастливой жизни.

Человек может быть счастлив, только если Царство Божие будет у него в сердце, то есть, если в нем «воцарится Господь». Мы же уподобляемся детям, которые, не зная своей пользы, хватают

¹⁰ Там же, с. 32–35.

то, что им вредно, и не берут того, что им полезно. Путь Божий отвергаем, дар Божий отвергаем, идем кривыми путями. Но вы можете сказать: я не отвергаю, я хочу, ищу, жажду быть с Господом. Но тогда спросим себя: какое место Царство Божие занимает в нашем сердце? Если бы оно действительно в нас царило, как нам было бы радостно обратиться к нашему Господу с молитвой. Нам не надо было бы подгонять себя палкой, не надо было бы собирать свои мысли, как собирают разбежавшихся овец, не надо было бы даже читать по молитвеннику, потому что молитва сама бы рвалась у нас из сердца.

Но ничего этого у нас нет. Значит, в мыслях у нас господствует смута. Подобно тому, как осенний ветер гоняет листья, так и у нас в голове вертятся праздные, бесполезные, пустые, греховные мысли. Но больше всего мыслей о себе: тоже совершенно пустых ничтожных, ненужных, бесполезных. Если в Царстве Божием царит наш возлюбленный Господь, то в царстве нашей души царит наше «я», толстое и гордое, которое занимает все место, и нигде в нем приютиться. И Господу нет там места, потому что душа наша маленькая и наша самость, наша гордость не только все заняли, но, как тесто, продолжают распухать и заполнять все.

Вы все помните притчу Христову о жемчужине (ср. Мф 13:45). Был человек, который собирал красивые жемчужины. Однажды он нашел у торговца особенно красивую и большую жемчужину, но она стоила баснословно дорого. Чтобы ее приобрести, он продал все свои жемчужины и купил эту одну. Но мы хотим поступать иначе: мы хотим и жемчужину Царства иметь и всякие мелкие побрякушки сохранить. Продать ничего не хотим, отказаться ни от чего не хотим. [...]

Над нами господствует наше самомнение, гордыня, которая похожа на музыкальный инструмент: чуть притронешься – уже звучит. Малейшее слово вызывает у нас бурю негодования, как будто нас смертельно оскорбили, потому что гордость выставила всех своих сторожей: чуть-чуть задень – и сразу закричит. Но если она занимает у нас такое место, то останется ли место для Царства Божия? [...]

Мы постоянно озабочены, нас постоянно терзает тревога: что дальше будет, что нам делать? Но надо выбрать: либо мы полагаемся на Господа по-настоящему, либо, если мы будем в постоянном смятении, значит, мы отвергаем Его Промысел, поворачиваемся к Нему спиной, мы на Него не надеемся. Даже надежду не хотим в себе воспитать. На самом деле, нам должно быть стыдно тревожиться, а мы постоянно находимся в этом состоянии.

Нас одолевают даже простые страсти, например, чревоугодие. [...] Попробуйте себе что-то запретить из пищи, когда хочется. Оказывается, довольно трудно с этим справиться. Блудная страсть, если ее не держать в руках, не держать под контролем, выползет, все загубит, все разрушит – начиная с малого.

Наверное, вы видели на старых деревянных предметах маленькие дырочки, иногда на рамах – маленькие круглые дырочки. Это работает жучок, древоточец, шашель. Через некоторое время этот маленький жучок способен разрушить большое деревянное сооружение. Дом даже может разрушить, потому что он его точит и точит... Так же и наши страсти. Они входят в нас тихонечко, незаметно. Сначала – удовольствие от мысли, потом – от полудела, а там, глядишь – и дело. А потом это дело кажется в наше время не столь важным.

Нашего времени нет. Грехи все одинаковы для всех времен. И три тысячи лет назад люди грешили почти теми же самыми грехами. Ничего нового человек не изобрел: что было, то и остается, и будет впредь. Значит, либо мы стараемся преградить путь этому ядовитому жучку, который нас точит, либо, если мы опустим руки, он не даст Царству Божию воцариться в нашей душе. Как мы близки – рукой подать! – мы не далеки от Господа, от Его благодати, от жизни просветленной! Мы умираем от жажды, тогда как наши глаза видят воду, видят Его протянутую руку. Мы как бы завалены грудой камней, грудой своих страстей, а рядом – Царство Божие, которое может дать нам освобождение, но мы и пальцем не пошевелим, чтобы освободиться.

Итак, сегодня я хочу, чтобы вы сосредоточились только на одной мысли. Есть две дороги: в Царство Божие и в царство дьявола,

царство страстей (хотя это все заманчиво). Здесь – спасение, там – гибель. Третьего не дано. Или разрушение человека, или красота человека, его полнота, осуществление нашей жизни, счастье. То счастье, о котором мы с детства, с юности мечтали. Потому что большего счастья, чем дает Господь, не может быть дано. И этот выбор надо сделать. Сделав его один раз, надо быть твердым и верным всегда. Как только мы начнем лукавить с Господом и с самими собой, как только у нас начнется раздвоение воли: можно и Богу и маммоне, немножко тут, немножко там – все упадет, все разрушится. Господь сказал ясно и просто: «Нельзя служить двум господам» (ср. Мф 6:24). И надо выбрать раз и навсегда, выбрать для своей же пользы, для своего вечного блага. Ибо Царство Божие, счастье Божие – это то, что у вас не может быть отнято миром, если вы его обретете в сердце. [...]

Вот перед нами живой Господь, перед нами Слово Божие, вот перед нами Писание и перед нами путь спасения. Сегодня, здесь. Не будем же отдавать себя этим мелким жучкам, которые будут нас грызть и есть. Пусть свет Господень будет с нами. Тогда наша жизнь будет действительно христианской и достойной. Тогда действительно мы будем наследниками Божиими. Что может быть лучше и прекраснее этого? Как можем мы от этого отказываться? А ведь мы отказываемся, отказываемся, когда пытаемся совместить Божий путь с путем греха и лжи». ¹¹

«Но остается чудо, великое чудо Его любви. Он принимает нас полуживых, духовно больных и продолжает говорить: придите ко Мне, придите ко Мне не только труждающиеся и обремененные, но и обремененные своими грехами. Я снова принимаю вас. С неистощимым терпением, с неистощимым милосердием, с неистощимой щедростью Господь вновь зовет сегодня нас.

И мы приходим и говорим: Господи, допусти, сделай так, чтобы наше участие в Тайной Вечере сегодня не было нам в осуждение, но стало приобщением к вечной жизни». ¹²

¹¹ Там же, с. 38–42.

¹² Там же, с. 101–102.

«Вера делает чудеса. Она двигает горами. Самая тяжелая неподвижная гора – это наша косность, наше маловерие, душевная тупость. И она может быть сдвинута только верой. Значит, вера является для нас ключом к Царству Божию. Она является залогом того, что мы получим благодатную помощь».¹³

«Господь приносит нам спасение, то есть единство с Богом, встречу с Ним, переживание Его присутствия в нашей жизни, здесь и теперь. Но это спасение дается людям тогда, когда они отвечают на Божий призыв, когда они вступают с Господом в союз, завет. Если же мы сидим беспечно, косно, нерадиво, лениво, если мы хотим оставить при себе все свое, то как же нам войти в Царство Божие?..»¹⁴

«Только вера, только вера дает нам силы жить в этой жизни, в обычной, повседневной жизни, наполненной трудами, делами и отношениями. И в этой жизни мы должны жить с Богом, жить по Его воле, с мыслью о Нем – в первую очередь, во вторую очередь и в третью очередь. Только с Ним. Вот и все. Вот ключ к решению всех задач.

Поэтому сейчас попросим у Господа прощения, скажем: Господи, прости нас, что мы не хотели в Твое Царство, а так стояли, ленивые и косные, у дверей, не сделав ни одного настоящего шага Тебе навстречу».¹⁵

«“Вера – это крепость надежды, построенная над пропастью отчаяния”.

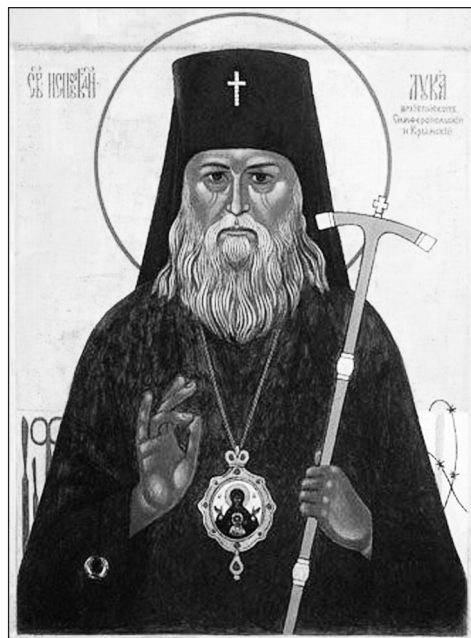
И это не потому, что вера это “убежище” или “утешение”, а потому, что обезображенный и страшный мир поистине может внушить чувство ужаса, и лишь вера срывает с мира маску и обнажает сокровенную красоту Сущего. В этом и только в этом смысле мир, внушающий отчаяние – нереален. А действителен только Реальный». (Из письма прот. Александра Менья)

¹³ Там же, с. 120.

¹⁴ Там же, с. 121.

¹⁵ Там же, с. 122.

СЛОВО ПАСТЫРЯ

*Св. исповедник Лука,
архиепископ Симферопольский и Крымский*

Святитель ЛУКА (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ)

Выдающийся ученый и уникальный диагност и хирург-практик – Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий родился 27 апреля (9 мая) 1877 г. в Керчи. Окончил Киевское рисовальное училище, готовился стать художником. Однако стремление помочь народу привело его на медицинский факультет Университета св. Владимира в Киеве. После окончания университета в 1903 г. Войно-Ясенецкий 14 лет был, как он сам говорил, «мужицким доктором», работал в земских больницах Симбирской, Саратовской, Курской и Ярославской губерний. «Я страстно любил хирургию – писал он позднее – и был ей предан всей душой. Благодаря ей, я мог служить бедным и страждущим людям». Не оставляя службы в земстве, в 1915 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины.

В 1921 г. Валентин Феликсович становится священником, живет в Ташкенте. В течение двух лет заведующий кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии Туркестанского университета (в создании которого в 1920 г. принимал деятельное участие) отец Валентин в рясе читает лекции студентам, оперирует в больнице. Одновременно продолжает работу над главным научным трудом своей жизни «Очерки гнойной хирургии».

В трудном для Церкви 1923 г. принимает постриг с именем Лука и соглашается принять на себя руководство Ташкентской и Туркестанской кафедрой; через 10 дней после тайной епископской хиротонии, еп. Лука был арестован и сослан в Восточную Сибирь. 12 лет вл. Лука провел в тюрьмах, лагерях и ссылках (Енисейск, Туруханск, Красноярск, Архангельск, деревня Большая

Мурта Красноярского края), но и в этих условиях он продолжал оперировать, спасая жизни многих людей, и не оставлял научной и литературной деятельности.

С 1941 по 1943 гг. вл. Лука – хирург-консультант Красноярского МЭП-49 (на 10000 коек). В 1943 г. возобновляется его архипастырское служение на Красноярской кафедре. Церковное служение он совмещает с оперативной практикой в военных госпиталях. В 1946 г. издание «Очерков гнойной хирургии» было отмечено Сталинской премией первой степени. Имя профессора, а затем академика-епископа приобретает международную известность. Он занимается и антропологией, и богословием, и философией. В 1945 -1947 гг. владыкой Лукой написан труд, который он сам ставил выше своих хирургических книг: «Дух, душа и тело».

В 1946 г. вл. Лука становится архиепископом Симферопольским и Крымским; в 1954 г. за 11 томов своих проповедей он был избран почетным членом Московской Духовной Академии.

Умер архиеп. Лука 11 июня 1961 года, похоронен в Симферополе, где прошли последние 15 лет его жизни и служения.

Канонизирован РПЦ в 2000 г., день церковного почитания исповедника святителя Луки 11 июня.

ПРОПОВЕДИ

«ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРЬ ВАС ЕСТЬ»

Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть (Лк 17:20-21). Вот это важно вам запомнить: что Царствие Божие внутри вас.

Люди малопросвещенные, даже из православных, представляют себе Царствие Божие не так, как нужно: их представление стоит ближе к грубому представлению мусульман. Мусульмане представляют себе вечную жизнь правоверных как радостную жизнь в прекрасном саду, где будут их окружать прекрасные молодые женщины, где они будут наслаждаться замечательными яствами: это представление грубо-материалистическое.

Христос сказал, что Царствие Божие внутри нас. Оно не придет приметным образом, а тихо и незаметно придет в сердца человеческие, и оно уже в сердцах праведников, в сердцах святых Божиих. Царствие Божие начнется для них еще при жизни их.

Жить в Царствии Божиим – это значит жить там, где царствует Бог.

Наша глубокая, сокровеннейшая жизнь духовная протекает в глубинах сердца нашего, и Царствие Божие начнется для нас тогда, когда в сердце наше вселится Святой Дух. Тогда, по слову Христа, к тем, кто соблюдал заповеди Его, придет Он Сам со Отцом и обитель у него сотворят. Если сподобится праведник того, что воцарится в сердце его Святой Дух, это значит, что он уже в Царствии Божиим. Царствие Божие в сердце его – там обитает и царит Святой Дух.

Такое Царствие Божие не приходит внезапно, не приходит заметным образом по громкому воззванию трубы. Царствие Божие

– это тихое, мирное, незаметное вхождение Духа Святого в сердца человеческие.

Такие святые, как Серафим Саровский, Сергей Радонежский, Антоний и Феодосий Печерские уже при жизни были в Царствии Божием, в их сердцах обитал Дух Святой, для них уже здесь на земле началось светлое Царствие Божие.

Сказал Господь ученикам Своим: *Придут дни, когда пожелаете видеть хотя один из дней Сына Человеческого, и не увидите; и скажут вам: вот, здесь, или: вот, там, – не ходите и не гоняйтесь, ибо, как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой* (Лк 17:22-24). Так внезапно, так потрясающе будет Его Пришествие. Это будет внезапно, когда люди совершенно не будут ждать этого, в день, который ведает лишь Отец наш Небесный.

Но прежде, чем сверкнет эта потрясающая молния, надлежит Христу, по словам Его, *много пострадать и быть отвержену родом сим* (Лк 15:25). О каком страдании говорил здесь Господь Иисус Христос? Не о крестных страданиях Своих говорит Он, о других страданиях, которые во все дни – от Вознесения до Страшного Суда – будет Он испытывать от людей, которые отвергли Его. Знал Он, что Ему будет тяжело быть отверженным родом человеческим, что будут мучить Его грехи наши. Все кровопролитные войны между христианскими народами причиняют тяжкую боль Его сердцу. Эту боль причиняем Ему мы жизнью своею, своими греховными поступками, злыми мыслями, нечестивыми словами... Причиняем Ему боль эту, когда служим страстям своим.

Об этом страдании говорит тут Господь Иисус Христос: «Надлежит Мне много пострадать и быть отвержену родом сим». Отвергло Его человечество в большинстве своем...

А мы, малое стадо Его, будем бояться причинить Ему хоть малейшее страдание своими злыми чувствами, злыми мыслями, злыми поступками. От них да сохранит вас всех Господь Бог!

Аминь.

1946 г.

ТАЙНА ЦАРСТВА БОЖИЯ В СЕРДЦЕ НАШЕМ

Сказал Христос Господь наш: *Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе* (Мк 4:26-28).

О каком это Царствии Божиим говорит здесь Господь Иисус Христос? О том, о каком сказал Он: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк 17:21).

Этим сравнением с возрастанием колоса из зерна Он открывает нам великую тайну того, что происходит в каждой душе христианской, когда становится она причастной Царству Небесному. Тогда происходит тот великий таинственный процесс, о котором сказал Он: *Царствие Божие внутри вас есть*.

Знает ли сеятель, как возрастает из семени колос? Знает ли садовод, как из посеянного зерна возрастает плодовое дерево, как возрастают чудные цветы? Никто этого не знает: это тайна Божия, творящаяся в земле. Знают кое-что ботаники, но знания их ничтожны по сравнению с тем, что им нужно было бы знать, чтобы полностью познать таинственный процесс, при котором из семени вырастает великолепное растение.

Есть наука эмбриология. Она занимается исследованием развития зародышей: зародышей человеческих, зародышей животных. Что же выясняет эта наука? Она исследует зародыши в различных стадиях их образования, начиная от первых дней и кончая полным созреванием. Она изучает только те внешние формы, которые последовательно образуются в утробе матери; изучает только постепенное формирование зародыша из оплодотворенного яйца. Но может ли эта наука объяснить те тайны, которыми определяются процессы, происходящие при созревании плода в утробе матери? Может ли она нам объяснить, какой силой передается зародышу, будущему ребенку, все то, что он наследует от родителей; каким образом передаются все черты сходства ребенка с родителями,

иногда удивительного, передаются черты характера и духовные свойства родителей его? Этого никогда, ни при каком развитии эмбриологии выяснить не удастся: эта великая Божия тайна совершенно от нас скрыта.

Вот так же таинственно, как вырастают растения и образуются зародыши в утробе матери, начинается и становится реальным в душе христианской Царство Божие. И тайна эта еще более глубока, чем тайна возникновения жизни организмов. Это тайна воздействия на сердце, жаждущее правды, всецело возлюбившее Христа, Божественной благодати. Таинственная сила благодати рождает в нас те добродетели, то духовное совершенство, которое и становится Царством Божиим внутри нас. Мы совсем не знаем, как действует в нас Божественная благодать, мы часто этого совсем не замечаем, а благодать действует, действует постоянно, и Бог созидает в душе нашей Свое великое Царство. Нет тайны более великой, чем эта тайна созидания Царства Божиего в душе человеческой.

Мы совершенно не знаем путей благодати Божественной, как не знает сеятель, каким образом возрастает из семени пшеничный колос с крупными зернами пшеницы. Он спит и встает, делает свои дела, а колос растет — он только ждет жатвы. Так и в нашей духовной жизни творится великое дело возрастания в нас добродетелей и совершенства духовного силой Божественной благодати.

Я сказал, что мы часто совсем не замечаем, как действует на нас Божия благодать, совершенно не понимаем тех событий жизни нашей, которые отмечены ее несомненной печатью, но когда состаримся и обозрим всю прожитую жизнь, то часто с удивительной ясностью открываются нам необыкновенные пути действия благодати Божией в сердце нашем.

Мы вспоминаем события нашей жизни, вспоминаем свои мысли, чувства, свои давно прошедшие ощущения, и все это представляется нам в совершенно новом свете, и озаряется ум наш познанием путей Божественной благодати. Понимаем, что те мысли, те

стремления, те дела, те события нашей жизни, которым мы не придавали никакого значения, когда они происходили, – направлялись Божественной благодатью.

Мы увидим, что жизнь наша была удивительным образом направлена Богом к тому, чтобы, прожив эту жизнь, мы вошли в Царство Божие. Так происходит этот таинственный, Божественный процесс попечения Божиего о том, чтобы открылось в сердце нашем Царство Небесное.

Будем же внимательны к тому, что происходит в жизни нашей; особенно будем остерегаться роптать на Бога, будем терпеливо переносить горести и страдания, ибо именно путем страданий создается Царство Божие в сердцах наших. Будем всегда благодарить Бога за все доброе и за все злое, что испытываем мы в жизни нашей!

Аминь.

1948 г.

«ЦАРСТВО БОЖИЕ НЕ В СЛОВЕ, А В СИЛЕ»

Святой апостол Павел пишет коринфянам: *Как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились* (1 Кор 4:18). Почему это они возгордились, что случилось? Он долго отсутствовал, и случилось среди тамошних христиан то, что случается всегда, когда стадо Христово остается без доброго пастыря, когда оно предоставлено само себе. Тогда находятся даже в Христовом стаде люди, которые забывают смирение, забывают кротость и любовь, забывают все то, чему учил их пастырь Христов, начинают жить по-своему, своим умом. Среди коринфян нашлись такие, которые критиковали Павла, находили, что он слаб в слове, что он плохой проповедник, возносились над ним умом своим, усматривали в нем всякие недостатки; и это настроение гордости возрастало в сердцах их.

Но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу, и испытаю не слова возгордившихся, а силу, ибо Царство Божие не в слове, а в силе (1 Кор 4:19-20). Апостол Павел испытывает сердца возгордившихся не по словам, а по силе их. Он посмотрит, найдет ли он силу – подлинную Христову силу – в сердцах их. Он посмотрит, не пусты ли слова их, есть ли подлинная сила в них.

Ибо Царство Божие не в слове, а в силе. О каком Царстве Божиим говорит он? О том Царстве Божиим, которое внутри нас, о Царстве Божиим, которое раскрывается в душе всякого подлинного христианина, ибо оно начинается уже при жизни нашей, уже на земле, а не только после Страшного Суда. Об этом Царстве Божиим, раскрывающемся в душе христианской, говорит здесь святой апостол. И Царство Божие, которое в душах наших, – не в слове, а в силе. Это значит, что не в словах наших обнаруживается наше подлинное причастие к жизни вечной, а в той духовной силе, которая обнаруживается в жизни нашей, во всех делах наших, во всех поступках.

Много-много есть на свете краснобаев, много таких кажущихся сильными в слове, которые способности свои истощают в красноречии, словами увлекая сердца человеческие. Какие же сердца

удается им увлечь? Только пустые сердца, только находящиеся под воздействием внешних эффектов речи. Но силы в таких словах совсем нет. Сила слова человеческого, сила подлинная, духовная, проникающая в сердца других людей, дается только от Духа Святого. Только в слове тех, кто живет Духом Святым, эта подлинная сила, которой покоряются сердца. Это сила Божия, сила Духа Святого, делаясь причастниками которой люди освящаются и становятся чистыми сердцем, возлюбившими всем сердцем добро и правду и возненавидевшими зло и неправду. Только в их сердцах раскрывается сила Божия: это не их сила – это сила Духа Святого, живущего в них.

Именно эта сила и покоряет сердца людей. Можно всегда молчать, можно ничего не проповедовать, можно не иметь никакого красноречия – и вместе с тем глубоко и мощно воздействовать на сердца людей. Если люди молча, не умея проповедовать, будут являть в делах своих добро и смирение духа, силу веры, любовь, то будут благоухать, как роза. Ведь роза молчит, а благоухание ее распространяется далеко-далеко.

Вот и надо, чтобы от всех нас распространялось благоухание Христово, благоухание дел наших – добрых, чистых, праведных, полных любви. Только в этом обнаружится то Царство Божие, которое внутри нас, *не в слове, а в силе*.

Аминь.

1948 г.

**СВИДЕТЕЛИ
ЦАРСТВА НЕБЕСНОГО**

**К 110-ой годовщине со дня рождения
и к 30-летию со дня кончины
архимандрита Тавриона (Батозского)
(1898–1978)**

Священник ВЛАДИМИР ВИЛЬГЕРТ

НОВОЕ ВИНО – НОВЫЕ МЕХИ

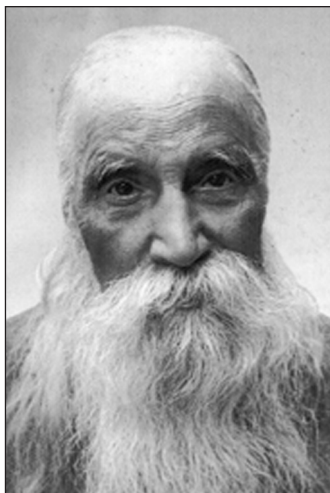
Владимир Вильгерт родился в 1959 г. в Риге. В 1981 г. окончил фармацевтический факультет Рижского медицинского института. С 1984 г. штатный иподиакон и псаломщик Рижского кафедрального собора. Окончил Московскую Духовную Семинарию. В 1990 г. рукоположен митрополитом Рижским и Латвийским Леонидом (Поляковым) во священника. Служил на приходах в Латгалии¹, в Лиенае. В настоящее время клирик Германской епархии РПЦЗ. Составитель сборника об архимандрите Таврионе (Батозском) «Вся жизнь – Пасха Христова» (Москва, 2001 г.)

В этом году мы особо вспоминаем архимандрита Тавриона (Батозского), светильника Церкви Христовой, жизнь и труды которого прошли в страшные для нашего Отечества годы социального эксперимента жизни без Бога. Уже прославлены тысячи новомучеников и исповедников этих лет, тысячи и тысячи еще не прославлены, и в их ряду, несомненно, находится о. Таврион.

Прошло уже 30 лет со дня его кончины, выросло новое поколение верующих, которые должны знать о тех подвижниках, кровью и трудами коих сохранена наша Церковь.

В статье отображено, конечно, субъективное видение личности принопамятного старца, но возникло оно не только из личного

¹ Латгалия – древний и своеобразный культурно-исторический край на востоке Латвии.

*Архимандрит Таврион,
1978г*

общения с ним, но и из многих бесед, переписки, общения с духовными чадами о. Тавриона. Поэтому, надеюсь, что выскажу, в какой-то мере, мнение многих людей. Но главным для нас было обозначить некоторые проблемы современной церковной жизни, решение которых архимандритом Таврионом мне, как священнику, близко.

Что привлекало паломников в скромный монастырь под Елгавой – Пустыньку – со всех концов когда-то огромной страны? Чего искали истерзанные души или пытливые умы, не обретшие утешения и смысла в вышеупомянутом безбожном опыте? В

Пустыньке им возвещали о великом их достоинстве быть чадами Божиими, о той свободе, которую даровал Христос, о неизреченной любви Божьей к каждому из нас. И эти истины исходили от человека, который всей своей жизнью свидетельствовал об этом достоинстве, об этой свободе и этой любви.

В Откровении Иоанна Богослова Господь говорит: «Се твою все новое» (Откр 21:5) Церковь Христова по слову ап. Павла: «Служит Богу в обновлении духа» (Рим 7:6). Призвание христианина с момента Крещения, этой «бани возрождения и обновления Святым Духом» (Тит 3:5), этого начала новой жизни во Христе, когда ветхий человек умирает, а новый возрастает – призвание наше – да «в обновлении жизни ходити начнем» (Рим 6:4) (славянский текст из отрывка в таинстве Крещения). Но устоять в этом призывании не легко. Большинство из нас верующих стремятся и психологически и практически к некоторой стабильности, ошибочно воспринимая церковную жизнь как нечто застывшее, данное чуть ли не апостолами, и считая своей задачей сохранить ее в

неприкосновенности. Подчас трудно жить в свободе, дарованной Христом, потому что она сопряжена с ответственностью и постоянным движением вперед. Но застой всегда ведет к кризису. Это мы наблюдаем во всех сферах общественной жизни. Не является исключением и жизнь духовная. И Господь предупреждает об этом: «Кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф 12:30). Обновление не означает новшество, а — живое, вечно молодое. Это тот огонь, который Господь пришел низвести на землю (Лк 12:49).

О жизни и служении архимандрита Тавриона можно сказать как о горении, пламенении пред Богом. Этот огонь приводит его 13-летним отроком в Глинскую Пустынь, он не затухает в лагерях и ссылках, он согревает сердца и души приходящих в Пустыньку, куда Господь поставил батюшку.

Церковь всегда жила наказом Христа: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф 28:19). Каждая эпоха, каждое поколение, это всегда новый вызов нам — ученикам Господа.

Одним из духовных наставников о. Тавриона был монастырский миссионер иеромонах Авель. Разносторонне образованный монах (знал языки, играл на фисгармонии) оказал сильное влияние на молодого послушника. С тех времен сложилось у о. Тавриона убеждение, что «христианство есть гармония, христианство — есть движение вперед, христианство есть жертвенность» (Из проповеди 08.11.1973). Священномученик архиепископ Павлин (Крошечкин), под чьим омофором много лет служил о. Таврион, призывал свое окружение возгревать в себе апостольский дух.

И архим. Таврион уже в те годы осознал важность нахождения языка обращения к обезбоженному миру, к миру поглощенному только материальными устремлениями. Он исходил из предпосылки, что любая душа по природе христианка, а, значит, образ Божий неизгладим в ней. О. Таврион не прекраснотушничал, рисуя розовым цветом действительность. Он прошел тюрьмы и лагеря, и видел самую глубину падения человека. И, тем не менее, считал, что душа обязательно отзовется на Слово Божие, которое

«живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр 4:12) (одна из любимых цитат о. Тавриона). Старец полагал, что мы живем в счастливое время всеобщей грамотности. Да, духовная литература не печатается, Св. Писание выходило мизерным тиражом, но это не препятствие – перепиши его, тем драгоценнее оно будет для тебя. Чтение Слова Божия должно восполнить все, что советская власть отняла у Церкви – церковно-приходские школы, и возможность открытой проповеди, наличие духовных центров-монастырей и духовных наставников – старцев. Чтение Слова Божия, особенно послания апостола Павла, для священников – это духовные семинария и академия, даже для тех, кто имел счастье окончить таковые. Чтение Слова Божия – это фундамент нормальной христианской жизни.

По мнению отца Тавриона, душа отзовется и на богослужебные тексты, которые содержат в себе все догматическое учение Церкви. (О. Таврион в проповедях нередко приводил отрывки из стихир, тропарей.) Поэтому чтение в храмах должно быть, по слову о. Тавриона, – «с чувством, с толком, с расстановкой». В Латвии, наряду со славянским языком богослужения, на приходах с количественным большинством православных латышей широко употреблялся латышский язык. Хотя переводы основных богослужебных книг в значительной мере устарели, тем не менее, латыши оказались в выигрышном положении в плане понимания текстов, нежели русские, т.к. славянский язык в советское время преподавали лишь на некоторых факультетах гуманитарных ВУЗов. В до-революционное время ставился вопрос и предпринимались определенные попытки переводов богослужебных текстов на русский язык. (Иногда на русифицированный славянский или славянизированный русский) Архим. Таврион использовал некоторые из этих переводов на богослужении, например, антифоны на воскресном Всенощном бдении проф. Евграфа Ловягина, русский текст канона преп. Андрея Критского.

Сейчас в некоторых кругах язык богослужения – предмет споров, и иногда крайностей радикальных. Для о. Тавриона вопрос ставился с миссионерских позиций – должно быть понятно. «Пойте Богу разумно» (Пс 46:8). Существует мнение, что русский язык не столь музыкален, пластичен, чтобы использовать его в богослужении. Могу засвидетельствовать: на службах архим. Тавриона эти вкрапления русского языка были органичны, его не заботила формальная вычитка положенных текстов, богослужения о. Тавриона были наполнены молитвой и горением.²

Отец Таврион верил, что душа человека отзовется на Таинства Церкви, особенно на Евхаристию. Сопричастность человека Христу, обретенная в Крещении, должна постоянно обновляться и укрепляться в Таинстве Причащения. Кровь Христова, пролитая во спасение мира, становится для причащающихся источником жизни вечной. Чаша Христова одновременно и цель (бытие со Христом Богом) и средство (через причащение мы достигаем цели).

Почти каждая проповедь о. Тавриона была посвящена таинству Тела и Крови Христовых. Ежедневное служение Евхаристии на протяжении более 50 лет стяжало тот благодатный опыт, о котором он не мог не возвещать. В этом опыте мы видим как укорененность в Св. Писании и св. Отцах, так и личные переживания и осмысление.

Евхаристия для архим. Тавриона это залог бессмертия: «Как бы ни были мы здоровы и счастливы, что нас ожидает? Старость и смерть, а Господь дает бессмертие. Причащение есть лекарство бессмертия. В Причащении дается нам все, Причащение нас немощных делает мучениками, если мы предаемся в волю Божию. Тогда пусть нас рак съедает, но мы мученики; это не рак, это язвы принятые за Христа». (Из проповеди 27.05.1973). В Церкви мы яв-

² Вопрос языка актуален и сегодня. Свежим подтверждением тому служит первое интервью первоиерарха РПЦЗ митр. Илариона (13 мая 2008 г. сайт Портал-Credo.ru) и обращение группы священников (9 июня 2008 г.) к Архиерейскому собору.

ляемся единым организмом с естественным духовным влиянием друг на друга, еще сильнее это влияние у людей, связанных родственными, семейными узами. Поэтому, по мысли о. Тавриона, наше причащение Св. Тайн будет благотворно влиять на наших близких, как живых, так и усопших. «Через наше причащение на весь мир изливается благодать Божия. Через нас вливается благодать в тела всех». (Из проповеди 02.06.1978).

Для о. Тавриона Евхаристия была действительно Таинством Благодарения: «Пийте от Нея вси» и, отказываясь от причащения, мы бываем неблагодарны. Здесь встает сразу несколько вопросов: о подготовке к таинству, о частоте причащения, о нашем недостатке.

Для о. Тавриона подготовка заключается в апостольской установке: «Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей» (1 Кор 11:28). Испытание своей совести приведет к покаянному плачу пред Господом (перед исповедью о. Таврион часто приводил в пример евангельских грешников – блудница у ног Христа, мытарь и благоразумный разбойник). Сердечное сокрушение о грехах и будет той немногословной, а иногда и бессловесной исповедью, которая очистит наше сердце.

А как же с вычиткой «правила»? Архим. Таврион отвечает: «Вы скажете, вот, нужно «правило». Да, очень нужно! Так ведь на тебя наложено пожизненное «правило». Разве апостол не пишет: «Непрестанно молитесь» (1 Фес 5:17). Вот вам «правило», а вы думаете, каноны прочитать – «правило» – непрестанно молиться! А если ты непрестанно молишься, исполняешь заповеди Божии, то ты всегда достоин причащения». (Из проповеди 16.05.1976).

То же и с постом. В Пустыньке трапеза поставлялась по уставу, в скоромные дни особого постного стола не было, и исполнение евхаристического поста предоставлялось совести и возможностям паломников. Из проповеди Светлой седмицы 1976 года: «Некоторые спрашивают: «А как нам причащаться, мы скоромное кушаем?» Я отвечаю вам словами Церкви Божией. Призывая при-

частников, Она говорит: «Верою и любовию приступим, да причастники жизни вечная будем». Вот и спросите: есть ли у вас вера и любовь? И в какие же еще дни более желательно причаститься, как не в дни Святой Пасхи? Потому что прощение наших грехов «из гроба воссияло».

Иногда в нашей церковной жизни присутствует как бы двойной стандарт. Священник служит без особого поста, а с прихожан его требует. Особым диссонансом это звучит на Светлой седмице. Иоанн Златоуст возглашает: «Приидите вси постившиеся и непостившиеся», а мы сортируем.

Для о. Тавриона быть достойным причащения определяется не нашим усердием в выполнении правил, соблюдении поста и даже покаянии. **Причащаться нас удостаивает Господь!** «Господь знает все наше недостойнство, но допускает нас к Божественной Чаше. Для чего? Для того, чтобы ты понял, что Господь не отвергает тебя, ждет тебя и освящает Своею благодатию». (Из проповедей 04.1976). Призыв на Литургии: «Святая святым» реализуется в момент причащения. По слову преп. Иоанна Кассиана: «Таинства сообщением благодати делают нас чистыми и святыми».

В вопросе о частоте причащения о. Таврион следовал рекомендациям святителя Феофана Затворника и прав. Иоанна Кронштадского. Эти почти современники батюшки понимали ненормальность и опасность укоренившейся церковной практики причащения один раз в году, они предвидели время грядущих испытаний. Отцу Тавриону эти испытания пришлось нести в полной мере. Это время повторяло эпоху ранне-христианских гонений, и причащение понималось как встреча с Господом, которая могла произойти в этот же день, но уже лицом к Лицу на арене цирка или на кресте, или с помощью другого орудия пытки и казни. Поэтому архиеп. Павлин благословляет о. Тавриона на ежедневное служение Литургии. В период пребывания старца в Пустыньке внешняя угроза стояла не столь остро. Но соблазны мира сего, внутренние борения и хрупкость человеческой жизни подвигали

о. Тавриона призывать верующих причащаться как можно чаще. Неоднократно на проповеди вспоминал он преп. Симеона Нового Богослова, который отвечал ученикам о частоте причащения: «Как Литургия служится, так и причащайтесь, но без слез никто из вас не приступай к Чаше Христовой».

Отец Таврион был убежден в том, что Чашей Христовой хранится и спасается мир. «Нашим литургийным служением, нашим усердием о причащении сохраняется бытие всего мира. Вы знаете, что будут страшные времена, о которых Евангелие говорит: будет великая скорбь, какой не было от начала мира доньше, и не будет... но ради избранных сократятся те дни (Мф 24:21-22). Каких это избранных? ПРИЧАСТНИКОВ! Поэтому, – хотите избавить мир от скорбей грядущих, хотите теперь от своих скорбей, страстей избавиться, – причащайтесь!» (Из проповеди 10.07.1973). «В мир надо вливать божественные силы благочестия и сохранять мир. Если бы Чаши не было, то человечество загнило бы в своих страшных, гнусных мерзостях, разврате и т.п. Так вот, верующие! Через вас в организм человечества вливается оживотворяющая, очищающая сила Божия, через ваше усердие к Чаше сохраняется его бытие». (Из проповеди 04.1976). «Мы очень ответственные, если присутствуем за Божественной Литургией, но не делаемся причастниками Чаши Христовой», а значит, если в мире что-то не в порядке – мы виновны. Мы избранники, сотрудники, соучастники освящения мира и беда нам, если не выполняем предназначения, и не удивляйтесь, что мир живет в безверии. И Господь может воздвигнуть другой народ, творящий волю Его» (Мф 21:43).

Священническая молитва во время Анафоры «О всех и за вся» глубоко переживалась отцом Таврионом: «Как это могущественно и утешительно – о всех и за вся...» (Из проповеди 08.1973). «Чаша приносится за всех, кто бы он ни был и в каком бы положении не находился. Поэтому, когда мы слышим: О всех и за вся, то здесь никто не забыт; верующий и неверующий, благочестивый и злочестивый. Чтобы никто не сказал, что забыл меня Господь в Своей заботе. Литургия есть выражение сердца Божия. А Господь чем

преисполнен? Спаситель хочет, чтобы все люди спаслись» (1 Тим 2:4). (Из проповеди 18.11.1976).

Митр. Антоний (Блум) в беседе, посвященной среди других тем и Литургии, вспоминает ответ, данный митр. Елевферием. На вопрос, о ком можно и о ком нельзя молиться на проскомидии, тот письменно ответил: на проскомидии можно молиться о всех, о праведных и о грешниках, о верующих и неверующих, о всех молиться можно, потому что это Голгофа, и в тот момент на Голгофе Христос распятый умирал за всех без исключения»³.

В краткой статье нет возможности изложить всех мыслей о. Тавриона о Божественной Литургии, Причащении Св. Таин, но резюмировать можно словами самого старца: «Та Церковь, которая живет Чашей Христовой, есть ЦЕРКОВЬ ХРИСТОВА. Та жизнь, которая напитана Чашей Христовой, есть ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ. И каждый из нас человек, как ХРИСТИАНИН только тогда живой и действенный сосуд благодати Божией, когда он приходит к Чаше Христовой. Аминь». (Из проповеди 19.06.1973).

Архим. Таврион остро переживал разделенность христиан, считая это нашим позором. К сожалению, мы привыкли к этому положению. И констатируем, что мы православные, конечно, спасемся, а всякие там католики-протестанты погибнут, иногда убедительно аргументировано доказываем это в богословских лекциях и статьях. Но ведь это наша трагедия — потеря чувства единства во Христе! Надо бы скорбеть! «Разделение Церквей прискорбно совершилось во второй половине XI века. А до этого Церковь Божия по всей вселенной была едина, несмотря на разность обрядов и некоторых праздников. Но потом в Церковь Божию были внесены те или другие чисто человеческие страстишки, расчеты, и произошел прискорбный раскол. А Христос сказал: Да будут все едино, как Мы (см. Ин 17:22). Эта молитва совершится, и Церковь Божия всегда молится о единении всех Церквей. Даст Господь, придут благодатные времена, не по усилиям человеческим, а в силу воли

³ Антоний, митр. Сурожский «Труды». Книга вторая. М., 2007 г. С. 88, 132–133.

Божией и в силу молитв Спасителя, и все мы будем едиными устами и единым сердцем исповедовать Отца и Сына и Святого Духа». (Из проповеди 09.06.1973). Ярким примером такого явления воли Божией служит происшедшее в 2007 году воссоединение РПЦ и РПЦЗ.

Мы уже говорили о миссионерской устремленности о. Тавриона. Наряду с его учителями, несомненно, сильнейшее влияние на него оказали деяния Поместного Собора РПЦ 1917–18 гг. Еп. Иларион (Алфеев) высказывает мысль о том, что этот собор мог бы стать тем же, чем для Римо-Католической Церкви почти полвека спустя стал II Ватиканский Собор. С него должно было начаться «аджорнаменто» – обновление всей церковной жизни⁴. Отец Таврион старался в своем служении воплотить в жизнь решения и планы Поместного Собора. Об этом свидетельствует его работа с детьми и молодежью; его тайное священническое служение по домам верующих в свободное от работы на фабрике, в качестве художника, время в условиях катакомбного положения; это стремление воплощения монастырем новых задач в новых условиях, когда он был настоятелем Глинской Пустыни. Поэтому с интересом следил о. Таврион за работой II Ватиканского Собора, знакомился с опубликованными материалами. В его келье висела фотография заседания епископов на этом Соборе. Интересовался жизнью Католической Церкви в Латвии.

30-летие кончины – время достаточное, чтобы оценить то духовное наследие, которое оставил архимандрит Таврион. Оценить, не только изучив его проповеди, почитав его переписку, но и опытом уже своей жизни: будь то священнической, монашеской или семейной. То новое вино, которое влил о. Таврион в новые мехи созрело, окрепло, приобрело аромат и неповторимый вкус. Нам лишь остается не хранить его в подвалах, а щедро наливать его и угощать всех желающих.

⁴ Иеромонах Иларион Алфеев «Православное богословие на рубеже столетий». М., 1999. С. 389.

ПЕТР ЧИСТЯКОВ

«МИР СПАСАЕТ ЧАША»: ОПЫТ СЛУЖЕНИЯ АРХИМАНДРИТА ТАВРИОНА (БАТОЗСКОГО)

Петр Георгиевич Чистяков (родился в Москве в 1980 г.) – религиовед, кандидат исторических наук, преподаватель Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ, г. Москва). В 2002 году закончил РГГУ, в 2005 году защитил диссертацию «Почитание местных святынь в российском православии XIX – XXI вв. (на примере почитания чудотворных икон в Московской епархии)».

Область научных интересов: история Русской Православной Церкви в XX веке, религиозная политика советского государства, современное российское православие, народная религиозность, феномен почитания местных святынь.

Советский тоталитаризм сломал многих верующих людей. В эти годы одни под давлением советской идеологии всерьез поверили в то, что между коммунизмом и христианством нет непреодолимых противоречий, и стали лояльно относиться к советской власти, другие внутренне не принимали коммунистическую идеологию, но, боясь преследований, затаились и старались не говорить «лишнего» и никак не демонстрировать свою религиозность. Однако и в эти тяжелейшие годы находились те, кто находил в себе силы противостоять давлению тоталитаризма.

Архимандрит Таврион (Батозский), прошедший через сталинские лагеря и в полной мере ощутивший на себе все ужасы эпохи, был одним из тех, кому удалось не сломаться под натиском советского режима. Он не просто достойно выдержал все выпавшие на его долю испытания, а возрос духовно. Опыт, полученный им за годы заключения, укрепил его стремление неустанно проповедовать Евангелие и каждый день совершать литургию. В совет-

ское время лишь немногие клирики Русской Церкви находили в себе смелость активно проповедовать. Архимандрит Таврион не мыслил свою жизнь без проповеди и в своих проповедях был абсолютно свободен, не боялся говорить обо всем, в том числе и о годах своего заключения, и о духовном опыте, приобретенном в те годы. Его бесстрашие поддерживало тех, кто был с ним рядом, и укрепляло в них надежду. Сегодня, по прошествии тридцати лет со дня кончины архимандрита Тавриона, необходимо помнить и исполнять его призывы жить по Евангелию, постоянно молиться и как можно чаще приступать к евхаристической чаше.

Архимандрит Таврион (в миру – Тихон Данилович Батозский) родился 27 июля 1898 года в городе Краснокутске Харьковской губернии, в большой семье Даниила Ивановича и Акилины Родионовны Батозских. Его отец был казначеем городской управы.¹ Потребность Тихона в духовной жизни сказалась еще в детстве: будучи ребенком, он любил уединяться и подолгу молиться. В эти же годы он впервые задумался о будущем духовном пути. В одной из своих проповедей архимандрит Таврион вспоминал: «Когда я был маленький, еще до школы, я все думал: почему не каждый день совершается Божественная литургия? Я уж как вырасту большой, то буду просить у Бога благословение на служение Ему, чтобы совершать литургию каждый день».² Так у Тихона появилась мечта стать монахом, и в 1910 году, закончив учебу в начальной земской школе, он бежал из дома в монастырь. Сначала он пришел в Белгородский монастырь, но настоятель сказал, что в этот монастырь поступить сложно и посоветовал мальчику отправиться в Рождество-Богородицкую Глинскую пустынь. В пустыни Тихон пробыл недолго: настоятель монастыря прочел газетное объявление, помещенное отцом Тихона, разыскивавшим пропавшего сына, и велел ему вернуться домой. Затем Тихон по-

¹ *Таврион (Батозский), архим.* Четыре автобиографии // «Христианос–VII». Рига, 1998. С. 45–53.

² *Бычков С. С.* Страдный путь архимандрита Тавриона. М., 2007. С. 49.

ступил в учительскую семинарию в Дергачах, окончив которую в 1913 году, он окончательно решил исполнить свою давнюю мечту. Тихон уговорил отца отпустить его в монастырь и в январе 1913 года вернулся в Глинскую пустынь³. Здесь он нес послушание в иконописной мастерской.

Во время Первой мировой войны Тихон был призван в армию и служил при полковой кухне.⁴ Гражданскую войну он пережил в монастыре и лишь в самом ее конце, в январе 1920 года, снова был призван в армию. После того, как выяснилось, что он послушник, его отпустили в монастырь. В Глинскую пустынь Тихону пришлось возвращаться пешком, и уже возле монастыря, переправляясь через реку, он едва не утонул и чудом спасся от гибели. Впоследствии архимандрит Таврион описал свое чудесное спасение в небольшой автобиографической заметке.⁵ Вскоре после этого события, в 1920 году, послушник Тихон был пострижен в монахи с именем Таврион настоятелем Глинской пустыни архимандритом Нектарием (Нуждиным). В 1922 году Глинская пустынь была закрыта, и монах Таврион, вместе с другими монахами, перебрался в Рыльский монастырь Курской епархии. Здесь он впервые встретился с епископом Павлином (Крошечкиным), ставшим его духовным отцом и оказавшим большое влияние на его духовное развитие. Вскоре епископ Павлин был арестован и отправлен в Москву. В заключении он провел больше года. В это время Таврион, вместе с другими монахами, приехал в Москву и поселился в Новоспасском монастыре. В 1923 году монах Таврион был рукоположен епископом Можайским Борисом (Рукиным) во иеродиакона. На Пасху 1925 года, в московском храме Успения в Кожевниках епископ Павлин (Крошечкин), освободившийся к то-

³ Бычков С. С. Страдный путь архимандрита Тавриона. М., 2007. С. 49–51.

⁴ Бычков С. С. Страдный путь архимандрита Тавриона. М., 2007. С. 59–60.

⁵ Таврион (Батозский), архим. Рассказ о потоплении // Бычков С. С. Страдный путь архимандрита Тавриона. М., 2007. С. 343–352.

му времени из заключения, рукоположил иеродиакона Тавриона во иеромонаха.⁶ В день рукоположения епископ Павлин подарил отцу Тавриону антиминс, сказав: «Служи, идеже прилучится». С этого дня отец Таврион совершал литургию ежедневно.

Вскоре иеромонах Таврион был возведен в сан игумена и назначен настоятелем Витебского Маркова монастыря. Но этот монастырь вскоре был закрыт и Таврион вернулся в Москву.⁷ В 1926 году игумен Таврион по поручению епископа Павлина принимал участие в тайных выборах патриарха, встречаясь с епископами и собирая их мнения о возможных кандидатах на патриарший престол. В 1928 году, вскоре после перемещения епископа Павлина (Крошечкина) на пермскую кафедру, он переехал в Пермь вслед за своим наставником. В 1929 году в Перми епископ Павлин возвел игумена Тавриона в сан архимандрита. Обращаясь к новопоставленному архимандриту, епископ сказал: «Не за высокие заслуги награждаешься митрой, а за то, что долгие годы предстоит провести тебе в заключении».⁸ Эти слова оказались пророческими: 28 октября 1929 года архимандрит Таврион был арестован и отправлен в лагерь на строительство Беломоро-Балтийского канала. Находясь в тяжелейших условиях, архимандрит Таврион находил в себе силы ежедневно служить литургию. Позднее он говорил, что только Евхаристия помогла пережить ему эти страшные годы. В проповедях, произнесенных в Пустыньке, отец Таврион неоднократно упоминал о годах, проведенных в лагере, не боясь говорить об этом вслух, и всегда поминал на литургии всех тех, кто был в заключении вместе с ним и кто погиб на его глазах. В проповеди перед Евхаристическим канонем архимандрит Таврион говорил: «Вот сейчас мы с вами будем с Самим Господом, среди

⁶ *Таврион (Батозский), архим.* Четыре автобиографии // «Христианос–VII». Рига, 1998. С. 48.

⁷ *Бычков С. С.* Страдный путь архимандрита Тавриона. М., 2007. С. 101.

⁸ *Бычков С. С.* Страдный путь архимандрита Тавриона. М., 2007. С. 114.

Его учеников, на Тайной Вечере, Сам Господь будет с нами. И о чем мы вспомним? Кого помянем в молитве пред лицом Господа? Мы помянем всех тех, кто был близок и дорог для нас в нашей жизни. Кто невинно пострадал, погиб вдали от родного дома. Я вот вспоминаю сейчас одного человека, который умирал рядом со мной в бараке, в лагере. Поднялся он из последних сил и просил меня: «Батюшка, помолись обо мне, не забудь!» Как же я о нем не вспомню? Нет, всех мы сегодня помянем пред нашим Господом».⁹ Архимандрит Таврион был освобожден из лагеря в 1932 году. После освобождения он несколько раз ненадолго приезжал в Пермь, затем, в 1935 году, переехал в Калугу. Вторично он был арестован в 1940 году. После восьми лет лагерей отец Таврион в 1948 году был освобожден и отправлен в ссылку в Казахстан. В 1958 году, после XX съезда КПСС, осудившего сталинские репрессии, архимандрит Таврион был реабилитирован.

Вскоре после возвращения из ссылки архимандрит Таврион вернулся в Глинскую пустынь. В 1957 году тяжело больной настоятель Глинской пустыни архимандрит Серафим (Амелин) подал прошение об освобождении от обязанностей настоятеля и в качестве своего преемника рекомендовал епископу архимандрита Тавриона, которого он хорошо знал еще до закрытия Глинской пустыни. 14 марта 1957 года архимандрит Таврион был назначен настоятелем Глинской пустыни. В монастыре отец Таврион обнаружил глубокий упадок духовной жизни. Многие насельники Глинской пустыни, прошедшие через лагеря и ссылки, были охвачены своего рода «аскетическим эгоизмом»: им представлялось, что в монастыре они обрели долгожданный покой и могут сосредоточиться исключительно на своем спасении. Для отца Тавриона это было неприемлемо. Он постоянно проповедовал, обращаясь, прежде всего, к паломникам, призывал к частому причащению, возродил изначальный устав пустыни, в частности, восстановил

⁹ *Борисов А., свящ.* Побелевшие нивы: Размышления о Русской Православной Церкви. М., 1994. С. 81.

дореволюционный обычай совершения полунощницы в полночь. Активная позиция отца Тавриона вызвала недовольство братии, призыв к ежедневному причащению был воспринят ими как проповедь католичества. Наиболее непримиримым оппонентом отца Тавриона стал духовник Глинской пустыни схииеромонах Серафим (Романцов). Он несколько раз ездил в Москву, жаловался патриарху Алексию I на архимандрита Тавриона и, в конце концов, добился ухода архимандрита из пустыни. В феврале 1958 года отец Таврион был переведен в Почаевскую Лавру. Архимандрит Таврион тяжело переживал несправедливое изгнание из монастыря, в котором он начал свой монашеский путь: в течение нескольких лет после этого конфликта он ставил на своих письмах подпись «Изгнанник Глинской пустыни».¹⁰ Об искренности его желания возродить подлинно аскетический уклад жизни в Глинской пустыни свидетельствует написанная им «Записка о Глинской пустыни».¹¹

В Почаевской Лавре архимандрит Таврион пробыл всего несколько месяцев, после чего был переведен в Уфу. В конце 1950-х годов произошла глобальная перемена в религиозной политике советской власти: Н.С. Хрущев отказался от начатого Сталиным «покровительственного» отношения к Церкви, целью которого было достижение полного контроля над внутрицерковной ситуацией. На смену сталинской религиозной политике пришел предложенный Хрущевым «новый курс», предполагавший последовательное подавление религиозной жизни. В эти годы началось массовое закрытие церквей и преследование верующих. Епископ Никон (Лысенко), рукоположенный на Уфимскую кафедру в 1959 году, занял решительную позицию и стремился сохранить каждый приход. Архимандрит Таврион, ставший секретарем епархиального управления и благочинным Уфы, всецело разделял пози-

¹⁰ Бычков С. С. Страдный путь архимандрита Тавриона. М., 2007. С. 245.

¹¹ Таврион (Батозский), архим. Записка о Глинской пустыни // «Христианос—VII». Рига, 1998. С. 54–60.

цию епископа Никона. Местный уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви, раздраженный непреклонностью архимандрита Тавриона, в 1961 году лишил его регистрации. Вскоре патриарх Алексей I вызвал отца Тавриона в Москву и принял его в братию Троице-Сергиевой Лавры. В 1962 году патриарх предпринял попытку рукоположить архимандрита Тавриона в епископы на Курскую кафедру. Епископ Никон (Лысенко) направил патриарху положительный отзыв об отце Таврионе. Желая избежать недовольства со стороны Совета по делам РПЦ, епископ умолчал о конфликте, произошедшем в Уфе, и сказал, что архимандрит Таврион был снят с регистрации в связи с переходом в другую епархию. Но чиновникам Совета по делам РПЦ епископская хиротония архимандрита Тавриона представлялась невозможной, и на просьбу патриарха разрешить рукоположение последовал категорический отказ, мотивированный тем, что архимандрит Таврион был лишен регистрации за нарушения законодательства.¹²

В 1962 году архиепископ Ярославский, впоследствии митрополит Ленинградский Никодим (Ротов) по просьбе патриарха взял архимандрита Тавриона в Ярославскую епархию, сумел вернуть ему регистрацию и назначил его настоятелем церкви в селе Некрасовском. В Некрасовское сразу же стали приезжать духовные дети отца Тавриона, что вызвало недовольство местных властей и старосты храма, и в 1967 году отец Таврион был переведен на другой, более дальний, приход в село Новый Некоуз.

В Ярославской епархии архимандрит Таврион познакомился с архиепископом (впоследствии митрополитом Рижским и Латвийским) Леонидом (Поляковым), несколько лет управлявшим этой епархией. Когда архиепископ Леонид был переведен на Рижскую кафедру, он предложил отцу Тавриону последовать за ним и стать духовником Спасо-Преображенской женской пустыни под Елга-

¹² Бычков С. С. Страдный путь архимандрита Тавриона. М., 2007. С. 268–270.

вой. Архимандрит Таврион отказался, но архиепископ, уверенный в своем решении, заручился поддержкой патриарха, и в 1969 году отец Таврион был назначен духовником Спасо-Преображенской пустыни. В Пустыньке, как этот монастырь обычно называли паломники, архимандрит Таврион служил вплоть до своей смерти в 1978 году.

Во время служения архимандрита Тавриона в Пустыньке сюда постоянно приезжали паломники. Митрополит Леонид (Поляков) направлял к отцу Тавриону кандидатов для рукоположения в священники для того, чтобы он подготовил ставленника к рукоположению. Сюда время от времени приезжали московские священники, знавшие и уважавшие отца Тавриона. Часто в монастыре служил и сам митрополит Леонид (Поляков).

В советское время многие священники либо полностью перестали проповедовать, либо произносили проповеди лишь в большие праздники, нередко используя готовые тексты, опубликованные в «Журнале Московской Патриархии». Архимандрит Таврион не мыслил литургию без проповеди. Совершая литургию, он проповедовал трижды: во время общей исповеди, после чтения Евангелия и по окончании богослужения. Проповедь была связана с евангельским отрывком, читавшимся на литургии, архимандрит Таврион призывал к постоянному чтению Евангелия, к жизни в соответствии с Евангелием. «Хочешь жить – читай слово Божие, оно дает познание жизни, пробуждает наше сознание»,¹³ – говорил он в одной из проповедей. Чтение Евангелия для него было неразрывно связано с молитвой: он часто советовал своим духовным детям включать главу из Евангелия и главу из Апостола в ежедневное молитвенное правило или просто заменять правило чтением Евангелия. Отец Таврион говорил о необходимости постоянной молитвы: «Спешите молиться, старайтесь молиться! Вот сейчас ты молишься – значит, собираешь драгоценности в сунду-

¹³ *Таврион (Батозский), архим.* Из проповедей // «Христианос–VII». Рига, 1998. С. 40.

чок на небесах. А будешь нуждаться, Господь откроет его и пошлет тебе необходимое».¹⁴ Говоря о непрестанной молитве, архимандрит часто цитировал слова апостола Павла: «Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите».¹⁵ Одной из постоянных тем проповеди была Евхаристия. «Вот эти стены будут свидетельствовать на Страшном Суде, что призывал я вас к причастию, что говорил о необходимости покаяния! Господь Сам в Божественной Литургии призывает вас на брачный пир Сына Своего. В причастии дается вам залог вечной жизни. За вас приносится величайшая жертва. Не только за вас, но и за весь мир: «Твоя от Твоих, о всех и за вся»...»,¹⁶ – говорил архимандрит Таврион в проповедях.

Евхаристический опыт отца Тавриона поистине уникален. Евхаристия занимала в его жизни особое место. Отец Таврион, ежедневно совершавший литургию на протяжении многих лет, понимал, что Евхаристия должна быть центральным моментом жизни христианина и постоянно призывал своих духовных детей к частому, по возможности, ежедневному причащению. Перед литургией отец Таврион совершал общую исповедь. Постоянно призывая к покаянию, он внимательно следил за тем, чтобы индивидуальная исповедь не становилась самоцелью, не превосходила бы по своему значению Евхаристию. Нередко он решительно останавливал паломников, стремившихся подробно рассказать ему на исповеди о своих грехах, мотивируя это тем, что в монастырь свои грехи приносить нельзя. Этим он раскрывал перед исповедавшимся смысл покаяния, избавляющего человека от греха, призывал его к личному покаянию перед Богом.

Архимандрит Таврион считал необходимым поименно помнить всех причащавшихся за литургией, для чего составлялись

¹⁴ Таврион (Батозский), архим. Из проповедей // «Христианос–VII». Рига, 1998. С. 40.

¹⁵ 1 Фес 5:16-18.

¹⁶ Таврион (Батозский), архим. Из проповедей // «Христианос–VII». Рига, 1998. С. 41

специальные списки. Служил он с открытыми царскими вратами, «тайные» молитвы читал вслух, одновременно с пением хора. Во время совершения литургии не допускал никаких пауз, литургия была быстрой и стремительной. Для выходца из консервативной монашеской среды призыв к частому причащению поразителен. Один из учеников отца Тавриона, игумен Евгений (Румянцев) вспоминает, что в те годы часто бывало, что священник служил литургию, а причастников не было. Многие монахини Пустыньки не понимали необходимости частого причащения и видели в этом филокатолические настроения настоятеля. Но архимандрит Таврион не боялся этих упреков. В своем понимании литургии он опирался на богослужебный опыт отца Иоанна Кронштадтского, в частности, на введенную им практику общей исповеди. Согласно свидетельству священника Георгия Кочеткова, в 1920-х годах архимандрит Таврион бывал в Заиконоспасском монастыре на литургиях, совершаемых епископом Антонином (Грановским).¹⁷ Не разделяя обновленческих идей и ни в коей мере не поддерживая обновленцев, отец Таврион ценил полученный у них духовный опыт. Его удивительное бесстрашие и умение не бояться нововведений сближают его с одним из его современников, священником Сергием Желудковым, смело размышлявшим о необходимости литургических реформ. Следует отметить, что отец Сергей тоже бывал в 1920-х годах на богослужениях в Заиконоспасском монастыре, и литургия епископа Антонина (Грановского) произвела на него огромное впечатление. Размышляя о путях литургического возрождения, священник Сергей Желудков в значительной степени опирался на богослужебный опыт епископа Антонина.¹⁸

Архимандрит Таврион был открыт и к католической духовности и ценил опыт Католической Церкви, призывающей к частому причащению. В отличие от многих представителей православной

¹⁷ Литургия отца Тавриона. Беседа со священником Георгием Кочетковым // «Христианос–VII». Рига, 1998. С. 62–63.

¹⁸ Желудков С., *свящ.* Литургические заметки. М., 2003. С. 129–132.

монашеской традиции, он не относился к католической религиозности как к чему-то чуждому: в алтаре у него стояла статуя Христа с горящим сердцем, подаренная приезжавшими в Пустыньку католиками. Архимандрит Таврион поддерживал личные отношения с католическим духовенством: он был знаком с кардиналом Вайводсом и настоятелем католического прихода Елгавы священником Булиньшем. Вместе с митрополитом Леонидом (Поляковым) архимандрит Таврион бывал на католических рождественских богослужениях, а кардинал Вайводс несколько раз приезжал в Спасо-Преображенскую пустынь. Диалог с католиками для архимандрита Тавриона был чрезвычайно важен. По воспоминаниям одного из его учеников, священника Владимира Вильгерта, «проблема разделения Церквей волновала отца Тавриона. Считая разделение исторической ошибкой, он радовался всякому взаимному сближению Церквей. Над его рабочим столом в келье висели фотографии встречи Вселенского патриарха Афинагора и папы Римского Павла VI и заседания Второго Ватиканского собора. Для него был ценен дух тех инициатив, которые были проявлены в этих исторических событиях».¹⁹

Обилие паломников, приезжавших в Пустыньку, вызывало раздражение многих монахинь, считавших, что монастырь существует исключительно для них и не понимавших открытости отца Тавриона ко всем приезжавшим к нему. Но для отца Тавриона «аскетический эгоизм» и распространенное в монашеской среде стремление замкнуться на своей духовной жизни, были совершенно неприемлемы. Он не мыслил себя без проповеди и постоянного общения с людьми. Многие монахини не понимали и его призывов к ежедневному причащению, упрекая настоятеля в филокатоличестве. Иногда на этой почве происходили конфликты. Но отцу Тавриону, благодаря своей решительности и уверенности в своей правоте, удалось сглаживать все возникавшие противоречия.

¹⁹ Вильгерт В., *свящ.* Воспоминания об отце Таврионе Батозском // Православная беседа. 2000. № 55. С. 96.

В 1977 году архимандрит Таврион тяжело заболел. Даже после того, как врачи диагностировали рак пищевода и стали настаивать на операции, архимандрит отказался покидать Пустыньку. До тех пор, пока позволяли силы, он служил и проповедовал. Свою последнюю литургию он совершил на Троицу 1978 года, за несколько месяцев до смерти, произошедшей 13 августа 1978 года. В это время начались очередные преследования верующих, коснувшиеся и Спасо-Преображенской пустыни: милиция постоянно проводила проверки паспортного режима и выселяла приезжавших паломников. Многих задерживали еще до приезда в Пустыньку и отправляли назад. Из-за этого многие духовные дети архимандрита Тавриона не смогли увидеться с ним перед его кончиной.

Москва, 2008 г.

«ЗА ДРУГИ СВОЯ...»

*Памяти протоиерея Алексея Глаголева –
праведника мира*

Отец Георгий Чистяков считал, что в конце XX столетия человечество преодолело один из самых страшных кризисов в своей истории – кризис ужаса перед смертью. Это может показаться странным. Мы привыкли смотреть на прошлый век, скорее, глазами страха – как на время катастроф и неисчислимых жертв Гулага, Холокоста и разного рода тоталитаризмов. Но есть глубокая правда и в том, что именно в жестокий век поэт воспекает свободу, и в бесчеловечное время владыка Антоний (Блум) говорит о неотменяемости веры в человека, а отец Георгий – о победе жизни над смертью. «Ибо нашлись люди, – пишет он, – которые осознали, что Христос не приказывает возненавидеть цветы, и вообще все то, что мы называем словом «жизнь»... а призывает нас просто не бояться. В том числе и смерти»¹.

Киевский священник Алексей Александрович Глаголев, спасший в годы немецкой оккупации Киева десятки людей, в том числе евреев от гибели в Бабьем Яру, был одним из тех, о ком мы тоже можем сказать: «ибо нашлись люди...»

По своему происхождению и воспитанию Алексей Глаголев, несомненно, принадлежит к просвещенной элите «старой» России. Он родился 2 июня 1901 года в Киеве, в семье профессора Киевской духовной академии, ученого-гебраиста, протоиерея Александра Глаголева, настоятеля храма Николы Доброго на Подоле. Он был учеником выдающихся богословов начала XX века, руководителей Киевского религиозно-философского общества profes-

¹ Георгий Чистяков. На пути к Богу живому. «Путь». М., 1999. С. 108.

соров КДА П. П. Кудрявцева и В. И. Экземплярского², и сам окончил в 1923 году Богословскую академию³ со степенью кандидата богословия. Он был другом и духовным чадом известного в 20-е годы проповедника Анатолия Жураковского, создателя катакомбной общины, ставшей ядром духовного сопротивления в Киеве 30-х годов, куда также входила жена Алексея Глаголева, Татьяна, а позднее – их дети, Магдалина и Николай.

На Покровской улице

В 1941 – 1943 годах, во время оккупации Киева, в маленьком храме при Покровской церкви на Подоле, где отец Алексей Глаголев был настоятелем, укрывалось такое количество певчих, псаломщиков, сторожей, уборщиц, просфорниц и дворников, что их хватило бы на пять кафедральных соборов. Все эти люди получали справки, которые освобождали их от принудительных работ. В полуподвале теплого храма Иоанна Воина скрывалось также несколько семей, числившихся на работах в Штутгарте, Кенигсберге и даже умершими. Здесь жила с шестью детьми жена коммуниста, подполковника Красной армии, на которую донесли соседи. Приходской управдом Александр Григорьевич Горбовский, друг Глаголевых, как-то умудрялся обеспечивать весь этот немислимый «штат» хлебными карточками. В любой момент в церковный двор могли нагрянуть с проверкой немцы: неподалеку находились их военный госпиталь и полицейский участок, перед которым неизменно стоял караул. Привлечь внимание немцев к обитателям По-

² Петр Павлович Кудрявцев был участником Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг. Василий Ильич Экземплярский был издателем и редактором журнала «Христианская мысль», выходившего в 1916 – 1918 годах в Киеве. Оба входили в общину отца Анатолия Жураковского.

³ Под такой вывеской с 1921 по 1923 годы существовала Киевская духовная академия. По некоторым сведениям, занятия со студентами проводились подпольно до 1927 года.

кровской церкви могли и дети, которые часто, увлекшись играми во дворе, начинали шуметь. Иногда управдом высказывал настоятелю свое естественное опасение. Но батюшка всегда отвечал: «Бог нам поможет». Разумеется, если бы немцы узнали о том, что происходит на Покровской улице, ни священнику, ни управдому, ни их семьям, ни «штату», мягко говоря, не поздоровилось бы. Но Бог помогал.

Он помог найти давно отмененные и чудом уцелевшие бланки свидетельств о крещении, на которых отец Алексей делал метрические выписки о крещении евреев, обращавшихся к нему за помощью после того, как 28 сентября 1941 года на всех перекрестках Киева появился приказ о том, что «все жида города Киева должны явиться на Дегтяревскую улицу около еврейского кладбища»⁴. Нашлась и спасительная церковная печать, которую сохранил друг Глаголевых, известный киевский терапевт Троадий Ричардович Крыжановский, живший в приходском доме на Покровской, 3. Во время разорения храма Николая Доброго в 1936 году он спрятал печать, и она помогла отцу Алексею отвести смерть от многих людей. Так, у знакомых крестьян в селе Злодиевка в 50 километрах от Киева поселили Изабеллу Наумовну Миркину, имевшую паспорт и метрическое свидетельство о крещении на имя «Татьяны Павловны Глаголевой», жены отца Алексея.

Совершенно отчаявшаяся, Изабелла Наумовна, у которой в Бабьем Яру погибла вся родня, постучалась к Глаголевым, умоляя спасти ее и десятилетнюю дочь Иру. Всю ночь отец Алексей и Татьяна думали, как помочь. И тогда Татьяна решила отдать свой паспорт женщине – благо, при тушении пожара, случившего в 30-е годы в доме Глаголевых, его залили водой, и печать в нем расплылась. В документ вклеили фотографию новоиспеченной Татьяны Павловны, с которым та отправилась в деревню. «В этот период, – вспоминал Алексей Глаголев, – моя жена чуть не поплатилась

⁴ Этот приказ обрек на смерть в Бабьем Яру более ста тысяч человек. См. в кн. Священник Александр Глаголев. Купина неопалимая. «Дух і літера». К., 2002. С. 208–226.

жизнью за свой отчаянный поступок. Ходившие по квартирам с целью реквизиции гестаповцы потребовали у нее паспорт и, когда его не оказалось, заявили, что отведут жену мою в гестапо как подозрительную личность. А уж из гестапо редко кто возвращался домой. Едва-едва удалось их упросить оставить жену в покое, удостоверив свидетельскими показаниями ее личность».

Но через два месяца Изабелла Наумовна снова вернулась на Покровскую улицу – сельские власти стали что-то подозревать, наводить о приезжей справки, и ей пришлось бежать в Киев. До конца оккупации она и ее дочь Ира жили у Глаголевых – в их квартире и на церковной колокольне – под видом родственниц. Других несчастных, которым грозила смерть или отправка в Германию, селили в прилегающих к церкви домах. В том числе и в маленьком домике на Покровской улице под номером 6, где тайно проживала вместе с пожилой матерью-еврейкой Полина Давыдовна Шевелева.

Об этом доме стоит рассказать особо. Он был построен в 1909 году специально для настоятеля храма, протоиерея Александра Глаголева. Здесь прошли детство и юность Алексея, здесь, в «детской», жили они с Татьяной после венчания в 1924 году, здесь у них родились старшие дети – Магдалина и Николай. Это был тот самый «домишко священника», в который привел своего героя в самый трудный час жизни автор «Белой гвардии». Михаил Булгаков, старший сын профессора КДА А. И. Булгакова, коллеги протоиерея Глаголева, не раз бывал в домишке и, как Алексей Турбин, беседовал с отцом Александром в тесном кабинетике, набитом книгами, за стенами которого был сад. Не случайно он отправил сюда своего главного героя, когда рушился привычный мир. У «добрейшего отца Александра» (как называли его киевляне) искали совета и поддержки многие, в том числе и многодетная семья Булгаковых, и он никому никогда не отказывал. В 20-е годы у Глаголевых находили спасительный кров беженцы и «лишенцы», которых новая власть выбросила из собственных домов на улицу. Дочь отца Алексея, М. А. Пальян-Глаголева в своих

воспоминаниях называет имена тех, кто в разное время жил на Покровской, 6 – псаломщица Е. А. Максимович, дети сельского священника Павла Мартынюка – Сергей и Катюша, семьи Крыжицких, Околовичей, Балабушевичей... Народа бывало так много, что няне Дуне (в свое время также нашедшей приют у отца Александра – 18-летняя Евдокия бежала от родителей из деревни, не желая выходить замуж за нелюбимого человека), приходилось спать на кухонной плите, подстелив тюфяк.

Но в 1930 году лишенцами стали и сами Глаголевы: их выселили, а дом отдали под детский сад. Профессор Глаголев с женой Зинаидой Петровной поселились «на сундуке» – на лестничной площадке под колокольной, где из мебели были только стол и большой сундук, на котором отец Александр отдыхал между службами.

Слева направо: о. Александр Глаголев, его внук Николай, внучка Магдалина, его сын Алексей и жена сына – Татьяна, 1931 г.

Сюда часто к ним приходили внуки – Магдалина и Николай. Отец Александр читал внукам детские книги, рассказывал забавные истории, над которыми и сам заразительно смеялся, а бабушка Зинаида Петровна готовила на ступеньках лестницы обед. В 1936 году Зинаида Петровна простудилась и буквально угасла за десять дней. Когда выносили ее гроб, на мостовую падали камни – это комсомольцы разрушали храм Николы Доброго, в котором отец Александр прослужил настоятелем 35 лет. После смерти жены он прожил под колокольней еще девять месяцев, пока в ночь с 19 на 20 октября 1937 года к нему не пришли с обыском. После обыска, длившегося всю ночь, отца Александра увели в Лукьяновскую тюрьму, где через тридцать шесть дней он принял мученическую кончину. Когда по городу поползли слухи о том, что из тюрьмы по ночам тела расстрелянных вывозят на Лукьяновское кладбище, Алексей несколько ночей «дежурил» там, скрываясь за деревьями, и действительно видел, как приезжал грузовик, и как сваливали тела в яму на одной из кладбищенских аллей. Он надеялся опознать отца, но находился слишком далеко и запомнил только место захоронения. Сегодня там стоит памятник-крест отцу Александру.

Когда в 1941 году Алексей Глаголев, уже рукоположенный и назначенный настоятелем Покровской церкви, переступил порог отчего дома на Покровской, 6, ему, как он позднее вспоминал, захотелось, чтобы дом, в память о покойном отце, послужил добрым целям. В нем-то он и укрыв Полину Давыдовну и ее мать.

Ангелы

О том, кого и как удалось спасти, отец Алексей по требованию церковного начальства написал в 1945 году краткую заметку для тогдашнего первого секретаря ЦК компартии Украины Н. Хрущева, готовившего отчет о деятельности духовенства на оккупированной территории. Рассказ священника ушел «навстречу», и о нем

забыли. Только через сорок пять лет, в 1990 году, он был опубликован в журнале «Новый мир». Спустя год израильский Институт памяти жертв и героев Холокоста Яд Вашем причислил Алексея Глаголева и его жену, Татьяну Павловну, к праведникам мира⁵. В их честь на Святой земле посадили деревья, а свидетельство вручили детям, потому что ни священника, ни его жены в живых уже не было. Благодаря людям, знавшим отца Алексея Глаголева, на стене дома, где он родился, установлена мемориальная доска. С бронзовой плиты, как с иконы, на нас смотрят удивительно беззащитные лики двух священников – профессора, последнего ректора КДА, протоиерея Александра и праведника мира, протоиерея Алексея Глаголевых.

Безусловно, их можно назвать героями, хотя бы для того, чтобы вернуть смысл этому слову, которое, как и многие другие высокие понятия, ныне опошлено. Их можно назвать и святыми, потому что они жили евангельскими максимами и отдали жизнь «за други своя». Но все-таки я бы назвал их «ангелами». Отца Алексея и отца Александра объединяет не только родство, не только преемственность и верность священническому призванию. Они олицетворяют то редкое, сострадательное и кроткое служение ближнему, в котором мудрость соединяется с простотой, сила – с детскостью, вера – с доверием, а правда – с беззащитностью. Ближним для них был всякий, кто нуждался в помощи здесь и сейчас. Отец Александр Глаголев помогал всем безоглядно, свои гонорары за книги и статьи отправлял по почте в разные уголки России людям, которых он мог и не знать, к нему, как в «последнюю инстанцию», обращались те, кого общество отвергало, преследовало. Помня «добрейшего отца Александра», совершенно незнакомые люди приходили позже и к его сыну, Алексею Глаголеву, зная, что он поможет. И он помогал так же безоглядно – евреям, которым грозил Бабий Яр, «выселенцам», которых сталинский

⁵ В 1992 году праведниками мира были признана вся семья Глаголевых, в том числе их дети – Магдалина и Николай, которые также помогали спасать евреев.

суд выбрасывал на улицу, а в 50 – 60-е годы – молодым атеистам, которые тайком приходили к нему для бесед «о вечном».

Михаил Булгаков был прав, изобразив в образе робкого, конфузившегося отца Александра своего духовника, священника Глаголева, который венчал его с Татьяной Лаппа в храме Николая Доброго в 1913 году. В знаменитом протоиерее, не побоявшемся во время еврейских погромов в 1905 году выйти навстречу разъяренной толпе⁶, не найти того, чем обычно кичится современный человек – железобетонной уверенности в своей точке зрения, в своей правде. Не только Булгакову (который был в гимназии известным бузотером) он казался робким, уступчивым. Организаторы громкого дела Бейлиса очень надеялись на то, что лояльный и мягкий отец Александр Глаголев, которому предложили выступить на суде экспертом, не пойдет «против течения» и поддержит обвинение в ритуальных убийствах, инкриминировавшихся еврейскому народу. Однако отец Александр в экспертном заключении нашел аргументы обвинителей необоснованными – и обвинение рассыпалось.

Все, кто знал Алексея Глаголева, говорят о его непрактичности и незащитности (еще в гимназии за него приходилось заступаться младшему брату, Сергею). Дочь отца Алексея, Магдалина Пальян-Глаголева, вспоминает, что главной в их доме была мать, Татьяна Павловна, резкого, решительного нрава которой многие побаивались. Да, отец Алексей был и непрактичен, и физически слаб, и незащищен перед грубой силой, но ведь и бушующее море умирала не сила, а кротость Заснувшего от усталости. Слова «Не бойтесь!» обращены отнюдь не к героям. И Алексей Глаголев не боялся. В 1936 году он нес на себе по улицам Подола крест, сброшенный с купола церкви Николы Доброго, и, несмотря на угрозы комсомольцев, хранил его вместе с иконами и вещами отца в квартире на Дегтярной улице, где они с Татьяной и детьми жили

⁶ Кроме отца Александра против погромщиков открыто выступал и другой замечательный пастырь, протоиерей Михаил Едлинский, друг Глаголевых, погибший в Лукьяновской тюрьме в 1937 году.

после того, как их выселили из дома на Покровской. Отец Алексей был единственным в Киеве священником, кто отказался в апреле 1942 года служить молебен Гитлеру в честь дня его рождения. Он не побоялся в 1946 году поселить при храме семью киевлян, квартиру которых занял энкаведист и которым суд (сталинский суд!) предписал в 24 часа убраться из Киева.

Страшный приказ оккупационных властей от 28 сентября 1941 г. содержал и недвусмысленные слова о том, что все, кто будет прятать евреев или не сообщит о скрывающихся, поплатятся жизнью. Отец Алексей не только укрывал евреев, но ходил в гестапо и ручался за подлинность документов о крещении и за то, что знает этих людей давно как православных. Его вызывали на допросы, избивали и предупреждали, что будет с ним и его семьей, если обнаружится, что он скрывает евреев. Но Бог посылал ангелов. Одним из них был управдом Александр Горбовский. Он подстраховывал своего настоятеля, отдававшего нередко очень рискованные распоряжения. Это он селил евреев в домах прихода, скрывал сведения о лицах трудоспособного возраста, «прописал» под колокольней семью киевлян, выселенных по суду из собственной квартиры в 1946 году. Ангелами-хранителями были и монахини Покровского монастыря, где отец Алексей служил в последние месяцы оккупации, на коленях умолившие гестаповского офицера не расстреливать батюшку, которого немцы во время облавы зверски избили, приняв его за скрывающегося еврея.

Татьянин день

Безусловно, ангелом-хранителем семьи, их трудного счастья была Татьяна. И Алексей пронес через всю жизнь, с первой их встречи в доме профессора В. И. Экземплярского и до последнего мига, не только свою любовь к ней, но и благодарность. Накануне операции (седьмой по счету), которой его сердце уже не выдержало, они вместе вышли из квартиры, держась за руки. Глубоко

символично, что хоронили отца Алексея 25 января 1972 года, в Татьянин день. Накануне этого же дня, сорок восемь лет назад, они венчались.

Они встретились в начале 20-х годов – Алексей, студент Богословской академии, существовавшей частным порядком на квартирах профессоров КДА, а Татьяна, дочь сахарозаводчика Булашевича и выпускницы Института благородных девиц, оканчивала гимназию. Оба приходили на улицу Боричев Ток к профессору Экземплярскому, у которого проходили занятия со студентами академии, но также и собиралась молодежь, в том числе юные общинники Анатолия Жураковского и среди них Татьяна Булашевич. В один из дней Василий Ильич представил ей Алексея как своего ученика и старшего сына профессора Глаголева. Так соединились навек эти очень непохожие люди – добродушный и мягкий по характеру Алексей и резкая, прямая Татьяна.

Алексей рос в привычном с детства профессорско-церковном окружении. Еще ребенком, в играх он больше всего любил «строить» храмы и «крестить» в них сверстников. Никто не сомневался, что призвание Лёсика (так называли Алексея близкие и друзья) – священство, однако отец Александр считал, что сын должен стать священником не раньше, чем достигнет канонического возраста, а лучше – сорока лет. Алексей подчинился воле родителя. Вместе с тем, по семейному преданию Глаголевых, скромнейший отец Александр верил, что Лёсик будет епископом, и сын поддерживал эту честолюбивую надежду, прежде всего, тем, что блестяще учился – сначала в гимназии, в духовной семинарии, потом в Богословской академии. Однако сбыться «епископской» мечте было не суждено: Алексей встретил Татьяну. Его решение жениться отец Александр принял кротко. В канун именин Татьяны, 24 января 1924 года, он сам обвенчал молодых в храме Николы Доброго.

В отличие от профессорского сына, росшего в самой благоприятной обстановке, Татьяне очень рано пришлось испытать горе и стать самостоятельной. В возрасте пяти лет она осталась без отца,

а в двенадцать – без матери: летом 1917 года, когда семья отдыхала в имении возле деревни Бочечки, местные крестьяне ночью бросили бомбу в комнату, где отдыхали ее мать, Марья Ивановна, с младшим сыном Лёней. Годом раньше от тифа умерла ее старшая сестра Наталья. Эти испытания и боль от потери близких не ожесточили Татьяну, хотя, без сомнения, наложили отпечаток на ее характер. Будучи независимой и резковатой, она всегда сразу откликалась на любую беду, с кем бы та ни случилась. В этом она, пожалуй, была похожа на мать Марию (Скобцову): такая же деятельная, чуткая и отважная. В жестокое время взаимной ненависти и страха она помогала тем, кого должна бы ненавидеть. В 1932-1933 годах на улицах Киева умирали сотни крестьян, бежавших от голода из сел. Татьяна приносила им хлеб, молоко, а если денег не было, выпрашивала продукты у торговки; оставшихся без матери малышей забирала домой, оставляла на ночь и утром отвозила в детский приют, куда крестьянских детей не принимали.

В ночь ареста отца Александра Татьяна вместе с Алексеем прокрались к колокольне. Она упросила мужа спрятаться за углом дома, а сама постучала в дверь, за которой шел обыск, назвавшись дочерью Александра Глаголева. Она была последней, кто получил его благословение. Она же единственная из Глаголевых ходила к следователю, прокурору, носила передачи в тюрьму. Несомненно, подставляя себя, она защищала Алексея, ибо прекрасно понимала, чем ему грозит арест. Его уже задерживали в 1932 году по обвинению в «контрреволюционной работе, направленной к подрыву советской власти» (статья 54-10 УК УССР). Тогда, за неимением доказательств, обвинение сняли, но как сына «служителя культа» его лишили гражданских прав, обязав к трудовой повинности. Вплоть до 1936 года (когда новая конституция возвратила «бывшим» права) он оставался только чернорабочим: мостил шоссе, был бетонщиком, сторожем, весовщиком...

Семью в течение многих лет кормила Татьяна. Отголосок того трудного времени слышен в письме Анатолия Жураковского, написанном в 1926 году по весьма радостному поводу: «Все наши

молодожены бьются очень с вопросом о хлебе насущном. Трудно живется всем. У Лёсика и Тани радость большая – дочь, названная Марией в честь Марии Магдалины. Восприемники отец Александр и Нина⁷, а таинство совершал я. Рано утром, в день, когда все произошло, я ее исповедал и причащал. Потом отец Александр весь день был в храме, и молитвы не прекращались. А вечером прислали за мной, чтобы совершить благодарственный молебен и прочесть молитвы над Таней и девочкой. Таня еще не поднялась, но все благополучно». Когда через полтора года на свет появился сын, Николай, восприемниками новорожденного также были отец Александр и Нина Сергеевна. И, как прежде, Алексей бежал к отцу Анатолию, жившему на Андреевском спуске, и звал к роженице, а отец Анатолий спешил к Татьяне, в маленький домик настоятеля в глубине сада.

Призвание

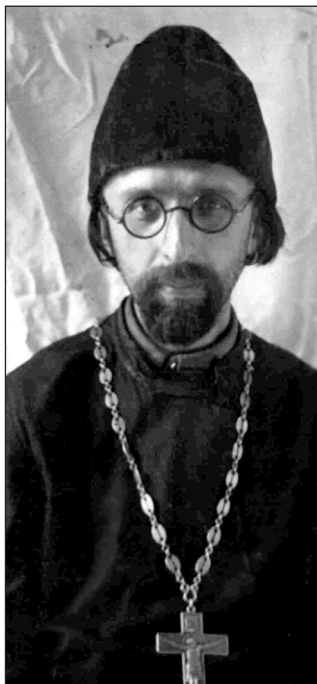
Жураковских и Глаголевых связывали дружеские отношения. Татьяна и Алексей пришли в общину отца Анатолия в начале 20-х годов. Они участвовали в популярных тогда открытых дискуссиях, в частности, в знаменитом диспуте «Наука и религия», длившемся три дня. Татьяна входила в сестричество Марии Магдалины, где у нее было особое послушание: носить обеды батюшке и дьякону. В 1923 году, после первого ареста Анатолия Жураковского и его ссылки в Краснококшайск, община сама перешла в приход к отцу Александру Глаголеву, который предоставил ей малый храм Великомученицы Варвары под колокольной. Вернувшийся из ссылки в конце 1924 года отец Анатолий принял предложение отца Александра служить вместе с ним. Но с появлением Декларации митрополита Сергия (Страгородского) в 1927 году ситуация внутри Церкви резко поляризовалась. Отец Анатолий

⁷ Нина Сергеевна Жураковская, жена отца Анатолия.

Жураковский, не принявший «провозглашаемой от лица Церкви лжи», стал во главе киевских «непоминающих». Вместе с другим замечательным пастырем, отцом Спиридоном (Кисляковым), они подготовили уход своих общин в «катакомбную церковь», которая в 30-е годы, уже после вторичного ареста отца Анатолия и смерти отца Спиридона в 1930 году, оставалась единственным очагом духовного сопротивления в Киеве.

Подпольная церковь была довольно многочисленной, существовало несколько «явочных квартир», в некоторые дни тайные богослужения совершались в трех-четырех местах одновременно. Одна из «явок» находилась в квартире Алексея и Татьяны, на втором этаже аварийного дома по улице Дегтярной. Община отца Анатолия, лишившись пастыря, подвергшись гонениям (многие общинники на долгие годы оказались в тюрьмах, лагерях, ссылках), не распалась. Оставшиеся на свободе сохраняли верность братству, впервые собравшемуся в 1921 году в маленькой домовой церквушке на Никитско-Ботанической улице. Они продолжали строить общину, начатую отцом Анатолием, видевшим в ней особую попытку «по-новому, по-небывалому устроить не какой-то уголок в жизни, не какое-то «дело», но устроить самую жизнь во всем многообразии ее проявлений»⁸. Они сохраняли отношения любви и дружбы, по-прежнему собирались вокруг общей чаши во время Евхаристии, которую совершали «бродячие», не получившие регистрацию или потерявшие приход, священники. В такие дни в квартире у Алексея и Татьяны в передней накрывали стол (продукты приносили с собой гости), который должен был изображать семейное торжество на случай, если кто-нибудь нагрянёт, а в дальней комнате сдвигали мебель, сооружали алтарь. В это время Алексей уже учился на физико-математическом факультете Киевского пединститута, куда поступил в 1936 году. В 1940-ом он блестяще закончил институт, и ему как способному математику

⁸ См. в кн.: Мы должны все перетерпеть. Жизнь, подвиг и труды священника Анатолия Жураковского. М., 2008. С. 335–345.

*Священник
Алексей Глаголев
в день рукоположения,
1941 г.*

предложили остаться на кафедре физики. Но он уже решил тайно принять рукоположение.

Чем было чревато такое решение в сталинскую эпоху, слишком хорошо известно. Подвигнуть к этому человека могла только вера. Та «вера на ветру», по выражению польского богослова Йозефа Тышнера, которая должна быть засвидетельствована без всякого расчета и оглядки, не соразмеряясь с обстоятельствами и возможностями человека. Вера, которая взвешивается не на весах жизни и смерти, а на весах незаметного выбора между верностью и предательством, между молением о чаше и поцелуем Иуды. Алексей Глаголев выбрал Чашу.

Пространством, где он должен был свидетельствовать свою верность, была преследуемая и презираемая Церковь. Из сотен храмов в Киеве накануне войны действующим оставался один. Общая ситуация в Церкви была катастрофична. Преследования и репрессии, по признанию С. С. Аверинцева, превратились в самую привычную обыденщину и не вызывали в душах людей ни гнева, ни удивления. Были тысячи мучеников – и миллионы отступников. Митрополит Сергей (Старгородский) считал, что Русскую церковь ожидает судьба Карфагенской церкви, исчезнувшей с исторической арены.

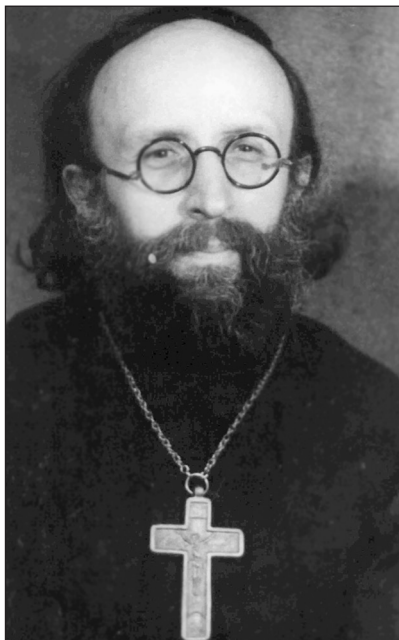
Стать священником в такое время было не только опасно, но и крайне трудно – на свободе оставались всего четыре епископа, которые, естественно, находились под присмотром органов и не могли рукополагать. Алексей Глаголев прекрасно это понимал

и, тем не менее, твердо решил добиваться своей цели. У давнего друга семьи Глаголевых, архиепископа Антония (Абашидзе)⁹, духовного главы киевских «непоминающих», жившего в хибарке на Кловском спуске, он получил благословение и письмо к грузинскому католикосу Каллистрату (Цинцадзе). Продав прекрасно иллюстрированное многотомное издание Альфреда Брэма «Жизнь животных», он поехал на вырученные деньги в Тифлис. Однако католикос попросил его подождать с рукоположением, сказав, что скоро на Украине будут свои епископы.

Слова грузинского патриарха оказались пророческими. Так же как и слова отца Александра Глаголева. Алексей стал священником в сорок лет. Отечественная война, принеся неисчислимые беды и потери, заставила верховного главнокомандующего изменить политику по отношению к Русской Церкви. На патриотической волне она получила шанс выжить. Но Алексей Глаголев, по своей привычке действовать незамедлительно, не стал дожидаться директив, а на попутках добрался через оккупированные немцами западные области Украины в Почаев, оттуда – в Кременец, где его рукоположил епископ Вениамин. Он вернулся в Киев, где оккупационные власти не препятствовали возобновлению церковной деятельности, и вскоре добился открытия сначала теплого храма Иоанна Воина при Покровской церкви, напротив разрушенного храма Николы Доброго, а потом и Варварьинской церкви, где последние годы служил и жил отец Александр. Безусловно, этим шагом он подтверждал свою верность и своему отцу, погибшему в 1937 году, и Анатолию Жураковскому, бесследно сгинувшему в Гулаге. Но это была верность и личному призванию, осознаваемому как особое служение.

Ему, типично профессорскому сыну, чьим уделом могли бы стать ученые занятия и профессорская кафедра, выпал жребий

⁹ Схиархиепископ Антоний (архиепископ Таврический и Симферопольский Димитрий), урождённый князь Давид Ильич Абашидзе, в 1898 году был вторым лицом после ректора в Тифлисской семинарии, из которой исключили Иосифа Джугашвили (Сталина).

*Отец Алексей Глаголев,
1940-е гг.*

свидетельствовать о Христе в годы, когда все лучшее и смелое в Церкви погибло, либо ожидало мученического конца, находясь в тюрьмах и лагерях. Еще в 1927 году отец Анатолий с горечью восклицал: «Как мало остается служителей. Какое безлюдие, какая пустота кругом... И кто придет им на смену?». Но, как и в дни пророка Илии, у Господа всегда есть семь тысяч праведников. Алексей Глаголев — один из них.

Труженик Царства

Он, конечно, был «богатым юношей», раздавшим свое имение. В годы сталинского террора он отдал свою квартиру гонимой общине для тайных богослужений. Во время фашистского террора он предоставил храм преследуемым людям. Он растратил свое здоровье: после войны перенес семь внутриполостных операций — следствие многочисленных побоев во время оккупации. В хрущевское время его, тяжелобольного, таскали на допросы в органы, на него писали доносы старосты, родители детей, приходивших к священнику домой. Он до конца дней делился своими знаниями с молодежью, которая всегда тянулась к нему. Однокомнатная квартира Глаголевых на улице Боричев Ток была в 50–60-е годы настоящим духовным центром. Кто сколько-нибудь стремился жить «не хлебом единым», тянулся к этому неизменно отзывчивому, открытому, интеллигентному священнику. Те, кто был тогда юн, помнят уютную гостиную, об-

ставленную книжными шкафами, со всегда теплящейся лампадкой перед иконой в правом углу, свет настольной лампы под матерчатым абажуром и обстоятельные, с непременно чаепитием, беседы – о литературе, о вере, обо всем, что волнует ищущего человека. Отец Алексей музицировал на фортепиано, шутил, даже сочинял политические эпиграммы. На душе самого замкнутого гостя теплело, и спадали невидимые оковы с сердца.

Служение Алексея Глаголева вполне можно назвать миссией. Он свидетельствовал о Христе в стране, открыто воевавшей с Богом и Церковью. Но также это была миссия внутри Церкви, куда пришло новое поколение, выросшее в условиях несвободы. Ему, принадлежавшему к поколению русской интеллигенции, пережившему момент высшей свободы Церкви после Поместного собора 1917 – 1918 годов, приходилось преодолевать лицемерие, косность, ставшие в сталинско-хрущевскую эпоху как бы второй природой церковной среды. Духовное чадо отца Анатолия Жураковского и ученик выдающихся религиозных просветителей В. Экземплярского, П. Кудрявцева, – отец Алексей Глаголев со своей жадной деятельного служения, блестящей образованностью и непримиримой чистотой веры, не вписывался ни в общую картину советского времени, ни в конкретно-церковную ситуацию. Он был не только духовно, но и физически одинок среди киевского духовенства. Церковное начальство к нему относилось с большой подозрительностью. Еще во время войны отец Алексей начал готовить будущих священников, и, когда после победы в Киеве открылась семинария, он надеялся, что его, выпускника Богословской академии, имеющего степень кандидата богословия, пригласят преподавать. Однако не пригласили. Тем не менее, он продолжал заниматься с желающими у себя дома и после того, как закрыли семинарию в 1960 году. Немало его учеников сегодня служат священниками.

Упорство, с каким отец Алексей Глаголев шел против течения, мало понятно обывателю, с его установкой на внешние достижения, успех. С этой точки зрения, он был абсолютным неудачником.

*Отец Алексей Глаголев на куполе
Покровской церкви, Киев, 1950 гг.*

В течение долгих лет отец Алексей поднимал из руин Покровскую церковь. Киевляне помнят его стремительную, легкую фигуру на куполе Покровской церкви, в 50-е годы стоявшей в строительных лесах. Как он радовался тому, что храм восстанавливается! В 1957 году, когда еще не закончили расписывать стены, ликующий отец Алексей совершил первую литургию. Это был праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Наконец, осенью 1960 года ремонт закончили. В это время начался хрущевский виток гонений на Церковь, теперь храмы у верующих стали отнимать под видом борьбы за «социалистическую законность». И как только леса с Покровской церкви убрали, сразу же три храма – Покровский, Иоанна Воина и

Великомученицы Варвары по распоряжению властей закрыли, их превратили в складские помещения. Последнюю литургию отец Алексей служил 21 октября, на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Больше настоятелем ему не пришлось быть, он служил вторым священником в разных киевских храмах, а также в Чернобыле. Церковной карьеры он не сделал. Но благодаря его усилиям, которые, казалось бы, пропали втуне, Покровская церковь, творение архитектора Григоровича-Барского, ныне остается не только прекрасным памятником зодчества XVIII века, но и действующим храмом.

Отец Алексей умел радоваться малому. Он называл «христианской республикой» крохотную общину, состоявшую из четырех духовных дочерей Анатолия Жураковского, которые, вернувшись из ссылки, решили жить неразлучно. Он заботился о своей «христианской республике», как Маленький принц о маленькой планете. В годы, когда священнику разрешалось только исполнять требы, отца Алексея, в неизменно длинном плаще, всегда спеша-

Отец Алексей Глаголев в Пуще-Водице, 1970 г.

щего, можно было увидеть в любом конце Киева. Он мог неожиданно появиться на пороге квартиры, чтобы поздравить с Рождеством, Пасхой, именинами или утешить в горе, помочь в нужде. Однажды во время Литургии, после чтения Евангелия он поручил регенту петь акафист, объяснив, что ему нужно немедленно причастить больную. Позже мать больной, рассказывала, что в то утро ее дочь, прикованная к постели недугом, попросила привести себя в порядок, «так как придут очень важные гости». И пришел отец Алексей, со святыми дарами, хотя, как выяснилось, никто за ним не посылал...

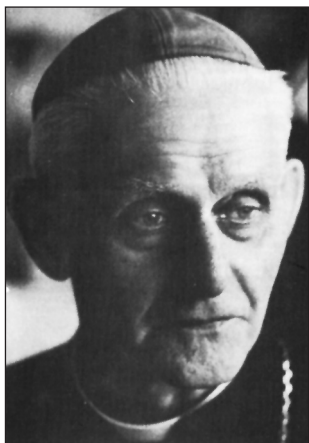
Думая о таких людях, как отец Алексей Глаголев, невольно начинаешь смотреть на нашу печальную историю, на нашу несчастную Церковь не глазами страха и скепсиса, а глазами веры и надежды. Глазами причастника Царства, для которого мы все призваны, которое грядет, но уже и есть, внутри нашего сердца, где записан закон жизни: «Любите друг друга».

Москва, 2008 г.

* Все фотографии, опубликованные в тексте, — из семейного архива Глаголевых-Пальян; предоставлены Артемом Пальян, внуком отца Алексея Глаголева.

ЖЕРТВА ЗА БРАТЬЕВ

Исповеднический путь епископа Болеслава Слосканса

Болеслав Слосканс родился 31(19) августа 1893 в деревне Тилтгала волости Стирниене Витебской губернии (в настоящее время это – Резекненский район Латвии) в крестьянской латышской католической семье. У его родителей, Бернарда и Цецилии, было шестеро детей. Первые три года учебы Болеслав ходил в деревенскую школу, а закончил школу в г. Резекне в 1909 г. Уже тогда у него возникло желание стать священником, и в 1911 Болеслав едет в Петербург и поступает в Духовную семинарию, которую оканчивает в 1916 г. и

поступает в Петербургскую Духовную Академию. 21 января 1917-го года епископ Иоанн Цепляк рукополагает студента Академии Б. Слосканса в священники. После Октябрьской революции 1917 года начинается борьба с Церковью. В 1918 г. большевики Академию закрыли. Слосканс служит в храме св. Екатерины, что на Невском проспекте, а также окормляет католические приходы в пригородах Петрограда и в других городах – Шлиссельбурге, Кронштадте, Петрозаводске. В 1924–25 гг. служит в Москве в храме свв. Петра и Павла, затем в приходе св. Варвары в Витебске, а в 1926 году он снова назначен в приход св. Екатерины в Ленинграде. К этому времени в СССР не осталось на свободе ни одного католического епископа. Папа Римский Пий XI посылает в Москву французского епископа Мишеля д’Эрбиньи для ведения диалога с советскими властями. 10 мая 1926 г. монсеньер д’Эрбиньи, по настоянию папы Пия XI, в Москве, в храме св. Людовика, тайно совершает епископскую хиротонию Болеслава Слосканса. В августе

1926-го года, незадолго до того, как Слоскансу исполнилось 33 года, его назначают апостольским администратором Могилевской и Минской епархии. Через год епископского служения начинается крестный путь Болеслава Слосканса – его ждут 17 тюрем, бесчисленные этапы, Соловки, Сибирь...

17-го сентября 1927-го года епископа арестовывают, предъявив обвинение в шпионаже. Слосканс пишет рапорт, в котором доказывает безосновательность обвинений против него (секретные документы, на основании которых его обвиняли, были подброшены в его квартиру). Сперва его пытались уговорить признать обвинения, но, увидев, что он стоит на своем, перешли к истязаниям. Пережитое им в тюрьме Слосканс, по свойственной ему стыдливости, не включил в лагерный дневник, но однажды рассказал об этом отцу Веренфриду ван Страатену. Вот, что рассказал ныне покойный отец Веренфрид: «На Лубянке Слосканса раздели донага, привязали к столу и стегали плетью до крови; его запирали в такую тесную клетку, что он не мог двигаться, а на голову ему день и ночь капала ледяная вода; лежащего на спине, его приковывали к полу и неделями ослепляли ярким светом прожектора. Потом его бросили в лишенную света, абсолютно темную камеру смертников, где он каждый день, в течение трех месяцев, ждал казни. Единственной пищей был протухший суп. О течении времени он мог догадываться лишь по крикам, вызывавшим людей на расстрел. Несмотря на окружавший его ад, сознание Слосканса осталось ясным. Он молился и непрерывно созерцал тайны Розария и Крестный Путь Господа. Каждый день благодарил Господа, Который, как он думал, ведет его к мученической кончине. Однажды, увидев улыбку Слосканса, изумленный охранник спросил: «Ты еще и счастлив?» И епископ ответил: «Да, ведь я совершенно свободен, а для вас это невозможно».

Поскольку даже пытки не сломили епископа, основное обвинение в шпионаже было снято, но, тем не менее, Слосканса приговорили к трем годам лагеря на Соловках.

Только из лагеря епископу разрешили написать письмо родным.

«Мои дорогие родители, вы, наверное, узнали о моем аресте из газеты. Только через шесть месяцев мне разрешили написать вам.

Вспомните слова Господа нашего: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить. Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего. У вас же и волосы на голове все сочтены. Не бойтесь же!» Именно это я познал теперь на опыте; все, что предопределено или допущено волей Бога, происходит лишь к нашему благу. За все последние 15 лет мне не выпало столько милостей, как за пять месяцев в тюрьме. Заключение – самое большое и замечательное событие моей внутренней жизни, если бы не боль от невозможности совершать св. Мессу. Дорогие родители, молитесь обо мне, но только без горя и отчаяния. Пусть в ваших сердцах открывается вся полнота любви к ближнему. Я так счастлив, ибо теперь я могу любить всех людей, всех без исключения, даже тех, которые никакой любви не заслуживают. Они – самые несчастные. Я прошу вас, не позволяйте проникнуть в сердце ни мстительности, ни жесточению, ни горечи. Если мы допустим такое, то уже не будем истинными христианами, но – фанатиками... Я приговорен к трем годам. И еще раз: молитесь...» (Соловки, март 1928 г.)

На Соловках в то время были экзарх католиков восточного обряда Леонид Федоров и его помощница Юлия Данзас. Епископ Слосканс встречался с ними у Соловецкого камня – «обычного» места встреч. Священники совершали Евхаристию, кто как мог. Приходилось сооружать что-то вроде домика из чемоданов и служить, стоя на коленях, не двигаясь, чтобы неловким движением головы не тряхнуть чемодан, служивший крышей. А на острове Анзер, где, в основном, сидели уголовники, но были тоже и христиане – и православные, и католики – Слосканс служил Мессу лежа на нарах, чтобы не быть замеченным. Положив хлеб и вино себе на грудь, епископ совершал таинство Евхаристии. Работы там были особенно тяжелыми, и он оглох на одно ухо и нога от-

нялась. Когда епископ лежал, едва живой, у дороги, его увидел, а потом выходил врач-еврей, тоже заключенный.

13-го октября 1930 г. Болеслава Слосканса освободили, и он вернулся к своей пастве в Могилев. Но 8-го января 1931 г. его снова арестовали. Пройдя тюрьмы Могилева, Минска, Москвы, Свердловска, Красноярска, Иркутска, Слосканс был сослан в Енисейск, где через два месяца его снова сажают в тюрьму, а еще через два месяца отправляют в Старо-Туруханск, расположенный в 1400 км к северу от Красноярска.

Только в 1933 году латвийскому правительству удалось добиться освобождения Болеслава Слосканса, обменяв его на советского шпиона, приговоренного в Латвии к 8-ми годам заключения. Но епископ не хотел уезжать из СССР, он хотел вернуться к своей пастве в Белоруссию. Чтобы Слосканс согласился покинуть СССР и поехать в Латвию, пришлось сказать ему, что это – повеление Папы, хотя, на самом деле такого распоряжения не было. 22-го января 1933 г. Слосканс приехал в Ригу, а 26-го марта, по приглашению папы Пия XI уехал в Рим, где Папа попросил его провести весь Святой Год, посвященный 1900-летию Распятия Христа. Жил епископ в Руссикуме (Папский институт по изучению России), там же он часто выступал с рассказами о положении Церкви в СССР, о русских христианах – православных и католиках. Из Рима епископ не раз ездил во Францию и в Бельгию, посещал католические учебные заведения.

По возвращении в Латвию в 1934 г., монсеньор Слосканс стал профессором и духовником Рижской католической семинарии, которая в 1938 г. вошла в состав Латвийского Университета как богословский факультет, где епископ Слосканс преподавал аскетику и нравственное богословие.

17-го июня 1940 года Латвию оккупировала советская армия. Богословский факультет советская власть закрыла, здание семинарии конфисковала. Епископ Слосканс находит прибежище у сестер конгрегации Младенца Иисуса.

22-го июля 1941 года Латвию оккупируют немецкие войска. Богословский факультет разрешают открыть, но здание семинарии не возвращают. Жизнь семинарии возрождается в монастыре капуцинов в приходе св. Альберта. Епископ Слосканс какое-то время живет там, потом переезжает в Аглону.

В 1944 г., отступая из Латвии под натиском советской армии, немцы забирают с собой трех епископов, в том числе и Болеслава Слосканса, и он попадает в лагерь для военнопленных в Шнайдемюле, в Германии, недалеко от границы с Польшей. Благодаря стараниям немецких епископов, Слосканс еще до конца войны был освобожден из лагеря. Окончание Второй мировой войны епископ встретил в Баварии.

В 1946 г. Слосканс приезжает в Бельгию. Сначала он живет в институте Regina Pacis (Царица Мира, лат.), а в 1948 г. поселяется в бенедиктинском аббатстве Мон-Сезар в Лувене, где он проживет 33 года.

В 1952 г. папа Пий XII назначает Слосканса апостольским визитатором для русских и белорусских изгнанников; также он был представителем латвийских католиков в Ватикане. Слосканс часто навещал латвийских эмигрантов в Англии, Германии, Италии; преподавал; участвовал в конференциях католической Церкви; выступал с лекциями о положении Церкви в СССР.

В 1962–65 гг. епископ Слосканс принимал участие во II Ватиканском Соборе, его подпись стоит на документах, принятых Собором.

Живя в аббатстве Мон-Сезар, епископ каждый день служил Мессу, вставал в 4.30 утра. В Лувене еще помнят старого епископа, каждое утро покупавшего цветы. Он приносил их к статуе Божьей Матери в маленькой часовне рядом с его кельей. Описать глубину его сокровенной жизни невозможно. Долгие часы он проводил перед Святыми Дарами. По-видимому, молитва его была непрерывной. Есть много свидетельств о том, как он преображался, совершая Евхаристию. Весь облик епископа выражал смирение и совершенное приятие воли Божьей, он все принимал кротко.

Один мирянин, несколько раз приезжавший на исповедь к епископу Слоскансу, вспоминает:

«Когда я, зная, сколько страданий пришлось претерпеть епископу, спросил его, сомневался ли он когда-нибудь в существовании Бога, в милосердии Божиим, в любви Божией? – Епископ ответил, что никогда не сомневался: Как я мог сомневаться в милосердии Божиим, в любви Божией, если каждый день в лагере мне удавалось служить Святую Евхаристию?!

Еще в нем поражала безусловная вера в несокрушимость Церкви.

Последний раз я был у епископа Слосканса за год до его смерти – в Великий Четверг 1980 года. Епископ выглядел старым, немощным, казалось, он плохо ориентируется в том, что происходит. Но, как только я заговорил об исповеди, епископ словно «пришел в себя», преобразился, обнаружив сильное духовное ядро, не затронутое старческой немощью. Говорил ясно, четко, глаза засияли. Свет исходил от него».

18-го апреля 1981 года в Великую Субботу Болеслав Слосканс тихо скончался под пение гимна *Salve Regina* (Приветствие Царице). Одна из бывших при епископе монахинь свидетельствует, что в какое-то мгновение лицо епископа Слосканса преобразилось, оно просветлело и как бы засияло, он открыл глаза и посмотрел вверх. Все присутствующие почувствовали, что это – настоящее преображение.

10 октября 1993 года мощи Болеслава Слосканса перевезли в Базилику Божией Матери в Аглону (Латвия).

В 2004 году Святой престол начал процесс беатификации (первый этап канонизации) епископа Слосканса, комиссия кардиналов признала исключительность его жизни и служения. Болеслав Слосканс полностью оправдал свой епископский девиз – *Hostia pro fratribus* – Жертва за братьев.

*Перевод с латышского и с французского
под редакцией Наталии Трауберг
и Наталии Большаковой*

Епископ БОЛЕСЛАВ СЛОСКАНС

К ПРАЗДНИКУ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Рождество Христово! Начало нашего спасения! «Слово стало плотью, и обитало с нами» (Ин 1:14). Бог-Слово стал плотью «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3:16). Поэтому да исполнятся уста наши хваления, яко да воспоем славу Его, весь день великолепия Его (Пс 70:8). Пиша эти строки пастырского послания, я зрю оком души свою духовную паству, тех, коих Господь в Своем предвечном ведении поручил мне, рабу Своему, чтобы словом и деланием, молитвою и жертвою, верою и любовью, всем своим священно-пастырским служением я привел их к познанию и любви Христа, Бога и Спасителя нашего; чтобы я, как пастырь, идя перед своими словесными овцами, довел их до вечного пристанища; и вместе с ними, силою божественной благодати, вошел в царство блаженного пакибытия в лоне Пресвятой, Единосущной и Нераздельной Троицы.

Желания вашего пастыря дерзновенны и, по-человечески, невыполнимы. Накануне праздника Рождество Христово он желал бы навестить всех своих духовных чад, каждый семейный очаг, каждую отдельную душу: узника в темнице (перед его мысленным взором предстают одна за другой тюрьмы и концентрационные лагеря на огромном пространстве за железным занавесом, в России и в Сибири, с миллионами неповинных жертв, коих преступлением была их вера во Христа и их человеческое достоинство, достоинство свободных сынов Божиих; их гонят в праздник Рождества Христово на тяжелую работу из ненависти к Богу и божественному началу в человеке); он желал бы навестить старца, согбенного под тяжким бременем прожитых лет; больного, прикованного к одру страданий; нищего в его бесприютном убожестве; умирающего на смертном одре; одинокую душу, терзаемую

угрызениями совести, особенно больно ощущаемыми накануне Рождества Младенца Иисуса; мать, с невыразимым страданием сердца, склоненную над пылающим личиком больного дитяти; малютку, сладко дремлющего в мягкой колыбели, с спокойной улыбкой на ангельском личике. Он желал бы подойти близко-близко к каждой душе, к несчастному, по чьей-то вине потерявшему спасительную веру в Бога, к бедному, по чьему-то нерадению не пришедшему к познанию и любви Господа. Он желал бы посетить своих братьев в Христовом священстве, без различия вероисповедания, вместе подвигающихся на апостольском поприще, равно как и монашескую братию, преуспевающую в служении Христу Богу в ангельском чине. С отеческой лаской он хотел бы навестить каждую душу в миру живущую, но чуждую миру, в Господе пребывающую, обретшую свое место и свое призвание в Божественном Домостроительстве в искании душ по дорогам и изгородям, так, чтобы наполнился дом Господень (Лк 14:23). По-человечески судя, дерзновенны и невозможны эти желания.

Как некогда ангел Господень во время ночной стражи явился Вифлеемским пастырям и возвестил им, в сиянии славы Господней, великую радость: «Ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь» (Лк 2:11), так я желал бы, чтобы все мои духовные чада, одному Богу ведомые, и чтобы вся поднебесная тварь человеческая в Рождественскую святую ночь услышали и ощутили в глубине сердца песнь несметного воинства небесного: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк 2:14).

Вифлеемские пастыри сказали друг другу: «Пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь. И поспешивши, пришли и нашли Марию, Иосифа и Младенца в яслях» (Лк 2:16).

Хотелось бы оком души созерцать в эту Вифлеемскую тихую ночь, тысячи тысяч настезь открытых, ярко освещенных храмов на всем необъятном просторе земного шара, больших городских соборов, маленьких деревенских церквей и крохотных, еле заметных, часовенок и кивотов на перекрестках дорог, вдали от

человеческого жилья, невыразимо уютных нашему сердцу с их теплящимися неисчислимыми неугасаемыми лампадками и зажженными свечами, – в них мы видим как бы живое отражение звездного величественно-спокойного неба на скованной трескучим рождественским морозом земле, покрытой белой, снеговой скатертью, – или как бы славу Господню, осиявшую всех людей, как некогда она осияла Вифлеемских убогих пастухов в момент воплощения Бога-Слова.

Хотелось бы созерцать потоки христианского люда, со всех концов вселенной стекающихся в эти, славою Господней осиянные, святыни; наполняющих, переполняющих их, ищущих оком веры Марию, Иосифа и, в таинственных яслях, Младенца Иисуса. – Хотелось бы созерцать единую, святую, соборную, Божественную Литургию, таинственно совершаемую в сослужении всего Христова священства, – с действенным участием всех христиан. Хотелось бы быть участником этого мистического жертвоприношения и вместе с миллионами человеческих сердец на Рождественской Литургии исповедовать одну, соборную веру всех христиан: «Во Единаго Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, иже от Отца Рожденного прежде всех век. Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, имже вся быша. Нас ради человек, и нашего ради спасения, шедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшася». – Господь грядет. Господь близко. Небеса и поднебесный христианский мир поют Ему победную песню: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоея: осанна в вышних. Благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних». Архиерей и все священство христианского мира в златозарных ризах, смиренно преклонив голову, купогласно произносят слова Господни. Христос снисходит на землю и таинственно пребывает в таинстве Евхаристии. Небо ликует. Вся тварь Ему поклоняется. И вот из миллионов благодарных сердец возносится песнь хваления Деве Марии, даровавшей нам Христа, Сына Своего: «Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу, присноблаженную и пренепорочную и Матерь

Бога нашего. Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим, без истления Бога Слова рождшую, Сущую Богородицу Тя величаем».

Наступает время святого причащения. Бог нисшел с неба. Христос пришел к своим. Он приготовил им снедь и питье: Свое Пречистое Тело, Свою Честную Кровь. Он преподает им Себя: «Примите, ядите», «пейте от нея вси». «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин 6:54).

В этот момент желание мысленно созерцать всех христиан причащающимися Святых Божественных Тайн во время Рождественской Литургии останавливается перед страшной действительностью. С одной стороны – железный занавес, отделяющий свободный христианский мир от Церкви в молчании, от катакомбной Церкви. Россия! Вот уже 36 лет, как вера христианская там в поругании, преследуемая властями. Храмы Божии осквернены и закрыты. Духовенство, сохранившее верность, если не все уничтожено физически, то томится в тюрьмах и лагерях. Дети остаются без Святого Крещения. Некому исцелять душевные язвы, разрешая от грехов Божественною властью. Умиравшие остаются без последнего напутствия. Божественная Литургия Святителей и иереев, верных Христу, открыто не совершается. Праздник Рождества Христова и все христианские праздники являются днями особой изощренной хулы на Бога. Главная задача власть имущих – вырвать у всех подъяремных народов всякое представление о христианском Боге, всякую веру в потусторонний, духовный мир, всякую личную свободу, и сделать их рабами материи и слепым орудием власть имущих для овладения всем миром. Русский народ (столь близкий моему сердцу, потому что я провел долгие годы в России и сам лично все пережил) стонет под этим игом вот уже полтора поколения, другие народы – полпоколения. Яд безбожия, в различных видах, с все большею целеустремленностью и с все увеличивающейся энергией посылается оттуда в еще свободный мир и приемлется им. Что же делать? Прежде всего – помочь всем томящимся там, в России, и во всех подъяремных странах.

Христос – Бог. Он всемогущ. Мы исповедуем Его всетворческую силу: «Имже вся быша». Он нам, малодушным, сказал: «В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир» (Ин 16:33). Возлюбленные во Христе! Рождество Христово – начало нашего спасения. Оно – начало спасения России и многих народов. Будем веровать во Христа Спасителя, пришедшего в мир, верую просто, верую чистою, преображенною любовью ко Христу, верую готовою на всякую жертву и мученичество, верую ради себя и ради членов Мистического Тела Христова.

Возлюбленные во Христе! Причаститесь в праздник Рождества Христова, чтобы себя насытить и поддержать своих братьев. Причащайтесь чаще, молитесь глубже. Господь исполнит нашу молитву. Таким образом мы ускорим час освобождения России.

С другой стороны – столпотворение христианского мира на Западе, в свободных странах. Коснемся только одного страшно-го зла: разделения Церквей – Восточной и Западной. В будущем 1954 году исполнится 900 лет со времени принятой даты официального разделения этих Церквей. Много можно говорить об этом страшно больном вопросе академически, ища, например, время, год и число фактического разделения. Но факт остается: Церкви разделены. Не ради этого пришел Бог-Любовь на землю; не ради этого Он пребывает с нами и питает нас в Святых Честных Дарах. Его желание, чтобы все овцы услышали Его голос, и чтобы было «одно стадо и один Пастырь» (Ин 10:16). Как прийти к этому единству? Возлюбить Христа всею душою, всем сердцем, всем разумением нашим; причащаться достойно и часто, ибо воистину недостаточно дать вкусить душе Хлеба жизни один или даже несколько раз в год и в то же время насыщать похотное тело три или четыре раза в день. Да не будет так с вами, возлюбленные братья и сестры! Начнем наше моление о единении Церквей в праздник начала нашего спасения, в день Рождества Христова. Спаситель услышит наши молитвы, подаст нам Духа Своего Святого. Вместе с Ним придет нам разумение, мудрость и совет Божий.

Ежегодно 18 – 25 января во всей Церкви совершается торжественное моление о единении Церквей. Будьте послушными Церкви.

Молитесь усердно с непоколебимой верой и ревностным желанием единения всех во Христе. В 1854 году, 8-го декабря Его Святейшество Папа Пий IX провозгласил, обязательную для всех христиан, веру всего христианского мира в Непорочное Зачатие Пресвятой Богородицы.

В ознаменование сотой годовщины этого радостного, всему христианскому миру дорогого, события Его Святейшество Папа Пий XII провозгласил наступающий 1954 год годом юбилейным в честь Непорочного Зачатия Пресвятой Богородицы, юбилейным годом Пресвятой Богородицы. Его Святейшество призывает весь христианский мир усугубить свои моления ко Господу Богу, через предстательство Пресвятой Богородицы, начиная с 8-го декабря сего года до 8-го декабря будущего года. Его Святейшество призывает к паломничеству в Лурд, в Фатиму, в Рим, к чудотворной иконе Богоматери, именуемой «Спасение римского народа», к паломничеству ко всем местным чудотворным иконам Богоматери, к усердной молитве нашей Небесной Заступнице в каждой церкви и семейном кругу. Дева Мария, даровавшая нам Христа в Вифлееме, испросившая чудо в Кане Галилейской, принесящая Сына Своего в Великую Пятницу в жертву спасения всего человеческого рода, не сможет не услышать усердных молений Своих чад в страшную эпоху преследования столь дорогого Ее Сердцу христианского мира и столь прискорбного для Нее разделения Церквей.

Да благословит вас, возлюбленные во Христе и Богородице братья и сестры, всемогущий и всемилостивый Бог-Отец, Сын и Дух Святой! Да дарует вам мир и благоволение на земле и славу спасения в вышних!

*Во Христе и Богородице вам преданный
смиренный Епископ Болеслав.*

Декабрь 1953 г.

*Abbay de Mont-César
Louvain, Belgique.*

ВЕРА И ЖИЗНЬ

ИВ АМАН

**ПАМЯТИ КАРДИНАЛА
ЖАНА-МАРИ ЛЮСТИЖЕ
(1926-2007)**

Ив Аман (Yves Hamant) – профессор славистики Десятого парижского университета. В 70-е годы работал в Москве атташе по культуре французского посольства. Автор книги об отце Александре Мене¹. В 1989 г. был среди сопровождающих кардинала Люстиже в поездке по Советскому Союзу.

Париж, 13 августа 2007 года. Толпа на паперти собора Парижской Богоматери собралась вокруг гроба. Юноша в кипе произносит какие-то слова и читает псалом, по-французски и на иврите: «Хвалите, рабы Господни, хвалите имя Господне...» Перед этим он высыпал в чашу, поставленную на гроб, землю со Святой Земли: ее собирали в Иерихоне и Иерусалиме, на Масличной Горе, а потом подносили к Стене Плача, Голгофе и Святому Гробу.

Затем старик, тоже в кипе, произносит кадиш, еврейскую поминальную молитву.

Так начались похороны кардинала Жана-Мари Люстиже, бывшего архиепископа Парижского. Дальше его отпевали в соборе по католическому обряду, в присутствии многочисленных епископов,

¹ Книга Ива Амана «Отец Александр Мень – Христов свидетель в наше время», написанная и изданная по-французски, была переведена и издана на пяти языках: на русском, итальянском, немецком, английском, венгерском. (Прим. ред.)

кардиналов, священников, политических деятелей и тысяч верующих.

Юный племянник и двоюродный брат кардинала Люстиже читали на паперти собора иудейские молитвы по воле усопшего. Он тяжело болел, знал, что смерть близка, и лично распорядился обо всех деталях погребальной церемонии. Конечно, это знак, который он нам оставил; а его смысл отчасти раскрыл в словах, выбитых по его просьбе на могильном камне, в крипте собора Парижской Богоматери: «Я родился евреем, был назван Аароном в честь деда с отцовской стороны. Став христианином по вере и крещению, я оставался евреем, как апостолы. Мои святые покровители – Первосвященник Аарон, евангелист Иоанн, Дева Мария, благодати полная... Прохожий, помолись обо мне. Арон Жан-Мари кардинал Люстиже, архиепископ Парижский».

Кардинал Люстиже, в каком-то смысле, воплотил в себе новый взгляд католической Церкви на еврейский народ и на иудаизм после ужасов Шоа (Катастрофы). На II Ватиканском Соборе, Церковь придала конкретную форму этому переосмыслению в документе², напоминающем о связи между Церковью и народом Ветхого Завета. Изменения в позиции Церкви по отношению к еврейскому народу, впервые зафиксированные в декларации *Nostra Aetate*, становятся все более явственными и решительными, о чем свидетельствуют многие документы. Встречи между евреями и христианами вносят живой дух в эти тексты, придают им личностный характер. Этот процесс продолжил, развил и углубил Папа Иоанн-Павел II – и своими выступлениями, и установлением контактов с еврейскими кругами, и участием в иудео-христианском диалоге. Папа постоянно размышлял о духовном богатстве еврейского народа, о тайне его призвания и трагического пути, о его особом месте в истории.

Следствием этого явились декларация и выступления Папы, его действия, такие, как посещение им в 1986 г. Римской синаго-

² Декларация об отношении Церкви к нехристианским религиям (*Nostra Aetate*), принята 28.10.1965 г. (Прим. ред.)

Папа Иоанн-Павел II и кардинал Жан-Мари Люстиже. Рим, 1981 г.

ги – впервые за всю историю Католической Церкви – где, в частности, Иоанн-Павел произнес такие слова: «Евреи по-прежнему остаются народом, очень дорогим Богу, Который призвал их непреложным призванием».

В 1998 г., когда в Варшаве был установлен памятник жертвам Холокоста на том месте, где в 1942 – 1943 гг. 300 000 евреев из Варшавского гетто погрузили в вагоны и отправили в концлагеря, – Папа Иоанн-Павел II приехал поклониться этому месту. Окруженный членами еврейской общины, Папа долго пребывал в молчании, прежде чем произнести молитву «Богу Авраама, Богу пророков»: «Бог Авраама, Бог пророков, Бог Иисуса Христа, Ты вмещаешь все; Ты правишь всем; Ты предел всему.

Внемли нашей мольбе о еврейском народе, который ради Отцов его Ты продолжаешь любить.

Укрепи его во всегда страстном стремлении как можно глубже постичь истину Твою и любовь Твою.

Пребуди с ним, чтобы он, в стремлении к миру и справедливости, был тверд в своей великой миссии – открыть благословение Твое всему миру.

Дай ему снискать уважение и любовь тех, кто еще не осознал его страданий, как и тех, кто разделяет боль нанесенных ему глубоких ран, во взаимном уважении друг к другу.

Вспомни о новых поколениях, о молодых людях и детях: пусть они хранят неизменную верность Тебе – в чем состоит особая тайна их призвания. Вдохнови их, чтобы человечество смогло постичь их свидетельство о едином начале и едином конце всех народов: о Боге, чей план Спасения простирается на всех людей. Аминь».

А в Великую Пятницу 1999 г. на одной из остановок во время Крестного Пути вокруг Колизея Папа произнес молитву: «Прости нас, Боже, за то, что на протяжении многих поколений мы многократно распинали еврейский народ».

Несомненно, очень важным событием стал визит Иоанна-Павла II в Израиль и посещение им Иерусалима в 2000 г. В зале поминовения убиенных «Ййзкор» музея Катастрофы «Яд Вашем» Папа произнес: «Здесь человек чувствует, что он нуждается в тишине, что он должен молчать. Необходимо молчание, ибо нет слов, которые могли бы выразить всю боль в связи с трагедией Шоа.

Никто не сможет забыть или пренебречь тем, что произошло, никто не сможет преуменьшить колоссальный масштаб этих событий».

В последний день пребывания в Израиле произошел «незапланированный» эпизод, который тронул многих людей в Израиле и во всем мире: Папа решил помолиться у Стены Плача. Он молча помолился в тишине и вложил записку в стену, как это делают многие молящиеся здесь евреи. Там было написано: «Бог отцов наших, Ты избрал Авраама и семья его, да будет познано Имя Твое во всех народах.

Мы испытываем глубокое сожаление о поведении тех, кто на протяжении всей истории причинял страдания Твоим сыновьям.

Мы просим у Тебя прощения и милосердия и твердо обещаем Тебе жить в подлинном братстве с народом Завета.

Иерусалим, 26 марта 2000 г.»

Дружба Иоанна-Павла II с кардиналом Люстиже способствовала глубокому осознанию Папой прошлого, появлению ощущения необходимости нового отношения к иудаизму, к еврейскому народу. Ведь кардинал был носителем одновременно трагедии еврейского народа и тайны его отношений с Богом.

Арон Люстиже родился в 1926 году в Париже. Его отец и мать были евреями, родом из Верхней Силезии, которая до Первой мировой войны входила в состав Российской империи. Тамошные местечки были целиком заселены евреями, некоторые из которых, по разным причинам, стали уезжать на Запад. Родители Арона держали магазин трикотажных изделий. Хотя дедушка с материнской стороны был раввином в Польше, отец и мать мальчика верующими не были. Они очень полюбили свою новую родину, получили французское гражданство и стремились воспитать детей (у Арона была сестра) в лоне французской культуры. Тем не менее, они в какой-то мере передали им устои еврейской жизни и чувство принадлежности к еврейскому народу. Как говорил впоследствии кардинал Люстиже: «...я очень хорошо помню, что уже тогда у меня было чувство Бога. Нужно очень немного, чтобы чувство Бога зародилось в душе ребенка. Я помню, как мать читала молитву, благословляя плоды нового урожая. Только это. Для меня этого оказалось достаточно». Еще в школе, в детстве и отрочестве Арону пришлось испытать на себе, что такое антисемитизм.

И, как ни удивительно «...родители не побоялись (а, может быть, не отдавали себе отчета) послать меня, два раза, на месяц, в Германию, летом, совершенно одного, в немецкую семью, чтобы я практиковался в немецком языке. Я попал к антинацистам. Но во второй раз, в 1937 г. я оказался в семье учителей. Дети были чуть-чуть старше меня, и, конечно, состояли в гитлерюгенде. Так

я собственными глазами в возрасте одиннадцати лет увидел нацизм. Показывая свой нож, тринадцатилетний мальчишка объяснял мне: «На летнее солнцестояние мы убьем всех жидов». Уже в 1937 г. для одиннадцатилетнего мальчика, французского еврея, который общался с немецкими подростками, все было ясно. Я понимал, кто такой Гитлер. Так что последующее развитие нацизма меня не удивило. Да и как я мог удивляться, если еще, будучи ребенком, понял все сразу, интуитивно...

Именно в Германии я впервые увидел взрослых христиан. Они были антинацистами. Это единственное, что я тогда отметил в них». Впоследствии Люстиже говорил, что среди христиан, с которыми ему доводилось встречаться до обращения, он не встречал антисемитизма. Упорно стремясь дать детям самое лучшее воспитание и образование, родители Арона попросили русскую эмигрантку учить его игре на фортепиано. Предполагалось, что после этих уроков, пока родители еще в магазине, Арон будет в одиночестве разучивать гаммы. Но это занятие наводило на него тоску. Он быстро разыскал ключ от отцовской библиотеки (тот был большим книголюбом) и вместо того, чтобы упражняться на пианино, стал с жадностью читать. Среди книг была и Библия, причем не еврейская, а почему-то протестантская. Так, в возрасте 10-11 лет, Арон прочитал подряд Ветхий и Новый Заветы. В Ветхом Завете он обнаружил истории, которые ему уже рассказывали. Новый Завет показался ему логическим продолжением Ветхого.

«С тех пор чтение Нового Завета нашло себе место в моем еврейском самосознании. Для меня речь шла об одной и той же духовной тематике, об одном благословении и об одном смысле, о спасении людей, о любви к Богу, о познании Бога. Сам, интуитивно и непосредственно я отождествил страдающего Мессию с гонимым Израилем».

Когда в 1939 году началась война, родители решили укрыть детей в провинции, полагая, как и большинство французских семей, что жизнь там безопаснее, чем в столице. Они поселили их в Орлеане. Здесь Арон обзавелся Новым Заветом и стал его вниматель-

но читать и переписывать. Однажды по дороге в школу он вошел в собор, весь в цветах и огнях, не зная, что за праздник отмечают и что делают там люди в тишине. Назавтра ему захотелось снова зайти туда. На сей раз собор был пуст, не только физически, но и духовно, и его глубоко задело ощущение пустоты. Именно в ту минуту он подумал: я хочу креститься. И лишь позднее он понял, что его посещения собора были в Великий Четверг и Великую Пятницу 1940 года.

«Я поверил в Христа – Мессию Израиля. Кристаллизовалось то, что я носил в себе годами, и о чем я никому не говорил. Я знал, что иудаизм несет в себе надежду на приход Мессии. На соблазн страдания отвечал опыт искупления людей и исполнения обетований, которые Бог дал Своему народу. И я *познал*, что Иисус есть Мессия, Христос Божий».

Он открыл свое желание креститься женщине, у которой жил. Она сразу же сказала, что ему надо поговорить об этом с родителями и послала его к епископу Орлеанскому, который тоже посоветовал ему предупредить родителей. Это было страшным испытанием. Он попытался объяснить им, что не отказывается от еврейства; просто в христианстве он нашел смысл того, что впитал с молоком матери. «Я же не бросаю вас и не перехожу во вражеский стан. Я становлюсь тем, кем я должен быть. Я не перестаю быть евреем, совсем наоборот, я открыл способ “быть евреем”». Это показалось им непонятным, худшим из несчастий, которые могли их постигнуть, тем более, что и сестра Арлетта пошла по его стопам. Он сознавал, что причиняет им нестерпимую боль, это его мучило, но иначе он не мог. В конце концов, родители сдались. Это было в 1940 году.

Епископ Орлеанский, человек большой духовной глубины, высокообразованный, лично взялся за преподавание Арону основ христианской веры. Люстиже принял крещение и конфирмацию в ближайшие месяцы. «Я выбрал три христианских имени: Аарон–Иоанн-Мария. Три древнееврейских имени. Я сохранил имя, которое получил при рождении».

Тем временем, Франция проиграла войну, и немцы оккупировали север страны. Последовательность событий важна. Крещение и воцерковление человека, именовавшегося теперь Ароном Жаном-Мари, произошли прежде, чем вступили в силу первые антиеврейские законы на французской территории. Дело в том, что позднее, чтобы спасти евреев, католические священники и протестантские пасторы выдавали им ложные свидетельства о крещении.³

В Париже его родители познали на себе все горести, выпавшие на долю евреев. Им пришлось носить желтую звезду. Когда отец Арона почувствовал, что тиски сжимаются, он отправился на юг Франции, который еще не был занят немцами, чтобы подыскать там прибежище для своей семьи. Ожидая его, мать оставалась в Париже, но была арестована и отправлена в пересыльный лагерь, после чего ее следы теряются. Только после войны удалось узнать, что ее перевезли в Освенцим. Можно себе представить, как страдал юноша, поняв, что его мать так трагически погибла после семейного конфликта, уладить который теперь уже было невозможно.

Еще позднее он обнаружит, что почти все члены семьи его отца, оставшиеся в Польше, погибли в Освенциме.

В 1942 году он встретился с отцом на юге Франции, там они тайно прожили до конца войны. После войны он изучал филологию и философию в Сорбонне, затем поступил в семинарию, чтобы стать священником, хотя снова ему пришлось преодолевать сопротивление отца. Его рукоположили в священники в 1954 году. Отец всё же присутствовал при рукоположении, стоя в укромном месте, за колонной.

15 лет Люстиже был духовным руководителем парижских студентов. Это служение как нельзя лучше соответствовало его уму и учености, прекрасному знанию философии, личному знакомст-

³ Это же делали во Франции и православные священники. См. материалы о монахине Марии (Скобцовой), о священнике Димитрии Клепинине; о их канонизации в «Христианос-VIII», «Христианос-XIII». (Прим. ред.)

ву с крупнейшими богословами. Приходилось укреплять веру молодых христиан, развивающихся в среде, где царили секуляризация, живучий университетский антиклерикализм; искушения марксизма тоже затронули тогда многих французских интеллектуалов. Надо было помочь им, чтобы они оценили то, что узнают, с точки зрения христианской веры. Это была долгая работа, «дающая возможность постоянно и свободно обмениваться мнениями студентам и их старшим родственникам... студентам-католикам и некатоликам, верующим и неверующим, в том числе, и марксистам».

Именно в ту пору, чтобы ответить на вызовы современного мира, Папа Иоанн XXIII созвал II Ватиканский Собор, которому предстояло привести католическую Церковь к глубокому обновлению.

Тогда же в университетах разных стран поднялось движение протеста. Во Франции оно вылилось в майскую всеобщую забастовку 1968 года. Эти события ознаменовали собой глубокий кризис общества, проявившийся в пересмотре всех ценностей, в потере нравственных ориентиров. Кризис этот не обошел стороной и саму Церковь.

Позднее Люстиже получил большой приход, и пробыл его настоятелем 10 лет. Здесь он неустанно и настойчиво передавал прихожанам Слово Божие, откликаясь на призыв II Ватиканского Собора. «Слово Божие – это не стихи, не мысли, не книга, предоставленная верующим для молитвенных размышлений. Это сам Бог, говорящий и действующий для того, чтобы я мог действовать и отвечать Ему».

В 1979 году Папа Иоанн-Павел II назначил его епископом Орлеанским. Какое волнение он испытал, когда его хиротонисали в том самом соборе, где 40 лет назад он «родился христианином»! На сей раз его отец был в первом ряду...

Однако в Орлеане он оставался недолго. Пришло время дать преемника архиепископу Парижскому – теперь в католической Церкви епископы должны уходить на покой в 75 лет. Вопрос об

этом преемстве был непростым: новому иерарху предстояло возглавить первую по значению епархию Франции в тот момент, когда и общество, и сама Церковь переживали кризис. По некоторым свидетельствам, Иоанн-Павел II, с большим вниманием относившийся к Франции, долго размышлял и, проведя ночь в молитве, решил поставить Жана-Мари Люстиже архиепископом Парижским. Назначение многих удивило. Люстиже был еще не особенно известен, епископом стал всего 15 месяцев назад. Кое-кто даже возмутился: польский Папа дал Парижу польского епископа! Но в Жане-Мари Люстиже не было ничего польского, и всю жизнь он был теснейшим образом связан с Парижем.

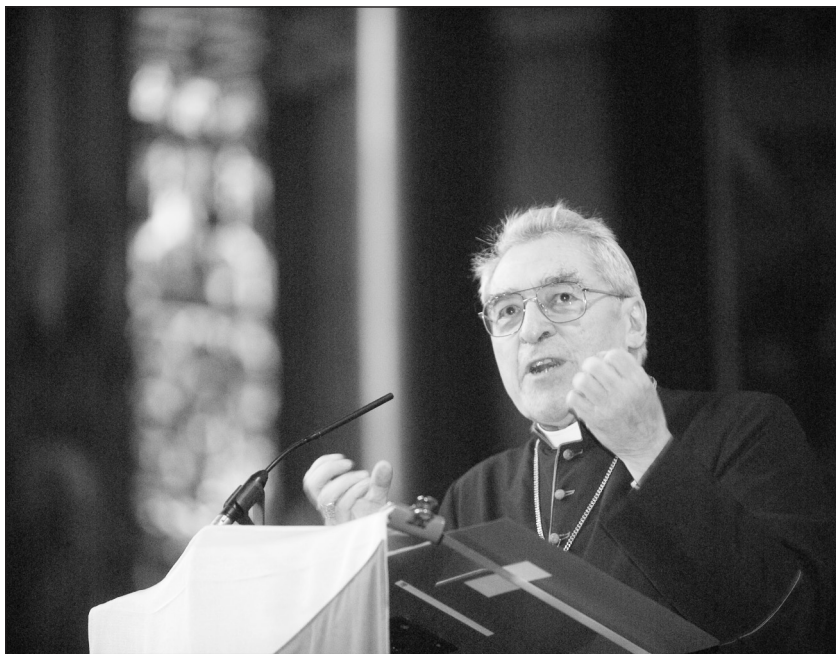
Этому служению он посвятил 24 года, и его труды глубоко повлияли не только на его епархию, они имели широкий отклик за пределами Парижа и Франции.

Он очень остро чувствовал, что на нем, как на епископе, лежит ответственность за то, чтобы «учить, освящать и окормлять».

Он много размышлял о развитии общества и умонастроений, об изменении условий жизни в великой столице. Знал он и то, что Церковь переживает глубокое потрясение, связанное с исчезновением сельского общества, с которым срослось католичество. Признавая это, архиепископ подчеркивал, что у него нет никакой «программы».

«Со всех сторон от меня требовали, чтобы я заявил о своей программе и о своих приоритетах, словно я новый глава правительства. Я же убедился, что мне нужно было идти – мне, в первую очередь, – вслед за Христом и звать моих братьев на тот же путь... Единственная программа Церкви – это Христос. Если мы живем в Нем жизнью Бога, мы обретем действенные средства, необходимые и в настоящем, и в будущем».

Он неустанно учил, поначалу – сам, проповедуя практически каждое воскресенье в соборе Парижской Богоматери. Причем ему было недостаточно обращаться к одним католикам, и он дал большое количество интервью и прочитал немало лекций для самой разнообразной аудитории. Особенно он интересовался современ-

*Кардинал Жан-Мари Люстиже на конгрессе евангелизации
в Вене, 2003 г.*

ными средствами информации, и когда во Франции появилась возможность создавать независимые радиостанции (до 1981 года все радиостанции принадлежали государству), Люстиже основал в Париже католическое «Радио Нотр-Дам». Он проводил там, в частности, еженедельные беседы, посвященные систематической катехизации. Позднее он, с большими трудностями, создал католический телеканал К.Т.О.

Это стремление «научить» перекликалось с призывом Иоанна-Павла II к «новой евангелизации» современного мира, особенно молодежи. В этом состоял смысл грандиозных слётов молодых людей, задуманных Иоанном-Павлом II. «Всемирные дни молодежи» проходили каждые два года в разных городах мира. В 1997 году

такая встреча прошла в Париже, и кардинал Люстиже принял в ней активное участие.

Через несколько лет вместе с архиепископами Вены, Лиссабона, Брюсселя и Будапешта он дал начало Конгрессам новой евангелизации. Пять лет подряд, с 2003 по 2007 год, города эти, включая Париж, поочередно проводили неделю литургических служб, молитвенных встреч, лекций, дебатов, концертов, выставок. Местные приходы, монастыри, католические семинарии охотно давали кров участникам Недель, приезжавшим со всей Европы.

Этой же заботой о просвещении вызвано к жизни его попечение о духовном образовании не только священников, но и мирян. Как известно, после II Ватиканского Собора католическая Церковь стала поручать мирянам много ответственных дел на приходах, особенно в области катехизации. Кардинал Люстиже придумал систему преподавания, полностью ориентированную на них. Кроме того, он целиком перестроил подготовку священников. Чтобы решить эти задачи, он создал Кафедральную школу, в которой есть богословский факультет для подготовки священников, центр образования для мирян и центр, предлагающий общедоступные курсы для всех, кто просто хочет углубить свою веру.

При Кафедральной школе он открыл Институт семьи, чтобы готовить к браку обрученных и помогать супругам жить вместе, неся ответственность за семью, как подобает христианам. Подготовку к супружеской жизни обеспечивают все католические приходы, но Институт семьи придает ей особый лад, организуя ее самым лучшим образом.

Думая об обучении священников, архиепископ Парижский замечал, что у молодых людей, избирающих путь священства, часто было неустроенное детство и отрочество. Поэтому он считал, что надо сделать упор именно на духовную подготовку.

«Хотеть стать священником значит, прежде всего, жаждать Абсолютного, жаждать Бога. Как обеспечить настоящую подготовку к молитве и к обращению сердца? Как сделать так, чтобы изучение теологии стало путем, на котором человек рождается для тайны

Бога и входит в нее? Как открыть, что вера во Христа непрестанно дарит нам возможность жить по-новому, всё разнообразнее и поразительней? Что следование за Христом – это сокровище, ради которого мы готовы всё потерять?»

Вот почему он решил предпослать самому образованию год духовных штудий, который включает три цикла.

В первом триместре будущих семинаристов собирают в доме св. Августина, где они живут по определенным правилам, как в монастыре. Они ходят на мессу и на другие службы, читают Библию (так, чтобы прочитать ее целиком за год), молятся, поддерживают дом в чистоте. У них всего один час занятий в день, их просто знакомят с Писанием, богословием, литургикой.

Во втором триместре их разделяют и направляют в разные общины для служения бедным, инвалидам, бездомным и т.д.

Они снова встречаются в Доме святого Августина, и проводят там третий триместр, часть которого занимает тридцатидневное уединение, посвященное, в основном, духовным упражнениям св. Игнатия Лойолы.

Следя за тем, чтобы Церковь не замыкалась в себе, кардинал Люстиже задумал открыть центр, занимающийся культурой и диалогом с обществом о современных проблемах. Этот замысел еще не совсем осуществлен; центр должен скоро открыться в Латинском квартале. Он разместится в здании XIII века, которое только что специально отреставрировали. В Средние века там была коллегия, в которой обучались монахи-цистерцианцы (часть ордена бернардинцев). Новый центр задуман, с одной стороны, для художественного творчества и, в частности, – для выставок, а с другой, – для встреч, дискуссий, лекций, причем особо подчеркиваются проблемы, связанные с предпринимательской и производственной деятельностью, с биоэтикой и с отношениями между наукой и религией.

Может быть, меньше известно то, что сделал кардинал Люстиже для больных и отверженных. Он создал группу благотворительных объединений «Союз надежды». Одно из них занимается

долго болеющими людьми, особенно – больными СПИДом, другое помогает бездомным найти жилье и работу, третье раздает еду нуждающимся. Принял он участие и в создании медицинского центра помощи безнадежно больным. Здесь окончил свои дни и он сам: у него был рак.

У кардинала было огромное количество связей и во французском обществе, и по всему миру – в университетских кругах, в деловом мире, в мире культуры, среди политиков.

В частности, ему довелось иметь дело с французскими властями из-за статуса частных учебных заведений, а это щекотливая проблема. Во Франции государство субсидирует частные школы, если они следуют официальным школьным программам, хотя большинство частных школ – католические, а государство не поддерживает материально ни одно из вероисповеданий. Когда Миттеран стал президентом (1981 г.) и к власти пришли социалисты, они захотели провести новое постановление, лишаящее частные школы независимости. Проект вызвал в обществе большое противодействие и провалился. Кардинал Люстиже этому способствовал.

Позднее он воспротивился пересмотру закона от 1905 года – об отделении Церкви от государства. Помня бурную историю отношений между Церковью и государством во Франции после революции 1789 года, он считал, что применение закона привело к компромиссу и примирению, но равновесие шатко и не стоит его нарушать.

Благодаря ему голос Церкви становился слышным, когда речь заходила о самых значительных вопросах. Силой своей личности, любовью к парадоксам и умением придать дискуссии неожиданное направление он завоевывал внимание журналистов и СМИ, нередко априорно враждебных или, в лучшем случае, равнодушных к Церкви. Он побуждал их задуматься, ставя под вопрос привычные схемы и предубеждения.

Он настойчиво предостерегал современников от опасностей, которые навлекают на них наука и техника, лишённые этических ориентиров. Особенно внимателен он был к биоэтике. «Человече-

ская способность к деторождению, – говорил он, – не предмет по-
требления».

Признавая огромную ценность разума и свободы, он полагал, что их должно озарить и прояснить Откровение. Люстиже дорожил правами человека, но показывал, что основа у них – христианская.

Христиане призваны свидетельствовать о том, что конечная цель человеческой жизни неизмеримо высока.

«Во Христе Бог предлагает нам распознать в себе образ и подобие не чего-то величайшего, что мы можем вообразить, а самого Бога».

Ставя людей перед лицом Христа, христиане защищают человека. «Смерть Бога» влечет за собой смерть человека. «Христианство ведет безмолвную тяжбу за человека с той «самостоятельностью», которая сводит человечность к нашим собственным представлениям. Оно – как адвокат; ведь часто нас лишает человечности тот самый поступок, который должен бы ею одарить».

Как считал Люстиже, порученная ему миссия подразумевает, что он может говорить о требованиях нравственной, человеческой и христианской совести, свидетельствовать о справедливости, мире, истине. И еще он полагал, что его долг – поддерживать отношения не только с президентом и главой правительства, но и с представителями оппозиции и главных общественных организаций.

Всех, знавших кардинала Люстиже, поражала сила, исходившая от его личности; все замечали в нем какое-то внутреннее напряжение, почти трагическое. Повторим вопрос одного журналиста: в чем тут дело? Что это – печаль живого и слишком пронизательного ума, или тяжелая личная история?

История эта всю жизнь побуждала его углубляться мыслью в тайну Израиля, в отношения между христианством и иудаизмом, и самому быть мостом между ними.

Отношения с еврейским миром долго приносили ему одни неприятности. Он постоянно напоминал о своем еврействе, и для

многих это становилось соблазном. На него нападали, его бранили. Понимая, какие недоразумения и недопонимания может вызвать такая позиция, он говорил: «Ну подумайте, как я могу перестать быть евреем? Конечно, я не «религиозный еврей», в том смысле, какой вкладывают в это понятие те, кто дает определение еврейской ортодоксии. Но я могу сказать, что, став христианином, я не захотел перестать быть тем евреем, каким был до этого. Во мне не возникло желания отречься от своего еврейства. Я получил его от своих родителей, поэтому оно неотторжимо от меня. Следовательно, я получил его от Самого Бога, и поэтому оно неотторжимо от меня».

Но ситуация потихоньку менялась в лучшую сторону.

В частности, Люстиже помог разрешить острый конфликт между католической Церковью и еврейскими кругами, возникший из-за того, что в середине 80-х годов на территории концлагеря Освенцим был основан католический монастырь.

Позднее, в 1997 году, при его активном участии епископы Франции приняли документ, в котором рассматривается отношение католической Церкви к преследованиям евреев во время Второй мировой войны. Упомянув, что некоторые епископы протестовали, и отметив мужество церковных иерархов и простых верующих, которые спасали евреев, французские епископы признали, что слишком многие пастыри безмолвствовали. Впервые в официальном церковном документе давалась оценка бездействию христиан перед лицом нацистских гонений на евреев в 1939–1945 гг. И указывалось на прямую связь нацизма со столетиями христианского антииудаизма: «Имеется засвидетельствованный исторический факт, что в христианстве в течение многих веков, вплоть до Второго Ватиканского Собора (1962–1965), преобладала традиция антииудаизма, повлиявшая в разной степени на христианские догматы, учение, теологию, апологетику, проповедь и литургию. На этой плодородной почве смог расцвести ядовитый сорняк ненависти к еврейскому народу. [...]»

Перед лицом страшной трагедии и неслыханного характера преступления слишком много пастырей Церкви своим молчанием оскорбили Церковь и ее священную миссию. [...]

Мы исповедуемся в своей вине. Мы молим Бога о прощении и просим еврейский народ услышать наше слово раскаяния. Этот акт поминовения требует от нас бдительно стоять на защите человека в настоящем и в будущем». Эта декларация была оглашена 30-го сентября 1997 г. на месте бывшего лагеря Дранси под Парижем, куда в 1941–1943 гг. были свезены 64000 евреев для отправки в лагерь смерти. Из лагеря Дранси была увезена в Освенцим мать Жана-Мари Люстиже.

Кардинал был одним из вдохновителей поездки Иоанна-Павла II в Иерусалим в 2000 году. Их посещение Стены Плача и Яд Вашема стало событием, ознаменовавшим сближение между католической Церковью и еврейским миром.

Он завязал диалог со многими представителями еврейского сообщества, не только во Франции, но и во всем мире, особенно – в Соединенных Штатах.

Люстиже считал, что во многом связь между иудаизмом и христианством очень глубока, он говорил, что «современное христианское богословие еще только начало исследовать проблему соотношения, связи между иудаизмом и христианством».

Он много говорил о значении Израиля для христиан: еврейский народ остается народом избранным.

«Для католической веры самобытность еврейства коренится в даре Божьем, даре, по слову апостола Павла, непреложном, даре, который исторически предваряет любое другое социологическое, культурное или политическое определение. Этот дар Божий в сущности – призвание еврейского народа являть миру божественное Благословение».

Не случайно же Иисус родился в Вифлееме, а не в Риме или в Лютеции! В каком-то смысле, именно благодаря евреям христиане укоренились в истории. Без евреев христианский универсализм мог раствориться в абстрактном гуманизме.

*Кардинал Жан-Мари Люстиже во время Крестного Пути
в Страстную Пятницу. Париж, 1981 г.*

«Христиане Запада могут поддаться искушению и замолчать еврейское происхождение Иисуса. Когда они обращаются к людям Африки и Азии, говоря им лишь, что Евангелие есть некий жизненный идеал, в этом кроется риск, ибо, став христианами, африканцы скажут: “Для нас, африканцев, Ветхий Завет это наша африканская культура”, а в Азии могут сказать: “Наш Ветхий Завет – это священные писания Азии”».

Для равновесия христианской веры необходимо принимать Писание в его целостности: Ветхий Завет и Новый.

Христиане, – говорил апостол Павел, – привиты к одному корню – Израилю. И корень этот никто не отменял. «В глубине сердца я жажду вот чего: обоюдного признания. Я очень хочу, чтобы христиане не забывали, что они – ветвь, привитая к единому корню. И корень этот – Израиль.

И, может быть, иудаизм окажется в состоянии признать, что христианство есть некое усыновление, дарованное Богом. Это дар в виде неожиданного потомства, потомства еще не признанного. И даже если христиане не признали евреев своими старшими братьями, не видят в них того корня, к которому они привиты, необходимо, быть может, чтобы сами евреи увидели в языческих, ставших христианскими, народах, своих младших братьев».

Смысл Шоа кардинал Люстиже толковал, основываясь на избрании Израиля, подчеркивая, что в Шоа есть метафизическое измерение. «Когда меня спросили, кто такой еврей, я ответил: “Человек, который несет другому дар избрания”. Именно по этой причине он был выброшен и убит. В этом – предел человеконенавистничества.

В этом мире то высшее, ради чего и создан человек, то есть его божественное бытие, становится адским, непостижимым, нестерпимым существованием. А Шоа – это и есть воля к уничтожению (на иврите “Шоа” значит “полное уничтожение”). Самое страшное не в том, что людей истребляли, уничтожали, как это происходит и сегодня, когда во всем мире уничтожается множество людей. Самое страшное в том, что эти люди были уничтожены по одной

единственной причине – за то, что они были евреями. У нацистов были и другие враги, другие противники; у этих противников была такая же судьба, но не по той же самой, адской причине.

Эта ненависть бросает яркий, ослепительный свет на судьбу еврейского народа, на судьбу всего человечества. Ибо этот свет поистине освещает мрачную бездну, скрывающуюся в человеке. По моему, единственно возможный ответ – молчание. Об этом невозможно говорить. Единственное, что я чувствую в глубине сердца, – что все же из абсолютного зла Бог может извлечь абсолютное благо. Каким образом? Я не знаю, но я верю, что всякий человек, принявший страдания, тем самым становится – я убежден в этом – возлюбленным Бога. И я полагаю, что в каком-то смысле страдания людей как бы составляют часть страданий Мессии».

Когда отмечалось 60-летие со дня освобождения Освенцима, кардинал предпослал своему участию в торжествах соответствующие слова. Он представлял там Иоанна-Павла II, уступив настойчивым просьбам Папы, хотя ему было очень тяжело видеть место, где убили мать и семью отца. «И, когда хотят оправдать преступления, оправдать насилие, это само по себе говорит о мраке, покрывающем дух человеческий. Есть нечто затемняющее сознание человека. И Шоа происходила не в варварские времена, не во времена гуннов, неизвестно когда... Нет. Она произошла в Европе в эпоху после XVIII века – века Просвещения».

Нацисты хотели уничтожить тот самый народ, через который человечество получило свой нравственный закон – Десять Заповедей; они хотели убить вестника, чтобы уничтожить весть.

Кардинал Люстиже побывал во многих странах. В 1989 году он приезжал в СССР по приглашению Патриарха Московского и всея Руси Пимена по случаю празднования тысячелетия крещения Руси в 1988 году. Но когда кардинал смог приехать, патриарх был болен, их встреча не состоялась, принимали его другие чле-

ны Священного Синода. У него были переговоры с владыкой Алексием, тогда – митрополитом Ленинградским, с владыкой Филаретом, митрополитом Минским, который стоял во главе Отдела внешних сношений, и с владыкой Ювеналием, митрополитом Крутицким и Коломенским. Это был разгар Перестройки, но никто не мог предсказать, по какому пути она пойдет. Советская власть начала менять политику по отношению к Церкви, но действовала нерешительно и непоследовательно. Так, в ходе поездки кардиналу сообщили, что Константин Харчев, председатель Совета по делам религии, выступавший за уступки Церкви, заболел. Люстиже понял, что его просто отстранили от должности.

Кардинал Люстиже горячо молился на многих богослужениях, начиная с пасхальной заутрени и пасхальной литургии, отслуженных владыкой Алексием. Ему выпала радость проповедовать в храме Успения Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, и он был тронут реакцией собравшихся на его слова.

В Ленинграде он поклонился могиле блаженной Ксении. Ему подарили цветы, а бедно одетая старушка подала три копейки. «Я навсегда сохраню их, – признавался он. – Это ведь та самая лепта вдовы, о которой говорит Евангелие».

К официальной программе кардинал захотел добавить личные встречи. В Ленинграде, ныне покойная Наталья Сахарова, родившаяся во Франции, собрала народ у себя дома. Конечно, кое-что к этому времени изменилось, но для такого поступка требовалась всё же некоторая отвага: разумеется, кардинал не мог хранить инкогнито, и его появление в черной машине, сопровождаемой целым кортежем с мигалками, во дворе советского дома, наверняка, вызвало немало толков у окрестных жителей...

В Москве, по инициативе редактора самиздатского журнала *Выбор* Виктора Аксючица, Люстиже встретился с примерно шестьюдесятью представителями христианской интеллигенции. Они долго говорили о богословских проблемах, о евангелизации страны, где 70 лет насаждали неверие, об открытии храмов, об экуменизме.

Кроме того, кардинал встретился с женщинами, объявившими голодовку, чтобы добиться открытия храма в Иваново.

Во время этой поездки кардинал побывал также в Латвии и в Литве, где интересовался положением католической Церкви. В Риге он беседовал с кардиналом Вайводсом на латыни и посетил семинарию, где семинаристы оказали ему горячий прием. Кроме того, у него была короткая встреча с православным епископом, митрополитом Рижским и Латвийским Леонидом (Поляковым).

В Вильнюсе он служил мессу в соборе св. Станислава, который только что очень неохотно вернули верующим. В Каунасе его принял кардинал Сладкявичус, который провел многие годы под подпиской о невыезде.

А потом у кардинала была встреча с отцом Александром Менем. «Встретившись с отцом Александром Менем, с первых мгновений я почувствовал, будто знал его всегда как брата, как друга и понял, что отныне он мне станет близким навсегда. А между тем мы разговаривали всего лишь минут десять.

В субботу, 6-го мая 1989 года, вместе с моими спутниками мы ехали из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру. Накануне я попросил сопровождавших меня лиц из Московской Патриархии остановиться в Новой Деревне – деревне, где находился приход отца Александра – впрочем, тогда он еще не был настоятелем. Предупредить его о нашем визите было невозможно. Мы только знали, что он будет рад нас видеть, и что в этот день он будет в своем приходе. Шла пасхальная неделя по православному календарю и во всех действующих церквях служилась Божественная литургия.

Мы прибыли к концу литургии, когда настоятель говорил проповедь. Она произносилась, согласно обычаю, в конце службы. Со своими спутниками мы оставались в глубине храма, но отец Александр нас заметил. Проповедь все не кончалась... Не было никакой возможности ее прервать, но отец Александр подошел ко мне и мы сказали друг другу несколько слов по-английски. Настоятель закончил и пригласил меня сказать слово пастве и благо-

словить ее. Затем мы уехали, у нас был плотный распорядок дня и мы спешили. Нам нужно было очень многое сказать друг другу. И, хотя, мы никогда не виделись прежде, у меня было такое чувство, что мы можем не успеть. Память моя хранит образ встречи сильной и прекрасной в тайне страдавшего и воскресшего Мессии. Мы обменялись самым главным и укрепили друг друга больше, чем могли бы это сделать любые слова.

С этого самого дня я пытаюсь исследовать ценность смысла этой встречи и не могу его постичь до конца. Но, прежде всего, нам было очевидно – я говорю «мы», не будучи убежденным, что имею право говорить от имени отца Александра, а лишь по интуиции, которую я сохранил, – очевидно, что братство наших вер, союз во Христе, был как знак предвосхищения (то, что святой Павел, говоря о дарах Духа, называет «задаток» и «знак»), предвкушение полного общения в любви и взаимном уважении для Московской Патриархии и Римской Церкви. Он так же, как и я, то есть, поистине ставши христианами, мы любим и служим единственной невесте Христовой – Его Церкви. Совершенно очевидно, что это единение может осуществиться в жизни учеников лишь при условии участия в тайне Креста. И потом радость пасхальной недели, которая озаряла бедную паству, среди которой отец Александр и я обменялись всего лишь несколькими фразами, была словно озарена сиянием тайны Креста – угрозой бессильной, но неминуемой смерти. Воскресший Христос дает нам чувство свободы, и оно сильнее любой тирании. Победа веры – это победа освобождения, прощения и любви. Слабость Христа, отданного власти людей, свидетельствует о могуществе Бога, поскольку Бог освобождает от плена греха.

Все это мы знаем. И мы были благодарны за то, что оказались друг для друга, почти без слов, свидетелями милосердия после больших испытаний, свидетелями надежды перед лицом закрытого горизонта. Надо было прервать наш короткий диалог, чувствуя, что мы не смогли бы его завершить. Я не знаю, кто из нас двоих закончил разговор, но последние слова были моими. На его

просьбу еще раз увидеться я сказал примерно так: «О, мы встретимся на небесах», таким сильным было у меня впечатление, что его жизнь больше чем моя насыщена Евангелием, которое мы возвещаем, и что это неминуемо становилось знаком. Когда весть об убийстве отца Меня дошла до нас, я отыскал в своей памяти эту последнюю фразу. Сам отец А. Мень напомнил мне ее после своей смерти. Вот каким образом.

Благодаря Андрею Еремину детали нашего разговора были записаны. После нашего отъезда отец Александр рассказал Андрею: «У меня был удивительный разговор с кардиналом Люстиже. Кардинал сказал мне, что счастлив оттого, что мы встретились и добавил: “Вероятно, у нас не будет больше случая увидеться, и мы встретимся лишь по ту сторону”. После смерти отца Александра Андрей Еремин приехал ко мне 1-го февраля 1992 года, чтобы спросить, что я хотел этим сказать, почему произнес эту фразу. Действительно, в отце Александре я увидел жизнь, принесенную в жертву, его самоотверженную любовь ко Христу, – в этом и была вся его отвага. Я не предсказал его смерти, я только сказал вслух то, что отец Александр уже знал из слов Христа, обращенных к Петру: “Другой препояшет тебя, и пойдешь туда, куда не захочешь идти”. Как милость Божью рассматриваю я эту уникальную короткую встречу – она является предчувствием в настоящем времени, уже присутствующую полноту времен, кои грядут».

*Перевод с французского Леонида Харитонова
под редакцией Наталии Трауберг
и Наталии Большаковой*

НАТАЛЬЯ БЕЛЕВЦЕВА

«ОТСЧЕТ ОТ ЦАРСТВА НЕБЕСНОГО»

*«Господи, на все воля Твоя!
Во всем присутствие Твое
Каждое свершение
Благословение Твое!»*

Молитва сестры Иоанны

Наша первая встреча с Юлией Николаевной Рейтлингер (сестрой Иоанной) состоялась в начале июля 1976 г. в доме Светланы Юрьевны Завадовской, где Ю. Н. часто останавливалась, когда приезжала в Москву на лето из жаркого Ташкента. Надо было беречь глаза, не пить много, так как тогда уже началась глаукома. Я много слышала о Ю. Н. от своей подруги-искусствоведа Эллы Семенцевой, знала, что она монахиня в миру, была духовной дочерью о. Сергия Булгакова, пишет иконы, очень живой и отзывчивый человек. О ритме жизни Ю. Н. в Москве можно судить по ее первому письму¹ ко мне.

«27/VI 76²

Дорогая Наташа! Элла мне сказала. Очень бы хотела повидать Вас. На этой неделе я свободна в пятницу [а 27 июня это воскресенье. – Н. Б.], но я совсем не знаю Ваших расписаний – мне очень трудно разговаривать поздно, т.е. по вечерам. Свободны ли Вы в этот день днем – скажем в 2 – 3 – 4 часа? Тк я совсем глухая, то по телефону говорить сама не могу, так что надо просить кого-либо из гостей. На этой неделе у меня будет гостья во вторник (29/VI),

¹ Некоторые сокращения в письмах Юлии Николаевны раскрыты в квадратных скобках, а некоторые публикуются без изменения.

² Все письма находятся в архиве Библиотеки-Фонда «Русское Зарубежье» – Фонд Ю. Н. Рейтлингер № 36, опись № 2, ед. хр. 3 – 5.

придет в 1 ч. дня (13 ч., тк что можете позвонить в 13.30 – 14 часов. А в среду в 5 часов жду к себе Катеньку, кот[орую] Вы мб. знаете, вот если во вторник позвонить не сможете, то звоните в среду. И скажите – можете ли придти, и в каком часу точно, тк я должна Вас сторожить у окна в кухне, чтоб открыть дверь». И далее подробнейшая схема проезда. «Если ни во вторник, ни в среду не сможете дозвониться, то в четверг я предполагаю быть у Елены Яковлевны [Ведерниковой – Н. Б.] в 12 ч., тогда звоните к ней, и через нее договоримся.

Всего лучшаго Ю. Р.»

Встреча состоялась, и с той поры началась наша дружба и переписка.

Ю. Н. писала и моему мужу, с которым тоже скоро познакомилась.

Приводимые выдержки из ее писем являют собой реакции на личные проблемы, но, думается, представляют и общезначимый интерес. Они показывают умение Ю. Н. взглянуть на вопрос широко и высоко, а может быть, как она любила говорить, «сбоку». Но всегда как бы имея отсчет от Царства Небесного.

* * *

В ответ на страхи при кардинальном изменении жизни: в сентябре 1977 г. я бросила программистскую должность со 190 руб. и перешла работать в Музей-усадьбу «Мураново» им. Ф. И. Тютчева на 75 руб. научным сотрудником-экскурсоводом:

«23/X 77

Дорогая Наташа!

<...> Очень рада, что устроились и довольны, и «все оказалось не так страшно кк казалось». Это очень характерно! И вот Вам в этом большой урок: мы всегда сами из всего делаем чудовищ и причины для нашего нервного. И все дело в нашем отношении

к жизне[нным] событиям и в степени отдачи себя в руки Божии!.. Чему нас непрестанно учит Ал. Вл.³ кк Вы хорошо знаете!»

Ю. Н. очень полюбила моего мужа Володю, физика-лазерщика, привыкшего гармонию поверять алгеброй. Она всячески подвигала его к духовному обращению. Устроила его знакомство с физиками-христианами Сашей Х. и Мишей С. О степени ее горячего участия в духовной жизни мужа говорит следующий отрывок из письма.

«26/XI 78

Дорогой Володя!

<...> Очень одобряю В.[аше] намерение съездить к Ал. Вл., его советы очень могут В[ам] помочь. <...> Только хочу сказать, что конечно Вы правы, что у В[ас] нет (сейчас) того опыта дух[овного], котор[ый] был у С[аши] и у М[иши], но ведь у Вас есть и свой – пусть другой, но все же не вкладывающийся в рамки физических законов – опыт личной внутр[енней] жизни, опыт личной любви (кк духовного проявления – духа, а не физического). Но все у всех очень индивидуально, и кажд[ый] идет своим путем, и в этом есть своя прелесть и богатство жизни».

И от этого же числа в письме ко мне.

«Наташа! Очень понимаю большую трудность – жизни на три дома!! [Наш дом с Володей; посещения мамы; Мураново, где я оставалась ночевать два раза в неделю. – Н. Б.] Это действительно даже не только трудно, но и оригинально! Но ведь так все! Плюсы каждого положения несут с собой свои минусы – и иногда одно кк бы съедает другое! И нам всегда кажется, что вся наша беда – это в этих минусах. Одинокий: ах! Какой ужас одиночество! Живущий

³ Прот. А. Мень – духовный отец и Ю. Н. и Н. Белевцевой. (Прим. ред.)

в общеж[итии] с друг[ими]: ах! какой ужас теснота, общежит[ие] и т.д. И неизвестно что «лучше» и что «хуже». По-моему лишь бы «жить» в данном положении, а не считать его чем-то случайным, ибо случайного ведь и нет... Значит Вам дан и уют, и возможность быть вдвоем – но не вполне, и не совсем, только какими-то кусочками, и забота о маме, и работа и природа – в этом есть по-моему своя прелесть – а?»

В ответ на мою сентенцию о надрывном характере прихода к Богу во взрослом состоянии.

«22/XII 78

Дорогая Наташа!

<...> Кстати не надо преувеличивать гладкость пути и тех, кто с детства окружен был (или сам шел) атмосферой веры – пути очень различны и разнообразны. Но конечно большая разница одного и другого, в основном тех, кто с детства верил, и тех, кто пришел к вере в зрелом возрасте, да еще и вопреки окружающей его среде. Однако, повторяю, и в том и другом свои трудности, катастрофы и т.д.

Очень я поняла и глубоко сочувствую Вам – вопрос о помощи людям, где мера? Все же мы не можем брать на себя больше, чем наши силы. Но, как и где найти меру? Вы правы, что Володя – ваш и что Вы должны себя беречь – для него – а это рождает у Вас мысль – не есть ли это уловка эгоизма? Нет, все-таки хоть он Ваш, но он – не Вы, он «другой», «друг» и то, что Вы даете ему, все же есть уже выходжение из своего «эго», иначе ведь не надо было и замуж идти. Помните – всегда Вам говорила, что В[аш] путь – не путь м. М[арии], и Вы имеете право – и – даже обязанность – на уют, тут все дело в мере и во внутреннем чувстве и в близости к Богу, а не удовлетворении своих мещанских инстинктов, я думаю. Сейчас женщины по-моему мало думают о творчестве семьи (а мужчина – еще меньше!!)»

«25/II 79

Дорогая Наташа!

<...> Что касается Вашего вечера – по случаю новоселья, мне кажется, что делается сейчас у всех большая ошибка – недостаточно скромно угощают, это, во-первых непосильно для хозяев, во-вторых, даже мб. и мешает духовн[ому] общению. Но все, кто мне писали о Вашем с Володей гостеприимстве, были очень довольны Вами обоими. Но все же я остаюсь при моей точке зрения, с которой они бы мб. и согласились – не надо подражать Анат. Вас.⁴ И прочим теперешним хозяевам! Это не только в М[оскве], а здесь еще умножено на восточные традиции и делается прямо бичом нашей жизни (я-то сама стою от этого в стороне). <...>

Храни Вас Бог!

Ваша Ю. Н.»

«12/III 79

Дорогая Наташа!

<...> Что же это Вы превратились в «унылую Наташу»? Во-первых – чудный муж, за это ежедневно Бога благодарите, а благодарение нельзя как лучше приближает к Нему и снимает всякое «уныние» – и за все, что есть и хорошего (говорят – и плохого, но это трудно! и я еще не умею, кажется!..) благодарить и благодарить! А во-вторых – сейчас в наших устах чудная молитва Ефр[ема] Сирина, которая как и воздух Вел. Поста, как-то держит дух...

Удивилась, что собираетесь читать канон Андр[ея] Критск[ого]. Как-то я его совсем не чувствую, хотя совсем забыла – но кажется мне отвлеченным, риторичным. Неужели у Вас нет чудной «Постовой памятки», составл[енной] Ал.Вл., и Вы не следуете советам и упражнениям дух[овны]м там данным? Если нет (чего прямо себе не представляю!), спросите у Кати, да у кого угодно. Мне она очень нравится. Пока целую Вас и Володю.

Ваша Ю. Р.»

³ Анатолий Васильевич Ведерников.

«10/IV 79

Дорогая Наташа!

Спасибо за письмо. Мы всегда забываем, что моменты преодолений имеют гораздо бóльшую ценность, если не такую же, как достижения. И конечно Ваше повышенное чувство ответственности в работе, когда она делается вроде «навязчивой идеи» – тоже надо в каком-то смысле, вероятно, преодолевать, или «пересыпать» духовными моментами, вот ведь Вы же и пишете, что твердите весь день «Господи Владыко...» и т.д. Нас всегда уносит все, что мы делаем, все делается самодавяющим, и мы быстро забываем, что «все от Бога». При удаче – мы сразу приписываем ее себе и грешим самодовольством, вместо того, чтоб Его благодарить, и т.д. и т.д. Но конечно тут нужна мера, нужно это неуловимое равновесие, тк каждая работа имеет еще свои законы (в конечном-то итоге – они тоже Божии!), которым нужно следовать, это и есть – «синергизм», сотрудничество человека и Бога. Знаю это очень хорошо и по себе – даже в писании икон – увлекаешься чисто художественными задачами и забываешь молиться во время работы.

...вается дорога, дорога
все от Бога.
Красного бархата гор
я не забуду вовек,
милый мой человек,
жизни моей метеор...

(это одного поэта нашей молодости, рано погибшего, трагически...))»

«27/I 80

Дорогая Наташа!

Спасибо за письмо от 7/I! Простите, что не сразу ответила. Все, что Вы пишете, мне было очень интересно и близко. Да, я очень понимаю вас, как трудно говорить о вере и о Боге с людьми

ищущими – кк стыдно за свою слабую веру. Но иногда это даже лучше, тк они часто не могут подойти к вере, тк думают что это что-то такое особенное, сверхъестественное, что им «не в пору», и тогда наша хоть и слабая вера и наше хоть и слабое устремление к Богу может их мб. больше поддержать, чем если бы мы горели, кк огненный столб. А кроме того, когда мы кого-то хоть немного можем поддержать – это нас самих подкрепляет. <...> Жаль, что при праздновании все разговоры скользили по поверхности, тк более глубокие все же требуют tete-a-tet' а, кк Вы думаете? Отчасти же мб. это есть сила «мира сего», всегда стесняющегося и отходящего от главных тем». <...>

«28/I 80

Дорогая Наташа!

<...>Что касается «миропомазания» на всенощной [вероятно, в своем письме я рассказала о посещении церкви вместе с мужем – Н. Б.] – то это неверное название! [*Это скорее наз. Елео-помазание (а елео-освящение – это опять таинство над больными)*] – другими чернилами. – Н. Б.]. Миропомазание – это таинство, часть крещения. А кк называется это, что бывает на торжеств.[енных] Всенощных – точно не знаю кк называть, но боюсь ошибиться, и лучше спросите Анат. Вас. По-моему, Вам, кк лингвистке, необходимо точно выражаться и употреблять эти термины, я даже Св.⁵ ловлю на этой точности в борьбе с дилетантизмом. Но, во всяком случае, тут дело не в термине, а в том, что свежий человек соприкоснулся с благодатью церкви. И то, что мб. для многих было лишь обрядом, для него могло быть если не таинством, то тайнодействием. Вот, напр.[имер], я так пережила свой постриг – который, даже полный, не есть таинство (а брак – таинство), а мой был даже не полный, а только тк назыв[аемый] «рясофорный», однако с переменной имени, что очень существенно. Также этим летом – посвящение в иконно[писц]а – одна лишь молитва. Рясофорное

⁴ Светлана Юрьевна Завадовская.

посвящение – тоже почти одна молитва, а полный (кк м. Мария)-сложная служба».

«27/IX 80

<...> Разве может быть что-то «случайное» в нашей жизни?!
<...>»

18 ноября 1980 г. под колесами автомобиля погибла моя мама.

«20/I 81

Моя дорогая Наташечка!

Большое спасибо за письмо! Знаю, как Вы заняты, и как трудно, при этой нагрузке, просто даже физически, сесть за письмо, а тем более в Вашем состоянии – заставить себя написать, поэтому еще больше ценю, что Вы вспомнили меня и написали это письмо.

Очень Вас понимаю... Есть какое-то глубокое противоречие между жизнью и смертью. Как будто одно не допускает другого... И в то же время – какая глубокая связь! Но ее мы постигаем в минуты озарений. А мудрецы – ею и живут... Но частично мы всегда кк бы умираем с нашими уходящими близкими, что-то от Вас ушло с Тamarой Яковлевной, в чем-то Вы умерли с ней. А вообще-то те, кто по-Вашему – кк Вам кажется – живут (а Вы кк бы не живете) – что в их «жизни» – действительно жизнь? и мало они думают о смерти. Ваше состояние вполне понятно, тк Вы сейчас под впечатлением «откровения смерти». Это Ваш опыт, с которым Вы «вернетесь» к «жизни», а легко живут только те, кто ни о чем не думает – но *gira bien qui gira le dernier*⁶. И Вам откроется, как жизнь «вклинивается» в смерть, а смерть – в жизнь.

Вы пишете, что писать сейчас трудно, а когда притупится – то уже не напишешь. Совсем нет! Каждый возраст несет с собой свои откровения, свои неожиданные решения кк на прогулке в горах – за каждым поворотом открывается новый пейзаж. Вот я недавно

⁵ Хорошо смеется тот, кто смеется последним (фр.).

это очень испытала, когда меня попросили написать краткую биографию – прошлое – и очень далекое, встало передо мной в такой яркой реальности, как никогда. В старости это бывает.

А христианство Ваше в том и есть, что Вы испытали и знаете, как легко, когда поймешь, что твоей воли ни в твоей жизни, ни в твоей смерти нет (в смысле хотения жить – надо только отдаться Этой воле, по которой мы живем) Не мудрите очень! Отдайтесь! Он с Вами и в Вашей скорби, и с мамой в ее пути...

Что пишете «о себе все о себе» – за это именно спасибо, мне только это и интересно, а о себе самой я все сама знаю – это уже не интересно.<...>»

В июле-августе 1981 г. Ю. Н. жила у нас. Сентябрь, после отъезда. Записка.

«Дорогие мои детки!

Французы говорят:

tout passe

tout casse

tout lasse

(все проходит, все ломается, все надоедает)

Но я с этим не согласна!

Все (наверное – все! И если оно злое – то горе нам!) – отражается в вечности и в ней живет! Да?

И особенно эта наша совместная жизнь июля-августа 81-го года... Да?!

Так я думаю.

Но слов об этом больше нет – и мб. и не надо.

Молчание – язык будущего века.

Хотя порой мелькает досада – о том не поговорили, о другом.
<...>»

«26/X [1981]

Дорогие Детки!

<...> Очень заинтересована дискуссией по поводу работы Д. П.⁷, и совершенно удивлена одним высказыванием детки [моего мужа – Н. Б.], которое мне сообщил он в своем письме – что вера должна быть доказана. Это в корне неверное утверждение, и я просто не понимаю, как детка мог сказать такую вещь?»

На штемпеле из Ташкента: 24.02.82.

«Думала, что страх Божий должен быть страхом любви – страх «огорчить», если можно так выразиться, Его любовь к нам своими грехами, как по аналогии можно себе представить, – страх огорчить любимого человека своим недостойнством. И вот именно Ваше желание сочетать это с доверием к Нему, к Его защите – очень понимаю».

«23/XII [1982]

<...> Детка Володя, беседа наша была для меня как праздник, теперь такие редко выдаются, но еще и хочу взять обратно свои слова о чтении книг оккультных, конечно стоит читать и это обогащает опыт – ведь они трактуют о Божьих законах бытия, и их советы могут быть включены в Ваш молитвенный опыт; совсем не значит, что Вы всецело идете по их пути.

Очень меня заинтересовало то, что Вы упомянули, что там есть замечательные слова о радости, если бы Вы мне их выписали – доставили бы мне огромную радость!<...>

Ваша бабушкерия».

⁶ Дмитрий Петрович Баранов (1910-1995) – эмигрант, жил в Праге, участвовал в Русском Студенческом Христианском Движении. После возвращения на родину жил в Ульяновске, затем в Москве, инженер-строитель. В эмиграции был знаком с Е. Н. Кист (сестрой Ю. Н.), с Ю. Н. познакомился в Москве. Писал работу о проблеме соотношения науки и религии.

«21/I 83

Дорогие Детки!

Огромное спасибо за письмо и за чудную выписку о Радости, сестра ее также как и письмо, переписала черно и жирно, и я теперь могу перечитывать, что я и делаю, читать ничего другого не могу. Писать я кк-то наловчилась, но немного. <...>

Теперь о выписке. Она подтверждает то, что я Вам писала, когда взяла свои слова, сказанные в больнице, обратно. Все это прекрасно включается в нашу стройку Царствия Божия, Которое есть цель нашей духовной жизни. Но если оно оторвано от всего остального – может стать «прелестью», выражаясь термином отцов. Неотделимо должно быть связано с нашей любовью ко Христу, но очень оживляет наш духовный опыт, которому так часто грозит механичность, привычка и т.д.

Вот это я и ценю в подобных книгах. <...>»

«20/VI 83

Дорогая Наташечка!

Спасибо за письмо. Была рада, что «откликнулись»! Много хочется сказать, хоть и очень трудно писать, тк вот уже 5 дней прямо изнемогаю от диких болей в ноге – очевидно энервация сосудов дошла до невыносимого состояния, и нога распухла, к[а]к деревянная, и боли (к[а]к ножи) непрерывные! Очень прошу передать это Детке, тк лицевой кк раз успокоился, т.е. не разыгрался, а только угрожает.

Теперь о Вашем письме. Очень хорошо, что написали ответ Ал. Вл. на те же жалобы, что писали мне (об отсутствии интереса к жизни). Он, конечно, знает Вас лучше, чем я, и, вероятно, имеет основания в данном случае не в пример другим, где он обычно проявляет большую духовную смелость, быть более робким, и не возлагает бремена неудобноносимые. Все ведь очень индивидуально, и мб. остерегается, чтоб Вы не надорвались духовно. А я кк раз вспомнила его наставления Вам, когда Вы переменили работу: помните, он сказал: «Теперь у Вас все в руках Божиих», и

этим призывал Вас и положиться на Его волю, и всей душой ее взыскивать. Вот я и размышляла о Вашем теперешнем духовн[ом] состоянии аналогично – что мб. пропал естеств[енный] интерес к жизни, и надо искать его в порядке благодатном. Мы всегда склонны в нашей вере в Б[ога] сбиваться на отвлеченность и сухость, а так не должно было бы быть при вере в Б[ога] живого. Мы кк бы отделяем от этой веры многие секторы нашей жизни, которые кк будто Его не касаются, а между тем это не так. Кк-то я читала наставления одного дух[овного] отца, который именно считал, что надо всю конкретность нашей жизни видеть в Боге и говорить с Ним на языке наших интересов. Одного мальчика он спросил – что тебя интересует? Игра? Ну, так «joue avec Notre Seigneur!»⁸. Это я к тому, что мы боимся и думаем, что все, что будет по вере и от Б[ога] – [будет? – нрзб. – Н. Б.] уже сплошное постное масло. А все дело в нашей Ему открытости. И вот я вспомнила кк о.А. Вам тогда сказал и приложила это к данному случаю, т.е. моменту В[ашей] жизни – и подумала: что вряд ли возвращение к прежнему, естеств[енному] интересу к жизни возможно, и вряд ли [это] Ваш путь, а мб. лежит он на пути нового, благодатного интереса к жизни, через Него. Конечно, молитва. Все это трудно – Как Бог даст!..

Очень рада, что Вы поняли о благодарении, оно расширяет сердце, приближает к Богу. Иудеи всегда начинали молитву с благодарения, не тем ли больше должны мы, за которых Бог распялся?!

<...>

В нашей вере мы не должны столько напрягаться, а главное – отдаваться благодати Его любви к нам. Вот и судьба – даже усиленной молитвой нельзя, по-видимому, насиловать волю Божию – знаю много примеров. Иногда, т.е. был случай, когда все кончилось тем, что родился идиот. Все это так сложно и таинственно. Хорошо, что Вы сравниваете свою судьбу с другими судьбами – это часто очень вразумительно.

⁸ «Играй с нашим Господом!» (фр.)

Теперь самое трудное время – пока Вы не решаетесь окончательно примириться с волей Божией. <...>»

«19/VII 83

Дорогие детки!

Не забываю я Вас и думаю, что и Вы меня! За это Вам спасибо! <...> Сейчас живу с сестрой (которая провела у меня всю зиму и ухаживает за мной!) у племянника, где и ее постоянное жительство, она меня не покидает, тк я ничего делать не могу – такой туман в глазах, а вот писать немного удастся. Здесь большой дом и очень хор[оший] воздух, я сижу почти весь день в тени дома, тк жара изрядная, а здесь хоть то и дело ветерок. Адрес на конверте. Спасает меня от вынужденного безделья, которое для меня конечно сущее несчастье – вязание крупным крючком из старых тряпок, которые сестра помогает мне резать на полосы, коврик: и на пол, и на кухонные табуретки. Очень интересно подбирать цвета, которые я все же еще немного вижу. Если у Вас будут цветные тряпки – хоть немного, буду Вам очень благодарна <...> Конечно, кроме вязанья остается молитва, о чем мы говорили с Деткой-Володей, когда он был у меня в больнице. Стараюсь, но человеческие силы ограничены, а к, тому же, ручной труд очень всегда полезен и человеку необходим.

Очень сожалею, что не увижу Вас, но надеюсь, что мы наладим хоть редкую переписку. Мне писать надо главн[ым] обр[азом] черными чернилами, немного покрупней и пожирней. <...>

Целую. Ваша Ю. Н.»

«23/ VIII 83

Дорогие Детки!

Спасибо Вам огромное за чудное письмо, получила накануне отъезда из Улугб.[ека], сейчас мы с сестрой уже переехали ко мне совсем. Вот писать немного могу, а что-нибудь себе сварить – нет возможн.[ости], такой туман в глазах, и все мне делает моя сестра. Жаль, что я не знала, что Вы будете гулять по Вильнюсу, я бы Вам поручила проверить то, что мне говорили, – якобы в городе есть

памятник моему дедушке, Ник.[олаю] Степ.[ановичу] Гонецкому. Мало этому верю, но меня уверяли, что это факт. А Друскининки⁹ и Сувалки¹⁰ не только место детства и юности Чурляниса¹¹, но и моей матери и она там и родилась».

08.09.1983 – дата на ташкентском штемпеле.

«Дорогие мои Детки!

Дорогая Наташечка!

Вы себе не представляете, какую радость мне доставили Ваши 2 бандероли! Спасибо огромное!

Мы с сестрой уже режем во всю, она мне помогает – я резать одна не могу, а делаю клубочки и у меня в голове уже «палитра». <...>»

«18/XII 83

Дорогая моя Наташечка!

Спасибо Вам за письмо, для меня каждое большая радость, хоть они часто и грустные, в том числе и Ваше, но неизвестность хуже всего!

Вы, конечно, знаете текст о радости, о котором я недавно напомнила Детке, тк его перечитывала. <...> По этому поводу я посл[еднее] вр[емя] много думала: все же во всей этой йоге есть что-то искусственное, не органическое, не связанное с нашей жизнью. Вот и в этих советах о радости – здорово живешь – и вот на тебе, радуйся!. А тут кругом одно горе, одна грусть! Как Вы недавно [сказали] верно – логически верно, но по сути глубокой – конечно и неверно – «жизнь страшная штука». И вот тут-то мы и можем во всей силе оценить и противопоставить наше мировоззрение, хоть и прекрасные все их слова о радости, но ведь к ней надо прийти. И только крест к ней приводит – тк наша главная радость – это радость пасхальная. Недавно я обратилась к одному мудрому че-

⁸ Друскининкай (курорт в Литве).

⁹ Город на северо-востоке Польши.

¹⁰ Чюрленис Микалоюс Константинас (Николай Константинович) (1875–1911) – литовский живописец и композитор.

ловеку насчет молитвы Иисус[овой], и он мне вдруг посоветовал петь пасхальн[ые] песни, я даже сразу не поняла, какая связь. Потом много думала.

Мы живем пасх[альной] радостью только одну неделю в год, а мб. и того меньше – мб. одни сутки или даже день. А могли бы чаще и чаще возвращаться мыслью к основному упованию нашей веры. И хотя кругом крест и Христос страдает в нас и во всем непрерывно, но есть и пасхальная радость.

Вот и хотелось поделиться с вами этими мыслями, пока еще могу писать, хоть туман очень сильный.

У меня впечатление, что у Вас кризис переходит в след[ующий] этап Вашей жизни, и думаю, что это к духовному росту. И не пропустите его. <...>»

27 апреля 1984 г. у нас с Володиёй родилась дочь.

«2/VI 85

Дорогие Детки! Дорогая Наташечка!

Очень, очень Вас благодарю за письмо! Я и не думаю сердиться за молчание; отлично понимаю, да и мне трудно затруднять сестру переписывать полученные письма фломастером, чтоб я могла их прочесть, тк что все в порядке. Мне лишь бы что-то знать о друзьях, тк я так много обо всех их думаю. Но сейчас стараюсь примириться с все более редкими известиями, тк всем трудно. Хотя Вы даже не представляете, какое для меня имеют значение их письма...

Думаю, что мб. уж и недолго осталось и так-то редко общаться, тк вижу с каждым днем все хуже и хуже, а уж если зрение совсем меня покинет, то для общения остается приготовленная у нас азбука по Брайлю на малых дощечках, по которой сестра будет со мной говорить, пока Бог не даст мне желаемый конец земного моего существования. <...>

Кажется, писала Вам, что у нас младенец на 1/2 года моложе Вашей Анечки. Только и молюсь – Господи, избавь нас от войны!

И даже хорошо бы если бы послал Господь болезнь на ее вдохновителей! Безумных, неразумных, которым место только в сумасшедшем доме, а не на кресле Председателя.

Целую крепко.

Ваша Ю. Н.»

Последнее письмо Юлии Николаевны от 20/II 86 (черным фломастером)

«Дорогие Наташа, Володя и Анечка!

Пишу вслепую – не вижу, что пишу! Спасибо – очень тронута была письмом Вашим. Но ни писать даже фломастером, читать больше не могу. [нрзб.] Сестра [нрзб.] буквами [нрзб.] что мне пишут – прошу изредка кратко держите меня в курсе В[ашей] жизни – это нужно для молитвы о Вас, которую я не забываю.

Целую Христос с Вами!

Ю. Н.»

Приложено письмо сестры Ю. Н. Екатерины Николаевны.

«20/II 86

Мои дорогие!

Сестра совсем слепнет. Ведет себя очень мужественно, но сердце за нее ужасно болит. Пишите хоть несколько слов о себе и к ней. У меня особые (большие) металлические буквы, и она, беря их, понимает, что я хочу сказать и ими я передаю вкратце письма, которые она получает. Обо всех вас вспоминает и думает, и так я ей передала ваше последнее письмо.

Не забывайте нас. Ведь для нас вы остались дорогими и близкими.

А у меня уже правнуки подрастают, но я их почти не вижу, тк оставить сестру не могу, и у самой ноги болят.

Целую и люблю заочно

К. К.

Храни вас Б.[ог]»

ОЛЬГА КОВАЛЕВСКАЯ

**«БЫТЬ ТАМ, ГДЕ РАДОСТЬ УМЕРЛА,
БЫТЬ ТАМ, ГДЕ ТЬМА, ЧТОБЫ СТАТЬ СВЕТОМ...»**

Жизнь монахини Елены (Казимирчак-Полонской)

Если обозначить основные события жизни Русской Православной Церкви в XX веке, получится длинный мартиролог, в котором будут обозначены расстрелы и убийства священнослужителей, их аресты и водворение в застенки и лагеря, уничтожение храмов, превращение их в склады, производственные помещения и кино-театры, запрещение духовной литературы. Участие в религиозных обрядах подвергалось общественному осуждению. Мы знаем, что к началу 40-х годов XX века количество церквей уменьшилось в сотни раз и вскоре могло пресечься рукоположение во священники. Невольно задумываешься: что же чувствовало поколение, воспитанное в вере и святоотеческих традициях? Что переживали священники, подвергавшиеся таким испытаниям, и их паства, прошедшая через отлучение от веры? Иеромонах Софроний (Сахаров) в слове, обращенном к участникам съезда Р.С.Х.Д., проходившем в Ницце в 1951 году, затронул эти важные вопросы: «...Когда к нам приходят люди, сокрушенные тяжестью страданий, и ищут от нас помощи и утешения, то мы даем им как бы обратное тому, что ждут они от нас. Наше слово без видимой помощи в большинстве случаев остается не воспринятым. Более того, оно кажется жестоким. Мы призываем к терпению и надежде. И в ответ на наш призыв мы слышим: «Легко сказать: терпи, – но каково терпеть, когда страдания становятся несносными? Легко говорить: не отчаивайся, надейся, – но как пронести ту надежду, видя кругом полное смятение, развал и отчаяние?» В печали сердца моего я много раз думал, что если приходящие к нам не будут получать видимую чудодейственную помощь, то мы пребудем

в позоре до конца дней наших. Но не потому мы покрыты позором, что слово наше неистинно, или извращено, а потому, что оно без видимых знамений доступно лишь немногим избранныкам. Кто откроет людям духовный слух, кто даст им духовные очи, чтобы могли они услышать и увидеть красоту и свет проповедуемого Церковного слова настолько, чтобы душа их отвратилась от всего остального? Отвратилась не в смысле неприязни, ненависти, но в силу сознания неравности всего остального, что есть в мире, слову Христа. А мы в безумии своем дерзаем говорить, что предлагаем вам, и всем людям вообще, именно это слово Христа, дающее вечную жизнь...».

Кто откроет людям духовный слух? Кто даст им духовные очи?..

В 1945 году, среди прочих репатриантов в Россию возвращается духовная дочь о. Сергия Булгакова, к тому времени известный астроном, Елена Ивановна Казимирчак-Полонская. Возвращается не только для того, чтобы продолжить на родине научные занятия, но с дерзкой, особенно по тем временам, надеждой объединить интеллигенцию ради апостольского служения миру. «В чем заключается это служение? /.../ – писала она в одной из статей. – В последней главе Евангелия св. Матфея приведена прощальная и напутственная беседа Спасителя с апостолами перед Его вознесением. Он говорит: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф 28:18-20). Мы непоколебимо верим в непреложную истину этих слов. И в их всемирное значение. Апостолы поверили и выполнили это наставление своего Господа. Вся история христианства с его сверхгероическими подвигами подтвердила реальную эффективность этого апостольского служения: безоружное христианство восторжествовало и победило языческий мир с его могучей римской силой и

высокой эллинской культурой». Именно таким было служение самой Елены Ивановны, начиная со знакомства с о. Сергием Булгаковым, с деятельности в Р.С.Х.Д., с занятий на апологетических курсах в Париже. Поэтому она оказалась в России в 1945 году. Поэтому мечтала создать Общину во имя преп. Сергия Радонежского, главной целью которой должно было стать «...углубление современного христианского миропонимания в духе первохристианства, сочетание его с высшими достижениями нравственной и духовной культуры, а также всесторонними запросами современной эпохи». Поэтому всю свою жизнь еще до создания Общины она *проповедовала*. Многие годы не открыто. Она проповедовала своим примером. Своим образом жизни, своим отношением к своему делу. Она проповедовала тем, что всегда стремилась быть там, где «радость умерла». Чтобы она, радость эта, засияла там вновь. Быть там, где радость умерла, быть там, где тьма, чтобы стать светом, — это и есть задача такого апостольского служения, по выражению Антония Сурожского.

Она, встретив в поезде незрячую девочку-побирушку, сироту, которая пела по вагонам, взяла ее на воспитание и дала ей музыкальное образование. Много лет спустя, став взрослым самостоятельным человеком, обретя профессию, связанную с музыкой, Люда Куренная, та когда-то маленькая девочка из вагона, напишет ей письмо, она, как все незрячие люди, писала по специальному шаблону для букв. В этом письме была вложена молитва:

МОЛИТВА

В тот час наедине
Я разговариваю с Богом,
В настороженной тишине
Его прошу я о немногом.
О чем просить Того, Кто дал
Мне жизнь, судьбу и испытанья,
Кто в океане мирозданья
Мой каждый вздох предугадал?

Но пониманья и терпенья,
И силы духа я прошу,
И славлю каждое мгновенье,
Пока страдаю и дышу.

В скобках приписка: «Музыка Д. Т.». Кто этот Д. Т. – не поясняется, Елена Ивановна знала, кто. Вероятно, Люда пела эту молитву. Елена Ивановна хранила этот листок в своем Евангелии.

Съездив «по общественному поручению» в подшефный детский дом – тогда, в 1951 году, она работала младшим научным сотрудником в Институте теоретической механики – Елена Ивановна стала ездить туда постоянно по собственному желанию и со временем стала поистине родным человеком детям-сиротам. Многие называли ее мамой. Сохранилась пачка писем этих детей. Они отчитывались перед нею о своих успехах, она радовалась вместе с ними их хорошей учебе. В письмах масса просьб купить каждому что-то необходимое. И потом в ответных посланиях они благодарили за присланный чемодан, игрушку, книгу, гостинец.

«Дорогая тетя Леля! Я в этот год уеду, у наших девочек у многих есть чемоданы, а у меня нет. Я прошу прощение, что пришлось попросить, но у меня же нет *никого токого близкого как Вы*. Буду от всего сердца благодарна Вам и всю жизнь. Но Вы может быть думаете, что за вещь /буду благодарна. – *Примеч. О. К./*. Нет. Вы первая проявили столько ласки после того, как я лишилась семьи. То и пришлось попросить Вас. Простите, что я плохо написала, но я по-другому не умею До свидания. Целую Вас крепко, крепко. Шура. Жду к нам в гости».

«...Я решила работать над своим характером и воспитывать в себе силу воли. Тетя Леля, посоветуйте, пожалуйста, с чего начать и как это сделать... Я очень хочу встретиться с Вами, Большое спасибо Вам за посылку. Желаю Вам хорошо защитить диссертацию. Ольга». «К Вам могу приехать только на зимних каникулах. Если есть ошибки /в письме, – *Примеч О. К./* пришлите их обратно мне. А пока до свидания. Ваш подшефник Боря».

«...Отвечаю на Ваши вопросы. Я здоров. Чувствую себя хорошо. Как Вы уехали, я стал стараться. По арифметике я получаю пятерки, а по русскому тоже иду вверх. Подарками Вашими я очень доволен. Фонарик я берегу, а батарея осталась одна. Я Вас попрошу купить батареи, если они только есть. Ваш подшефник Васильев Коля».

Через пять лет Коля будет писать Елене Ивановне из армии. Там ему придется служить в очень тяжелых условиях, но он все выдержит: «...Тетя Леля, я Вас очень благодарю за Ваше хорошее отношение ко мне, материнское отношение, и не иначе. Это я понял давно и, если бы не Вы, тетя Леля, не знаю, что со мною было бы. В трудную минуту вспоминаю про Вас и всегда нахожу нужный выход»...

Силы и бодрость давали друзья. Она переписывалась со многими своими единомышленниками по Р.С.Х.Д., с теми, кто преподавал на Свято-Сергиевском подворье в Париже, с астрономами-коллегами из Польши, Англии, с о. Борисом Старком, с о. Иоанном Конюховым, с о. Иоанном Крестьянкиным, и эта переписка поддерживала, не давала опускать крылья.

Дети шли за нею, веря ей и любя. Они вырастали с той системой ценностей, которую она им открывала. А для молодежи постарше, которая требовала чудес, чтобы поверить Евангелию, она написала книгу «О действии благодати Божией в современном мире»¹. Рукопись обсуждалась на занятиях, которые проходили дома у Елены Ивановны.

Это было время непростое. Такие встречи надо было в 70-х–80-х годах в Ленинграде маскировать под дни рождения или придумывать другие поводы для прихода «гостей» – слежка за приглашаемыми на «семейные праздники» была очевидной.

Елена Ивановна читала и рассказывала на таких «днях рождения» о Спасителе, о чудесах евангельских. Состав «кружков» не был постоянным. Одни люди уходили – иным молодым людям

¹ Издана в Москве в 2002 г. Общедоступным Православным Университетом, основанным протоиереем Александром Менем.

запрещали ходить на такие встречи родители: те родители, которые уже были воспитаны в духе атеизма и считали, что «религия – это опиум для народа»; некоторые понимали, что за квартирой Елены Ивановны следят, и боялись неприятных последствий: «А вдруг их арестуют?». Постоянная боязнь быть арестованными, задержанными «органами», генетически присутствовала в людях с юного возраста, потому что они с детства видели страх родителей, несмотря на то, что те старались этот страх прятать от детей. На смену тем, кто уходил, приходили другие...

Во имя преподобного Сергия Радонежского

В 1918 году Волынь, где родилась Елена Полонская, где было имение ее родителей, вошла в состав Польской республики. Из Польши Елена выезжала на съезды Р.С.Х.Д. в Париж, Чехословакию, Прибалтику. Десять лет с 1922 по 1932 гг. были для нее очень насыщенными: учеба, работа в Движении, занятия наукой, посещение апологетических курсов, которые вели Булгаков, Зернов, Бердяев и др., работа лаборантом и ассистентом при кафедре астрономии Львовского государственного университета. На время ей приходилось прерывать занятия и учебу, т.к. имение на Волыни приходило в упадок, больная мать не могла его содержать (отец умер в 1926 году), и тогда Елена Полонская становилась садоводом, пчеловодом, бухгалтером, администратором.

Там, где она бывала с лекциями как представитель Р.С.Х.Д. от Польши, возникали после ее приезда кружки, изучавшие родную историю.

Фактически одна – сама и корреспондент, и редактор – Елена Полонская выпускала журнал для эмигрантской молодежи «На Рубеже». Журнал вдохновлял молодых людей, оказавшихся в эмиграции, не отчаиваться, учиться, накапливать знания, чтобы в будущем послужить Отечеству. Придет время, пробьет час, – писала она, – и те, кто изгнан сегодня из России, вернутся на Родину, чтобы отдать ей знания, духовный опыт.

Шло время. В 1934 году в Варшавском университете Елена защитила диссертацию «О планетоцентрическом движении комет» со степенью доктора философии. Диплом, врученный ей после защиты, представлял собой внушительный документ не только по содержанию. Его подписали ведущие, известнейшие ученые мира: Стефан Пеньковский – доктор физических и математических наук, профессор прикладной физики, старший ректор Варшавского университета, Стефан Мазуркевич – доктор философии, профессор математики, декан факультета наук и Михаэль Каменски – магистр астрономии и геодезии, профессор астрономии. Михаэль Каменски – Михаил Михайлович Каменский (1879–1973) – научный руководитель Елены Полонской, был хорошо известен в России. Он в 1903 г. окончил Петербургский университет с дипломом кандидата физ.-мат наук, работал вычислителем в Пулковской обсерватории, в Петербурге получил степень магистра астрономии и геодезии. Каменский много сделал для российской науки. До Первой мировой войны он работал научным сотрудником Гидрографического отдела Русского военно-морского флота, с 1914 года до 1920 он астроном военного порта во Владивостоке, а с 1919 г. – начальник организованной там Морской обсерватории. Ученые разных стран мира прислушивались к его консультациям и приглашали к сотрудничеству. Он работал в Японии и Америке. С 1923 г. Каменский был избран профессором астрономии Варшавского университета и директором Варшавской астрономической обсерватории при этом университете. Исполнял эти обязанности до 1939 г., до начала Второй мировой войны.

Итак, эта впечатляющая, на латыни написанная грамота торжественно гласила: «Достопочтенной гражданке Елене Полонской присваиваем Звание, Почет и Привилегии Доктора Философии на основании сданных ею экзаменов по астрономии и далее по математическим и философским наукам с оценкой отлично». Ее сердечно поздравил о. Сергей Булгаков, бывший ее духовным отцом. Он преподнес ей в подарок свой портрет с надписью «Полонской – Коперник» (много лет спустя, в Советском Союзе, где окажется

Елена, стремясь жить и работать в России, ее диплом признают недействительным, и она защитит диссертацию еще раз).

В 1936 году Елена Полонская выходит замуж за ученого-ихтиолога Льва Казимирчака. Они вместе пытаются привести в порядок усадьбу. В 1937 году у счастливых супругов рождается сын Сергей. Несмотря на все усилия содержать поместье в образцовом порядке, родовое гнездо начинает подвергаться опасности. В течение многих десятилетий создавали дед и отец Елены этот громадный дивный сад как образцовый райский уголок природы. Из разных стран мира дед Елены выписывал редкие удивительные породы деревьев и кустарников, в парке благоухали цветы, тенистые гроты давали прохладу. Журчали фонтаны. В прудах водились диковинные рыбы. Елене удавалось все годы сохранять эту фамильную драгоценность. Она мечтала построить в родовом парке астрономическую обсерваторию. Но кругом начали гореть помещичьи имения. Такое могло каждый день случиться с их домом. В 1939 г. началась советизация восточных областей Польши в ответ на «размывание» ее границ со стороны Германии (загоралась Вторая мировая война). На Волыни появившиеся новые хозяева стали устанавливать новые порядки. Елена передала имение представителям Советского правительства и сельского комитета. Впрочем, только авторитет Полонских среди местных жителей спасал усадьбу от пожаров и разграбления. План построить в родовом поместье обсерваторию уже не мог быть осуществлен.

В начале Второй мировой войны Елена живет и работает во Львове. Военное время, жизнь впроголодь, постоянные поиски заработков – она занята целыми днями. Затем семья переселяется в Варшаву: муж Елены считал, что там жить будет легче, надеялся найти работу. Но в Варшаве становится только труднее. Елена с Сережей выезжает в пригород Варшавы, интуитивно почувствовав угрожающую семье опасность. Муж и мать Елены, пытаясь вывезти как можно больше вещей, так необходимых в суровое военное время, задерживаются, не слушая настойчивых просьб Елены срочно бросить все и ехать к ним. Мать и муж, несмотря

на многочисленные предупреждения Елены покинуть Варшаву, не успевают уехать и попадают в облаву. След их теряется в концлагерях. К постоянным заботам – укрываться от обстрелов и зарабатывать на хлеб – добавляются другие испытания: найти в концлагерях маму и мужа. И Елена, постоянно отлучаясь от сына, оставляет его на попечение надежных людей. Холодной осенью, в одном прорезиненном плаще, надетом на легкое платье, босиком (вся одежда была поменана на продукты), Елена проникает в один концлагерь за другим, с громадным риском остаться там навсегда. Эти страницы ее жизни – не только рассказ о могуществе любви, которая дает человеку силы и дерзновение проникать в ад и выходить из него живым. Она не чувствует боли, когда прыгает с опутанного колючей проволокой забора в битое стекло и ранит ноги, она не чувствует холода и страха, когда бежит по лесу, торопясь к сыну. Такова сила ее любви. Но не только об этом хотелось бы сказать. Пережитые дни, недели и месяцы войны стали для нее невольной проверкой силы ее веры и накопленного духовного опыта.

О своих скитаниях по дорогам войны с маленьким Сережей Елена рассказывает в книге «О действии благодати Божией в современном мире». Поиски своих родных по концлагерям, попытки найти возможность заработать на жизнь, опасности и трагические происшествия, из которых Елене удастся выходить живой и невредимой и всякий раз возвращаться к сыну, добавим к этому еще постоянные бомбежки и обстрелы – такова ее жизнь во время войны. Спасает безграничная вера и постоянная обращенность к Богу.

Вторая мировая война закончилась. Елена Ивановна, как и многие люди, оказавшиеся из-за передела мира вне России, которая прежде была их родиной, а теперь стала «заграницей», решает переехать при первой же возможности в Россию. Она поверила обещаниям Советского правительства предоставить репатриантам нормальные условия жизни и в 1945 г. с мамой и восьмилетним сыном Сережей переезжает в Херсон, в один из городов, куда был разрешен въезд переселенцам. Когда-то давно, обсуждая с мужем

возможные варианты того, как может сложиться их жизнь, если война их разъединит, они договорились искать друг друга в Херсоне. Там море для Сережи, возможность работать ихтиологом для Льва и, Елена считала, что для нее, если не астрономическая, то работа математика, преподавателя физики всегда найдется.

Провожая в 1952 году семью о. Бориса Старка в Россию, иеромонах Софроний так обозначил чувства своих соотечественников, чья душа рвалась на Родину: «...Как может радоваться сердце человека, который, странствуя по пустыне, вдруг увидит близкую и родную ему душу, так да возрадуются сердца их, когда увидят они на дорогой Родине миллионы близких и родных им по духу братьев и сестер, ... так да возрадуются души их, когда войдут они в просторы океана жизни нашей родной Русской Церкви, величайшей из всех поместных церквей за истекшую историю мира... Так да возрадуются они умом и сердцем, когда на крыльях великой молитвы русского народа вознесутся и они на небо любви Божией...»

Однако в Советском Союзе ей довелось испить горькую чашу до дна – порядки, правила, взгляды на жизнь, система ценностей здесь были иными. Погиб от тяжелой болезни Сережа. Тяжело болела мать. Вряд ли она могла представить, какие испытания ее ждут на Родине. Подозрительность (еще бы – «иностранка!»), отверженность, бедность, косые взгляды, потеря самых близких и дорогих людей, арест, недоверие к ее научным трудам. В январе 1952 года Елену Ивановну арестовывают по доносу.

Как мы сегодня знаем из книг Солженицына и многочисленных опубликованных документов, воспоминаний и других материалов, арестовать, особенно по 58-й статье «враг народа», могли из-за любого пустяка – достаточно было доноса. Как мы сегодня знаем, существовал план на аресты «врагов народа». Чтобы громадная бюрократическая машина работала бесперебойно, ее надо было снабжать новыми и новыми жертвами. Так что в аресте Елены Ивановны не было ничего необычного. Необычным было ее освобождение через восемь месяцев. Ничто – ни бессонные ночи

допросов, ни выстаивание на ногах сутками, ни пытки светом лампы – ничто не помутило ее разум. Со всей логикой, которая доступна такому выдающемуся ученому как Елена Ивановна, она не только доказала свою невиновность (это уже само по себе было невероятным фактом, «КГБ не ошибался»), но и обратила в свою веру следователя. Ее освободили, сняв обвинение. Следователь провожал ее на поезд, помогая нести чемодан по перрону.

За время заключения у нее украли диссертацию, ее научная работа была опубликована под другим именем. Она не отчаялась. Она еще раз защищает диссертацию, подтверждая научную степень. С 1957 года она постоянно работает в Ленинграде в Институте теоретической астрономии. За свои научные исследования она получила, может быть, самую значительную для астрономического мира того времени премию им. Ф. А. Бредихина. Ее научная работа начала приносить плоды, появились ученики, ее имя стало звучать в международном астрономическом сообществе.

1987 год. Елена Ивановна – монахиня Елена. По благословению о. Иоанна Крестьянкина она принимает тайный постриг. Собственно, она давно считала себя монахиней в миру. На такое монашество благословлял о. Сергей своих духовных чад. Монахинями в миру были сестра Иоанна (Юлия Рейтлингер), мать Мария (Скобцова) и она, монахиня Елена (Елена Ивановна Казимирчак-Полонская). Этот вид монашества о. Сергей считал самым трудным, самым сложным. Ибо монах в монастыре защищен не только стенами, но и общей молитвой. В миру монах остается один на один со всеми трудностями, проблемами мирской жизни. И, кроме того, помимо своего монашеского служения, он должен работать в той области, в которой ему дан талант Господом. Мать Мария была поэтом, сестра Иоанна была иконописицей, мать Елена – астроном. Рассказывая об о. Сергии Булгакове, м. Елена подчеркивала особый талант своего духовного отца находить в духовных чадах эти таланты, его умение так направить жизнь своих духовных детей, чтобы их возможности, способности раскрылись наиболее полно.

Она, дочь о. Сергия, долгие годы после расставания с ним и его кончины искала духовника, ей надо было в эти годы, приближавшие ее исход в жизнь вечную (приближалось девяностолетие), решить и обдумать много проблем, обсудить будущее. Она в это время – вторая половина восьмидесятых – как раз пишет ряд богословских трудов и выступает с серией лекций, на которые со всего города собирается огромная аудитория. И в этот самый момент, когда так ждут ее слова, ждут ее новых выступлений, новый духовный отец запрещает ей публичные выступления. Так он «смиряет ее гордыню»: ей, «теперь монахине», надо смиренно выполнять указания другой монахини, поставленной над нею старшей – очень недалекой, почти неграмотной, необразованной женщины. Мать Елена не выполняет урока и приходит читать лекцию в полный зал собравшихся ее слушать людей (о лекции было объявлено заранее). После выговора за непослушание, окрика, гнева нового своего духовника она испытывает тяжелейшее потрясение, и здоровье начинает ухудшаться очень быстро. Может быть, и потеря зрения, и, как следствие, многочисленные переломы костей, когда она, не обретя новой памяти пространства, преодолевала пороги, не учитывая всех неровностей, которые можно увидеть зрячему, случились из-за глубочайшего потрясения, которое ей пришлось пережить?!

И вот, казалось бы, на исходе дней, отделенная от всего мира болезнью, монахиня Елена начинает собирать Общину. Ей 87 лет. Люди приходят к ней в дом разными путями. Кто-то остался из тех, кто приходил в «старые» кружки, вернее сказать, приходил на беседы, чтение Евангелия под видом «семейных праздников» – такие встречи с молодежью у нее дома начались в семидесятых годах. Кто-то слышал ее выступление в Духовной Академии незадолго до того, как она слегла. Это выступление в Духовной Академии – Слово об Александре Невском – буквально стало событием в Ленинграде. Его слышали многие представители интеллигенции. Новый взгляд на подвижника земли русской. Новый взгляд на святость в православном мире. Новый взгляд на историю. (А уж

какими последствиями это выступление отозвалось в жизни Елены Ивановны, мы сказали выше).

Сама возможность подобной лекции указывала на близкие перемены в жизни страны, которые впоследствии назовут «перестройкой». Елена Ивановна понимала, что открываются новые, невиданные прежде возможности открытого ее свидетельства о Христе миру.

Шел 1988 год.

Из тех людей, которые вдруг оказались рядом с нею, образовалась группа. Как они собрались? Это не поддается никаким объяснениям. Кто-то принес вернуть книгу по просьбе друзей – книга давно была взята у матери Елены. Кто-то договаривался прийти посоветоваться о своих проблемах. Потом звонил и просил разрешения прийти со знакомым. Студент приглашал своих одногруппников, кто-то пришел, так как хотел чем-то быть полезным. Некоторые искали с нею встречи после ее выступления в Академии об Александре Невском. В том, как собирались вокруг нее люди, было что-то похожее на чудо. В начале 1988 года эта группа людей стала приглашаться в Духовную Академию на лекции монахини Елены. Темы были интересные. О старчестве, о подвижниках земли русской, об иконописи. Кому-то поручалась подготовка доклада, какие-то темы читала сама Елена Ивановна.

Для нее было неважно, что некоторые из пришедших были не крещены. Многие слабо представляли себе, что такое православие – таковы были обычные ленинградцы того времени: врачи, учителя, инженеры, студенты, музыканты... Для начала она знакомилась с каждым проходящим, пыталась понять, на что способен, чего ищет. Происходило такое знакомство во время увлекательных бесед, на которых речь шла о самых важных для нас предметах. Каждый мог прийти на такую беседу со своим неразрешенным вопросом.

Она была абсолютно доступна. Люди приходили к ней домой. Надо было лишь точно назвать время прихода, чтобы кто-то открыл дверь. Каждый говорил о глубоко личном, своем. Когда надо

было подготовиться к выступлению по теме, тогда к беседе могли приглашаться и другие собеседники. Наверное, личные беседы с м. Еленой можно было бы назвать нашей исповедью. Она была очень заинтересованным собеседником, нам хотелось рассказывать ей о себе, потому что это ей было интересно. Она же о себе самой говорила мало. И только с течением времени стало ясно, сколь о многом она не рассказала нам. Она была человеком вселенной, она встречалась с американскими космонавтами, побывавшими на луне, она дружила с выдающимися богословами и философами. Она встречалась с величайшими учеными мира, была их коллегой, она была собеседником известных религиозных деятелей. Ее друзьями были лучшие люди России, покинувшие родину по требованию коммунистического правительства на известном «философском» пароходе. Впрочем, она бы рассказала нам обо всем этом, да только мы не имели вопросов.

У нее очень болели суставы, лекарства не помогали. Болело все тело, травмированный во время войны позвоночник (однажды, когда она возвращалась из оккупированной Варшавы, ее сбросили с подводы), болели ноги, плечи. От непрестанных страданий она не могла спать ночами. Когда же ее спрашивали о здоровье, отвечала: «Только созерцание мук Спасителя дает возможность переносить боль». В одной из ее книг как закладка вложена была записка: *«Если бы сегодня Спаситель пришел к нам, что Он увидел бы? Как бы Его встретили?..»*

...Итак, эту разношерстную аудиторию, которая возникла вокруг монахини Елены, она решила объединить общим делом, но сперва стала с нами заниматься по своей программе.

Первое занятие Елена Ивановна начала так:

«Все трудности политической и экономической жизни страны обусловлены, прежде всего, нашим низким духовным уровнем...»

Легко сказать. А как этот уровень повысить? Конечно, у нас уже была возможность читать духовную литературу, но теперь нужно было ввести это чтение в систему.

По сути, Елена Ивановна разработала цельный курс религиозного просвещения. За основу она взяла труды своего духовного отца, Сергея Булгакова. Сгруппировала его работы так, чтобы анализ произведений от раза к разу раскрывал ту или иную тему. Это мог быть какой-либо вопрос из Евангелия, ответ на который мы находили в работах Булгакова. Опираясь на работы о. Сергея, мы сопоставляли живопись Возрождения и русскую икону, размышляли о духовном пути А.С. Пушкина, о судьбах других писателей и литературных героев (например, одно из занятий было посвящено анализу романа Тургенева «Дворянское гнездо»). Подобные беседы были тем более важны, что мы тогда еще не умели самостоятельно читать богословскую литературу и только постепенно осваивали новый для нас строй мысли.

Занятия проходили раз в неделю, по вторникам, в 18 часов, в Профессорском зале Духовной Академии. Чтобы привезти Елену Ивановну, ректор Духовной Академии протоиерей Владимир Соколин давал машину. Сопровождающие носили ее на специальном стульчике, который был удобен Елене Ивановне. Это были люди, которые заранее знали, что им сегодня нужно нести Елену Ивановну в машину, поднимать в Профессорский зал, нести потом после занятий вниз, опять в машину и, наконец, поднять мать Елену на третий этаж к ее квартире. Всякий раз перед такой поездкой Елене Ивановне помогала одеться и облачиться ее соседка и добрая помощница Лидия Сергеевна.

План занятий составлялся на семестр. Этот план Елена Ивановна непременно посылала ректору Духовной Академии, митрополиту, а также своим друзьям в Париж, на Сергиевское подворье. Однажды группе приглашенных для беседы людей, в числе которых находилась и я, м. Елена объявила, что мы организуем Общину во имя преп. Сергея Радонежского, и познакомила нас с целями и задачами Общины. В плане четко определялись задачи, которые стояли в этом семестре перед Общиной, темы встреч, евангельские чтения, даже назывались имена священников, которые будут служить краткие молебны перед занятиями. Кроме того, Елена

Ивановна заранее оговаривала тематику обсуждений, назначала ответственных и давала темы практических занятий. Поначалу в этой программе все для нас было трудно. Однако монахиня Елена – превосходный педагог – доступно объясняла сложные для нас понятия.

С практическими занятиями мы смирились не сразу, да и «практика» была не из легких. По инициативе Елены Ивановны одновременно с началом занятий в 1999 году рядом с Духовной Академией стала создаваться больница во имя блаженной Ксении Петербургской для одиноких пожилых людей. Появились первые пожертвования. Они были из-за границы, в основном – отклики на просьбы Елены Ивановны. В Общине было немало врачей, и Елена Ивановна надеялась, что со временем они перейдут работать в больницу (к сожалению, эта идея так и не осуществилась). Мы же должны были после ремонта здания подготовить его к жизни: вынести строительный мусор, вымыть стены, полы, окна, заклеить все щели. Поначалу нам, «образованным», как мы думали, людям, эта грязная работа казалась почти унижительной. И только взявшись за нее, мы поняли, сколько духовной радости приносит труд во имя Христа и во благо ближнего.

Когда больница открылась, мы – такова была идея Елены Ивановны – должны были взять на учет всех пациентов (в том числе тех, кто выписался) и регулярно их навещать. Таким образом, за каждым из нас был закреплен один или двое подопечных. Опекать их в голодные 90-е годы было нелегко. Иногда мы спрашивали Елену Ивановну, удобно ли приходить к человеку с несколькими кусочками сахара, одним яйцом и куском хлеба? «Удобно», – неизменно отвечала она, после чего просила заглянуть у нее на кухне в холодильник и, несмотря на наши протесты, обязательно добавляла что-нибудь из скудных запасов продуктов.

Елене Ивановне было очень важно, чтобы мы ответственно относились к своему служению: она звонила выписанным больным и спрашивала, приходили ли их навещать из Общины. Многие

одиноким, пожилые люди ждали звонка монахини Елены и знали, что есть в городе человек, который помнит и заботится о них.

Каждый, кто посещал занятия, записывался в специальном листе; без особых причин встречи старались не пропускать. Иногда кто-то вносил в нашу созданную Еленой Ивановной кассу Общины незначительное пожертвование, но главным «жертвователем» всегда была монахиня Елена. Когда самый первый из учеников м. Елены был рукоположен во священнический чин – иеромонах Александр Федоров стал настоятелем храма св. Екатерины в Академии Художеств – Елена Ивановна попросила подсчитать накопленные средства и предложила подарить о. Александру кадило, что и было сделано. (В настоящее время игумен Александр Федоров – настоятель храма Петра и Павла в Петропавловской крепости и по-прежнему настоятель храма св. Екатерины). В Общине были студенты, которые приехали издалека и жили трудно. Из копилки Общины им иногда выдавали «вознаграждение» за отличную учебу. Со временем, при Общине образовалась библиотека, мы стали покупать книги, прежде всего, сочинения святых отцов.

Вспоминая о тех далеких временах и событиях, может быть, только теперь начинаешь понимать, как крепка и дерзновенна была вера Елены Ивановны. Мы, «слепые котят», стали ее надеждой. Монахиня Елена мечтала воспитать из нас если не аристократию духа (так она называла богословов, философов, писателей, лучших людей России, покинувших Отечество на печально известном «философском пароходе»), то хотя бы людей, которые, по ее мнению, могли справляться с задачами, которые стояли перед Общиной.

Мы мало были с нею. В 1992 году она ушла из жизни, оставив нас в полной растерянности – мы не знали, что нам теперь делать. После ее ухода Община, по сути, перестала существовать, хотя какие-то важные дела нам удавалось делать в память о нашем духовном наставнике. По просьбе протоиерея Владимира Сорокина мы помогали ему организовать церковные службы в зоне, в

Металлострое, где о. Владимир организовал строительство храма во имя новомученика митрополита Вениамина Петроградского. Мы стали его церковным хором, хотя никто из нас не был профессионалом, но, видимо по молитвам м. Елены, мы сумели разучить литургию и петь службу. Потом, через какое-то время, появились профессионалы и сменили нас.

Каждый из нас нашел в этом мире свое служение. Пятеро учеников Елены Ивановны стали священниками. Некоторые из бывших членов Общины нашли свое дело в приходах, помогают открывать вновь часовни, бывшие в забвении и небрежении. Помогают создать вокруг них небольшие церковные общины, организовать регулярные службы священников. Собирают аудиторию Общины на интересные встречи, где рассказывается об истории часовни, паломнических поездках.

Каждый год в дни памяти монахини Елены – 30 августа, день ее кончины, и 21 ноября, день ее рождения – мы собираемся у ее могилы на кладбище астрономов, что на Пулковской высоте. На могилу приходят разные люди, в том числе и те, кто узнал о монахине Елене благодаря ее книге «О действии благодати Божией в современном мире». Они становятся нашими друзьями, и мы делимся с ними радостью общения с этой удивительной личностью.

Вспоминая сегодня монахиню Елену, приходишь к выводу, что встреча с нею – это не событие из прошлого. Опыт ее жизни и сейчас еще нельзя полностью осмыслить. И сегодня она своими книгами открывает людям духовное зрение и духовный слух, ведя к пониманию Слова Христова. И сегодня, рассказывая о своем духовном отце, она заставляет задуматься о хрупкости человеческой души, об очень бережном к ней прикосновении, об умении понимать предназначение человека в мире и вести его к раскрытию и совершенствованию его духовных начал.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Молитва монахини Елены

МОЛИТВЕННОЕ ВОЗНОШЕНИЕ
(СЕРДЦА РОДИТЕЛЕЙ) ЗА СВОИХ ДЕТЕЙ

Боже и Отче, Создатель и Сохранитель всех тварей!

Облагодатствуй моих бедных детей Духом Твоим Святым, да возжет Он в них истинный страх Божий, который есть начало премудрости и прямое благоразумие, по которому кто поступает, того хвала пребывает вечно. Облагенствуй их и истинным познанием Тебя, соблюди их от всякого идолослужения и лжеучения, сделай, чтоб возросли в истинной спасающей вере и во всяком благочестии, и да пребудут в них постоянно и до конца.

Даруй им верующее послушное смиренное сердце и прямую мудрость и разум, да возрастают в летах и в благодати пред Богом и пред людьми. Насади в сердце их любовь к Твоему Божественному слову, чтоб они были благоговейны в молитве и Богослужении, почтительны к служителям слова и со всяким искренны в поступках, стыдливы в телодвижениях, целомудренны в нравах, истинны в словах, верны в делах, прилежны в занятиях, счастливы в исполнении обязанностей и должностей своих, разумны и праводетельны во всем, кротки и благоприветливы ко всем людям. Соблюди их от всех соблазнов злого мира, и да не развратит их худое общество. Не попусти их впасть в нечистоту и нецеломудрие, да не сокращают сами себе жизни своей и да не оскорбляют других.

Будь защитой их во всякой опасности, да не подвергнутся внезапной гибели. Соделай, чтоб не увидели мы в них себе безчестия и посрамления, но честь и радость: чтоб умножилось ими Царство Твое и увеличилось число верующих, и да будут они на небеси окрест трапезы Твоей, как небесные масличные ветви, и со всеми избранными да воздают Тебе честь, хвалу и прославление через Иисуса Христа Господа нашего. Аминь!

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

В течение многих лет Елена Ивановна Казимирчак-Полонская дружила с о. Борисом Старком и его супругой. Судьбы их были во многом схожи – семья о. Бориса также вернулась в Россию из эмиграции. Писали они друг другу, в основном, о быте, о повседневных событиях, намеренно не затрагивая серьезных тем – почта проверялась. Несмотря на то, что о. Борис пишет о сугубо личных, семейных событиях, его письма – драгоценное свидетельство о трудной и духовно насыщенной жизни уходящего поколения, о его стойкости и непоколебимой вере. Да простят нам дети о. Бориса, что мы невольно приоткрываем некоторые события и черты семейной жизни...

«О. Борис Старк родился в 1909 году в России в Кронштадте в семье морского офицера. Его отец, Юрий Карлович Старк, восемь лет плавал на крейсере «Аврора», пройдя путь от минного офицера до старшего офицера крейсера. Позже, в чине контр-адмирала, командовал Сибирской флотилией. После захвата власти коммунистами, он, не приняв новый режим, устанавливаемый безбожниками на Родине, увел корабли флотилии на Филиппины, затем перебрался в Европу, в Париж.

В 1925 году, когда умерла мать, Борис Старк в 15-летнем возрасте эмигрировал вместе с младшей сестрой во Францию, для встречи с отцом. Началась нелегкая жизнь, общая для всех беженцев из многострадальной России... Борис Старк принимает участие в Русском Студенческом Христианском Движении. В 1929 году на съезде Р.С.Х.Д. Борис Георгиевич знакомится с дочерью русского полковника-кавалериста, со своей будущей женой – Натальей Дмитриевной Абашевой. В этот день им обоим исполнилось по 19 лет. Через 5 дней митрополит Евлогий (Георгиевский), их духовник, благословляет молодых на венчание, которое совершает в том же году.

В 1930 году в семье Старков рождается первенец, Сережик. Богу было угодно взять к Себе воистину блаженного отрока в 9-лет-

нем возрасте. В 1931 году у о. Бориса и матушки родилась дочь Вера, в 1944 году – сын Михаил, в 1946 – Николай.

Приняв священство в 1937 году, с 1940 о. Борис был священником Русского Дома и русского православного кладбища Сент-Женевьев де Буа под Парижем. Здесь проходило совместное служение о. Софрония (Сахарова) и о. Бориса. Архимандрит Софроний очень полюбил всю семью Старков и сблизился с ними настолько, что даже исповедался о. Борису.

В 1952 году о. Борис Старк с семьей вернулись на Родину. Он предполагал ехать в Ленинград, откуда был родом, но Святейший Патриарх Алексей I (Симанский) сказал, что ему надо «обрусеть» в провинции. Это, по-видимому, спасло о. Бориса от репрессий тех лет. Вначале он получил назначение в Кострому, затем с 1953 по 1960 год служил в Херсоне настоятелем собора и Секретарем Херсонской епархии. Это был расцвет церковной деятельности о. Бориса. Он строил новые храмы, освящал престолы (это в ТЕ годы!). Многих мальчиков привел в алтарь, направил в Одесскую семинарию. Теперь они стали священниками, а один – епископом.

С 1960 по 1962 год о. Борис Старк служил в Рыбинске, с 1962 года – в Ярославле, настоятелем кафедрального собора. Протоиерей Борис Старк был удостоен высшей награды русского духовенства – Патриаршего креста.

Со своей супругой Наталией Димитриевной о. Борис прожил в полной любви и согласии более 66 лет, вырастив троих детей. Господь благословил их 10-ю внуками, и 9-ю правнуками. Два сына о. Бориса – ныне священники Ярославской епархии; в разные годы они служили также на приходах Бельгии и Ливана... Он скончался после тяжелой болезни, на Святой седмице, в день памяти вифлеемских младенцев-мучеников, 11 января 1996 года». ²

² См. кн. Архимандрит Софроний (Сахаров) Письма близким людям. Москва. Издательство «Отчий дом» 1997. «Вступление», с. 6–8.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Письма прот. Бориса Старка из архива монахини Елены

Дорогая Елена Ивановна. Спасибо за память и поздравление. Взаимно поздравляем со светлым праздником Рождества Христова и шлем самые добрые и искренние благопожелания к наступающему Новому 1978 году. Я тоже с большой радостью вспоминаю нашу встречу этим летом. Надеюсь, что в новом году вновь удастся повидаться! Жизнь наша течет по-прежнему. Николай с семейством все еще с нами, что, конечно, создает трудности, но что же поделаешь? Служить делается труднее из-за того, что и стоять и ходить делается трудно.

Хорошо, что у Николая машина, и по дороге в свою церковь он подвозит меня в собор и потом подбирает на обратном пути – это сберегает мне силы. Да хранит Вас Господь Бог. Всегда молитвенно помню Вас и Ваших близких.

Искренне любящий о. Борис Старк.

* * *

Милая Елена Ивановна. Сердечно благодарю Вас за память и поздравление. Взаимно поздравляю Вас и со светлыми и радостными праздниками Рождества Христова и с наступающим Новым 1977 годом. Для нас это будет год юбилейный – полвека нашего с Вами знакомства. Очень надеюсь, что смогу в Мае или начале Июня побывать в Ленинграде и наконец повидаться с Вами. Наш класс будет отмечать тоже 50 лет своего выпуска из школы, и в связи с этим я очень надеюсь быть в Ваших краях. После того, как во время отпуска я не попал в Ленинград, неожиданно в самом конце Августа или в середине, в общем, через несколько дней после Вашего отъезда, я все же оказался в Ленинграде на 5 дней, из которых один провел на острове Валааме у преподобных Сергия и Германа, с которыми был связан 40 лет и вот впервые попал туда. Хотя монастырь после войны и закрыт, но впечатление вы-

несли огромное и большое духовное удовлетворение. При случае расскажу поподробней. Очень рад, что Ваше путешествие прошло хорошо во всех отношениях и что смогли поделиться с зарубежными коллегами своими достижениями. С большим интересом узнал про концерт хора имени А. Юрлова. У нас они тоже дали два концерта, но пока «пристрельные». Сперва 19 Января 76 г «Реквием» Верди. На этом концерте были и Владыка Митрополит, и я, и отец Михаил, и наш протодиакон Сергей. Нас очень радушно встретили и потом пригласили в директорскую комнату, и солисты попросили у нас разрешения с нами сфотографироваться. Потом дали еще один концерт осенью, но это было под праздник, и я служил, а Митрополит поехал с протодиаконом. Программа была еще более «духовная», они нам говорили, что надеются к нам приехать и с полностью духовной программой Веделя, Бортиянского, Архангельского и др. Т.к. концерт был устроен Филармонией, то мы все были не в «форме», а частными людьми. У меня сохранился лишний экземпляр этой фотографии, и я Вам ее для курьеза присылаю. Впечатление от Реквиема было очень большое. Все знают Моцарта, а вот Верди я слышал впервые. Пел хор имени Юрлова и оркестр был нашей Филармонии, почему дирижировал не Ухов, а наш Барсов. Наш младший – о. Николай – наконец нашел себе квартиру, и после Николиного дня они переехали туда, и мы к праздникам остались с Матушкой вдвоем. Надо сказать, что 7 месяцев колхозной жизни в нашей маленькой площади /в том числе 3 малышей/ было для нас несколько утомительно. Все ж мы уж трижды пражеды... А тут еще приезжала из Харькова старшая внучка со своим младшим сыном, и нас стало 9, в том числе 4 малышей. Теперь немного приходим в себя. Перенес на ногах грипп и потом за это расплатился, осложнилось воспалением почек и пузыря и сильно обострился артроз, так что часто хожу, как утка, хромая на обе ноги. Стоять долго едва выносимо, а когда праздничные архиерейские службы, а перед ними еще ранние, то приходится быть на ногах по 6 часов, после чего, еле добредя до дома, лежу до вечера. С нетерпением жду весны, т.к. с годами зиму все

меньше и меньше уважаю. Сейчас занят праздничными письмами и годовым отчетом по собору. Надеюсь весной повидаться. Передаю Вам привет и поздравление от Матушки. Да хранит Вас Господь Бог. С любовью о Христе.

* * *

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ

Милая Елена Ивановна. Сердечно поздравляю Вас со светлым праздником Воскресения Христова и шлю Вам из нашего древнего Ярославля троекратное Пасхальное целование. Очень надеюсь побывать в Ленинграде в середине Июня, но в то же время боюсь, как бы кадровый кризис опять не сорвал бы нам график отпусков, как в прошлом году, когда я его получил только в конце Ноября. Зима прошла очень тягостно. Сперва вышло из строя отопление и мы вдвоем остались без него при 30 мороза на улице. Так провели 5 дней. Потом позамерзали трубы водопровода в погребе и полопались. 3 недели были без воды, да и сейчас она чуть капает, т.ч. весь день приходится набирать ведра для питья и еды, а ночью напускать ванну для технических нужд. Купаться при таких условиях невозможно. Теперь новая «радость» – забился канализационный колодезь и залило весь погреб, который пришлось срочно эвакуировать. Сейчас сыновей нет, мне этим делом заниматься не под силу, а нанять человека для такой работы не так-то легко. Это волнения, так сказать, бытовые. Кроме того, и в плане болезней было много волнений. Дочке в Харькове велели срочно делать операцию, опасаясь рака. Она приехала к нам, и по счастью наши врачи этот диагноз не подтвердили.

Она прожила у нас под наблюдением 3 недели, забыв, что она мама и трижды бабушка, отсыпалась, отъедалась, прибавила 4 1/2 кг, отдохнула душой. Семейство о. Николая тоже всю зиму болело и большую часть зимы провело у нас, т.к. в деревне врачебной помощи нет и страшно с больными детьми.

А у нас все же очень тесно: и им неуютно быть не у себя, и нам старикам, утомительно, уж не говоря о бедном о. Николае, который мотался все время между приходом и Ярославлем.

Теперь пытаемся перетащить его в Ярославль, но это требует много нервовтрепки, и опять встанет вопрос: где жить?

Видимо, придется, как в свое время, мне брать ссуду и что-то покупать, а пока опять-таки жить у нас. Михаил теперь от нас в 40 км, бывает очень редко и налетом. Там у него много работы, а с летними днями будет еще больше, т.к. приход привлекает очень много приезжих и со всех концов области и из Костромы, Москвы и Ленинграда. Много туристов как наших, так и иностранных. Не теряю надежды все же повидаться. Да хранит Вас Господь Бог. Жена шлет искренний привет.

С любовью о Христе о. Борис Старк.

**К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРХИМАНДРИТА
ВИКТОРА (МАМОНТОВА)**

НАТАЛИЯ БОЛЬШАКОВА

ВЕСТНИК ЛЮБВИ

Я познакомилась с отцом Виктором (Мамонтовым) 20 лет тому назад, в 1988 году. Для христиан в СССР это было радостное время надежд на обновление жизни, на религиозную свободу, на «реабилитацию» Церкви в глазах общества. Происходили невероятные события: М. С. Горбачев (в то время – глава государства) принимает у себя святейшего патриарха Пимена; празднование 1000-летия крещения Руси проходит открыто, широко и довольно подробно освещается в средствах массовой информации. Отдел по делам Религии еще не упразднен, но уже не так давит; на экранах телевизоров появляются храмы, православные хоры исполняют церковные песнопения и в некоторых передачах появляется духовенство. С 1989 года разрешено ввозить в страну любую христианскую литературу в любом количестве!

Отец Виктор в те годы часто приезжал в Ригу из Карсавы, потому что был духовником Рижского женского монастыря. Он проводил в монастыре по несколько дней, где мы с ним и встречались, обсуждая наши планы и начинания. Это было время духовной весны.

Мы получили письменное благословение митр. Рижского и Латвийского Леонида (Полякова) на возрождение деятельности существовавшего в Латвии в 30-е годы Петропавловского братства. Отец Виктор не раз участвовал в собраниях братства, проходивших – при владыке Леониде – в нижнем храме, тогда кафедраль-

ного, Троицкого собора на ул. Кр. Барона на территории монастыря. Батюшка также горячо поддержал создание нами, мирянами, воскресной школы в интернате для детей, говорящих на русском языке, подарил детям прекрасную старинную икону; мы подробно обсуждали с ним план катехизации и занятий с детьми.

Батюшку радовали и вдохновляли и духовное пробуждение людей, и открывающиеся возможности нести Благую Весть в мир. Главным в его пастырском служении всегда было воцерковление христиан, их сознательное соучастие в таинствах Церкви, соби́рание верующих в общину, в духовную семью, где каждый – участник Трапезы Господней.

«Священнодействие совершается на Евхаристии не личной молитвой, а когда все вместе собираются в Церковь, все молятся, все сознательно и реально участвуют в священнодействии. Предстоятель должен молиться не вместо народа, а вместе с народом. Вот почему опущение совместных молитв в таинстве Евхаристии и превращение их в тайные является недопустимым. Они вовсе не тайные, а явные, в них постоянно повторяется слово «мы», что означает совместную молитву предстоятеля со всем собранием верных».¹ Отец Виктор часто говорил, что дело не в количестве молящихся: община может быть маленькой – три человека, десять, тридцать. Но важно, чтобы члены ее знали друг друга и пребывали в любви.

«Если мы хотим действительного возрождения евхаристической жизни, мы должны обрести понимание Церкви как Евхаристии, как организма любви».²

Все свои силы, всю душу и время вкладывал отец Виктор на протяжении многих лет в церковное служение, в то, чтобы к христианам «вернулось осознание сущности Евхаристии как Трапезы единения и любви»³, чтобы «восстановить опыт Церкви как

¹ Архим. Виктор (Мамонтов) «О Евхаристическом возрождении». «Христианос-III». Рига, 1994. С. 73

² Там же, с. 74.

³ Там же, с. 74.

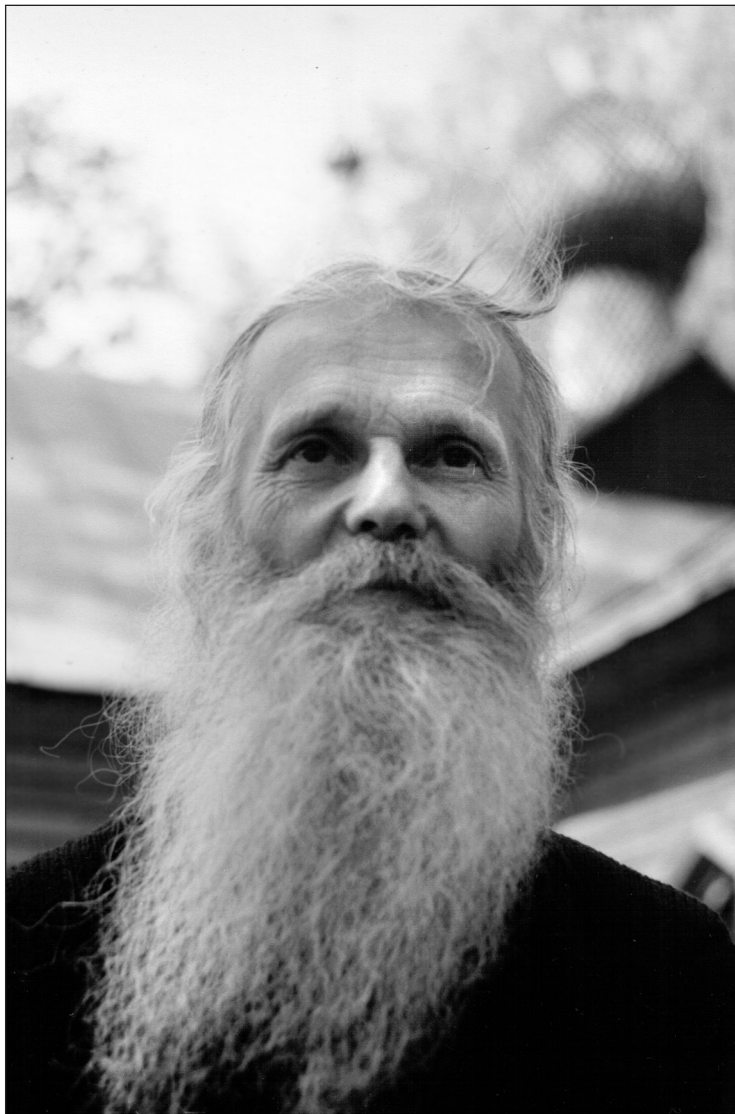
общины, возродить в сознании верующих исчезнувшее понятие общины...»⁴.

Несмотря на трудности на этом пути, служение о. Виктора принесло и приносит ощутимые плоды: многие проснулись от духовного сна, почувствовали личную ответственность за Церковь, родились живые духовные семьи, основанные на братском единении во Христе, коренящемся в таинстве Евхаристии.

...Сколько лет прошло, а я очень хорошо помню свой первый приезд в карсавскую общину. Когда сойдя с автобуса, я подошла к храму, уже наступили осенние сумерки, было серо, промозгло, шел дождь. Открыв тяжелую деревянную дверь с кованой ручкой и переступив порог, я оказалась не просто в другом пространстве, а, словно, – в другом измерении. Здесь царили красота, покой, радость. Свет лампад и немногих свечей освещал бревенчатые стены, резные деревянные колонны и аналои, иконостас с дивными ликами Богоматери, Спаса, Иоанна Крестителя. Свет лампы под плетеным абажуром освещал несколько фигур на правом клиросе. Уже началась вечерня. Читали 103-й псалом. Больше в храме никого не было, но служили полным чином, ничего не сокращая, неспешно и благоговейно. Все было так значительно, что казалось, самое главное сейчас происходит именно здесь. В какой-то момент и меня привлекли к чтению, и с тех пор я чувствую себя членом этой общины, хотя и не всех братьев и сестер этой сильно разросшейся семьи я сегодня знаю по именам. Но мы все объединены Евхаристией, молитвой и заботой друг о друге, мы составляем Церковь, Тело Христово, а образ Главы Тела есть священник, предстоятель и отец.

Отцу Виктору удастся объединять людей, потому что он ведет их к источнику единения – Иисусу Христу. В его вере, в живых и личностных отношениях с Богом, в личной подвижнической жизни – неотразимая сила его проповеди. А главной «движущей силой» служения отца Виктора является любовь. Макарий Великий

⁴ Там же, с. 75.

Архимандрит Виктор (Мамонтов), г. Карсава

говорил, что молитва рождается от любви. И поистине – дерзновение молитвы о. Виктора рождено дерзновением любви. Это – призвание отцовства, священства, сама сущность которого есть сострадательная любовь. И самое истинное богословие, приближающее нас ко Христу, свидетельствующее о Нем, помогающее как-то почувствовать подвиг Его жертвенной Любви, – есть «богословие любви», явленное и являемое нам в жизни добрых пастырей.

Почему нам дороги, более других, люди, которых мы, возможно, никогда и не видели, но встретились с ними духовно, – отец Алексей Мечев, отец Александр Ельчанинов, архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), отец Таврион (Батозский), отец Александр Мень, владыка Антоний (Блум), брат Роже Шютц – потому что мы каким-то образом ощутили их любовь, и она дает нам радость, силы жить, укрепляет, спасает.

Любовь – это то, чего больше всего жаждет душа человека, на что всегда откликается. Дефицит любви в мире – самый острый, имеющий трагические последствия, дефицит.

Потому и едут к отцу Виктору люди из разных уголков Латвии, из России, Западной Европы, из Америки – разных возрастов, социальных слоев, верующие и неверующие, христиане разных конфессий – чтобы погреться у очага любви, горящего в маленькой Карсаве, где условия жизни (особенно в холодное время года) самые аскетичные, где на улицах частенько ни один фонарь не горит.

Но сколько счастливых, светящихся глаз, сколько вдохновения и желания изменить свою жизнь видела я в людях, вернувшихся из Карсавы. Да и для моих близких встреча с о. Виктором имеет такое значение, которое трудно переоценить. Батюшка крестил мою маму, 75-летнюю еврейку, сформировавшуюся в атеистическом обществе, не имевшую никакой веры, никаких понятий о духовной жизни, но при этом почему-то с предубеждением относившуюся к Церкви. Ее нельзя было ни в чем убедить словами. Но в один из приездов о. Виктора к нам, я пригласила маму, они по-

знакомились, заговорили о литературе. Батюшка, с его вниманием к человеку, понял, что маме может быть интересно, и они увлеченно заговорили о поэзии Максимилиана Волошина. Мама ушла радостная и потом говорила мне, что такого человека она никогда в жизни не встречала. О Боге они в ту первую встречу не говорили, никаких духовных тем не касались. Но любовь, исходившая из батюшкиного сердца, наполненного Богом, нашла отклик в сердце мамы. С этой встречи начался ее духовный путь. Вскоре батюшка пригласил маму приехать к нему. Она поехала к полюбившемуся ей человеку, а попала в общину, в церковную семью, где о ней заботились, ее встречали и провожали, и где она могла увидеть необычные отношения между людьми. Это уже были не слова. Мама задумалась, почему люди в общине так относятся к ней, друг к другу, к батюшке – искренне, тепло, бескорыстно, стараются послужить друг другу. У нее появились там друзья, она с радостью ехала к о. Виктору, неизменно встречая его любовь и хорошо чувствуя себя среди новых друзей. Впервые в Карсаве стала ходить на богослужения, и однажды ощутила потребность причаститься, сказала об этом батюшке, и он стал готовить ее к таинству Крещения. Община участвовала в крещении мамы и двух маленьких детей, и приняла ее, как младенца, родившегося для духовной жизни, в лоно Церкви. Ни мечтать о таком, ни, тем более, как-то «устроить» и «организовать» такое, невозможно!

Никогда не забуду отношения батюшки к моей покойной сестре, за это я бесконечно благодарна Богу и батюшке. Но об этом можно только молчать.

Мой сын, считая Карсаву лучшим местом на земле, а отца Виктора – святым, привозил к батюшке друзей. Возвращались они счастливыми, окрыленными. Не все из них стали христианами. Но каждый ощутил, что он любим, что ему рады, что существует подлинная жизнь и отношения между людьми, основанные на любви. Один из них, молодой мужчина, сказал, что за всю жизнь у него ни с кем не было такого разговора, как с отцом Виктором.

В присутствии отца Виктора у человека появляется желание стать лучше, чище. Батюшка считает, что исцелить человека, поднять упавшего можно только любовью.

Даже разговор с батюшкой по телефону может изменить жизнь, поднять над болью, над бедой – дать надежду. Дело не в словах, он как будто не говорит ничего особенного, все в том – *как* он с тобой разговаривает: сердцем, полным любви. И слова, исходящие из сердца, наполняются совсем новым, бесценным значением и смыслом, потому что все слова свидетельствуют о любви, и сам голос, порой, слабо слышный в трубке, кажется, соткан из любви, он ласкает, успокаивает, радует. Чувство тепла, радости, неоставленности входит в тебя и помогает жить. Кто не испытал на себе этой отеческой любви, тот не знает, что такое Церковь.

Много лет батюшка несет подвиг молитвы предстательства о сотнях людей, живых и усопших. И батюшку, конечно, молитвенно поддерживают многие и многие миряне, монашествующие, духовенство. Отец Виктор имеет очень большой реальный духовный авторитет, но в его отношениях с людьми нет никакого авторитаризма.

Зато в нем много детскости, искренности, свободы и радости. Думаю, это сокровища его опыта жизни по Евангелию.

Всегда батюшка думает и заботится о других, для него нет «дальних», все – ближние, всех старается одарить, накормить, и не только в трапезной или дома.

Помню, провожала батюшку после службы из церкви домой. В руках у него – подаренная кем-то коробка конфет и пакет с печеньем. Идем по улице, разговариваем, навстречу – молодой человек, здороваются с батюшкой, мы останавливаемся, чтобы угостить его конфетами и печеньем. Идем дальше и угощаем всех встречаемых, здоровающихся с батюшкой, с некоторыми происходит короткий разговор, кого-то батюшка укоряет за небрежение к службам, кого-то просит не пить. Всех знает по именам. Вот мы, наконец, угощаем встреченного человека последней конфетой, батюшка очень доволен, коробка пуста. И тут нас облаивает из-за

забора небольшая собака неопределенной породы. Батюшка останавливается и начинает с ней разговаривать, она перестает лаять и получает от батюшки через забор лакомство.

Как-то, во время личной беседы в его маленьком кабинете батюшка поведал мне радостную новость: «Ты знаешь, все спасутся» – сказал он мне с радостью, как будто эту «новость» ему только что сообщили, и он, переполненный ею, спешит поделиться, передать дальше, чтобы все узнали и обрадовались. «Да, батюшка» – отвечаю я, радуясь. Он продолжает: «*Все* спасутся! И буддисты, и все...» И такая радость на нем сияла, он весь светился, был счастлив, получив это откровение Духом Святым и передал это мне.

Порой приходится слышать от разных людей примерно один и тот же вопрос: как удается отцу Виктору быть таким?..

Попробуем найти ответ в его же словах, в которых, можно сказать, содержится устав христианской жизни: «Христианину необходимо каждый день поддерживать в себе состояние открытости к присутствию Господа.

Уходить с поверхности жизни, где мы подвергаемся постоянно разным прельщениям, в глубину ее – вот то постоянное усилие, которое мы должны совершать.

Нужно возвращаться в свое сердце, в то место, где пребывает Бог и где Он нас ждет.

Когда мы находимся в присутствии Отца, предстоим перед Ним, можно ничего не говорить, только погрузиться в молчание, и в нем может прозвучать Его Слово».⁵

⁵ Архим. Виктор (Мамонтов) «Личность как диалог». «Христианос–XIV». Рига, 2005. С. 203.

В альманахе «Христианос», на протяжении многих лет, начиная с 1-го номера, публикуются статьи, беседы архимандрита Виктора (Мамонтова). Для этого номера мы попросили о. Виктора ответить на вопросы редактора.

Наталья Большакова: Расскажите, пожалуйста, о себе: из какой семьи Вы родом, кто были ваши родители?

Отец Виктор: Я родился 10 сентября 1938 года в селе Новый Ямполь, Зейского района, Амурской области.

Мои родители Авраам Никитич Мамонтов 1899 года рождения, работал директором школы в Приморье. Был репрессирован и умер в лагере в 1943 году.

Мать Вера Дмитриевна Мамонтова 1902 года рождения. Венчались родители в Благовещенске. Родилось девять детей. Сестры Зоя, Валентина, Раиса, брат Владимир живы, остальные умерли. Мама последние годы жизни жила в Южно-Сахалинске, умерла в 1993 году.

Н. Б.: Где Вы учились?

О. В.: В Южно-Сахалинском педагогическом институте с 1955 по 1960 год. По окончании его работал учителем, а позже директором в деревенской школе Сорокопадского района.

С 1962 по 1965 год учился в аспирантуре Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. В 1965 году защитил диссертацию «Драматургия А. Н. Арбузова» и получил степень кандидата филологических наук, затем звание доцента, десять лет преподавал в МГПИ. Был корреспондентом сахалинской газеты «Молодая гвардия». Ныне постоянный корреспондент газеты «Лудзас земе»⁶. Заочно учился в Московской духовной семинарии в начале 80-х годов.

Н. Б.: Кто Ваши учителя?

О. В.: Профессора МГПИ Иван Григорьевич Клабуковский, Алексей Васильевич Терновский, Борис Иванович Пуришев.

⁶ Газета выходит в г. Лудзе (Латвия). (Прим. ред.)

Н. Б.: Кто из людей, встреченных Вами в жизни оказал на Вас наибольшее влияние и чем?

О. В.: Мои студенты педагогического института им В. И. Ленина. Недавно от одной из бывших студенток я получил «Словарь православных терминов» с надписью «Виктору Авраамовичу Мамонтову от Марины Боровиковой. Никогда не забуду Ваши лекции – мысли о жизни, о светлом, о духовном. 15.05.05.»

Старцы архимандрит Косма, архимандрит Таврион, архимандрит Серафим, протоиерей Николай Гурьянов, архимандрит Зинон (Теодор), игумены Пюхтицкого монастыря м. Варвара (Трофимова). У них было духовное сияние.

Н. Б.: Кто из писателей, богословов, мыслителей, философов оказал на Вас «формообразующее» влияние и почему?

О. В.: Ф. М. Достоевский, А. И. Цветаева, М. Волошин, Н. Бердяев, С. Аверинцев, В. Распутин, В. Соловьёв. Это мудрые и глубокие мыслители, умеющие открывать смысл человеческой жизни.

Н. Б.: Как Вы стали христианином?

О. В.: Меня в 1971 году крестил в Москве у себя на дому священник о.Дмитрий Дудко.

Незадолго до его смерти я побывал у него и он мне подарил свою книгу «Подарок от Бога», сделав надпись: «архимандриту Виктору с любовью. Спасибо Вам за память.

Священник Дмитрий Дудко. 27 сентября 2000 года».

Н. Б.: Как у Вас, филолога, преподавателя родилось желание посвятить себя пастырскому служению?

О. В.: Пастырское служение выше, чем служение литературе.

Н. Б.: Когда почувствовали призвание к иночеству, монашескому пути?

О. В.: Побывав в 1975 году в Почаевской Лавре, я почувствовал себя не на земле а на небе. Я стал послушником, пел на клиросе. Но потом стукачи выгнали из Лавры, не понравилось, что у меня высшее образование и что я хорошо проводил экскурсии в монастыре.

Я приехал в село Ракитное к старцу архимандриту Серафиму (Тяпочкину), который меня направил к митрополиту Рижскому и Латвийскому Леониду (Полякову), сказав: «Он будет вам как отец».

Митрополит Леонид 13 февраля 1980 года в домовой церкви преподобного Серафима Саровского в Рижском женском монастыре, постриг меня в монашество, дав имя Виктор, потому что в этот день его память. Владыка благословил меня быть духовником Рижского женского монастыря.

В 1982 году владыка направляет меня служить в Свято-Евфросиниевский храм г. Карсава и ещё на три прихода Голышевский, Пудинавский, Квитенский.

Возводит в сан иеромонаха, потом игумена и архимандрита.

Н. Б.: Как Вы понимаете монашеский путь?

О. В.: Монашеский путь – это жизнь не по горизонтали, а по вертикали – полная устремлённость к Богу, никакого рассеяния.

Н. Б.: В чём его особенность, отличие от жизни христианина-мирянина.

О. В.: Монах ведёт строгий образ жизни, отказывается от жизненных удовольствий.

Н. Б.: Какие качества, по-вашему, должны быть присущи пастырю?

О. В.: Пастырь должен быть добрым. Так сказал о себе Иисус Христос.

Недавно А. Лукаш из Харькова в письме ко мне написал «Вы вестник любви».

Н. Б.: Какой вид творчества Вам наиболее близок и почему?

О. В.: Писание духовных книг. Они вдохновляют на христианскую жизнь множество людей. В Москве изданы мои книги «Сердце пустыни», «Таинство детства», «Таинство жизни», «Господь – пастырь мой».

Мои очерки о жизни замечательных людей регулярно публикуют в московском журнале «Встреча».

Н. Б.: Что приносит Вам наибольшую радость?

О. В.: Общение с хорошими людьми.

Н. Б.: О чём больше всего скорбите?

О. В.: Видя, как человек сам себя разрушает пьянством и курением.

Н. Б.: Какие качества Вы более всего цените в человеке?

О. В.: Доброту и искренность.

Н. Б.: Что в человеке вызывает у Вас наибольшее сожаление и горечь?

О. В.: Злоба и лень.

Н. Б.: Что такое молитва?

О. В.: Молитва – это обращение к Богу, святым, содержащее просьбу, благодарность, восхваление.

Н. Б.: Как Вы понимаете любовь?

О. В.: Любовь – это чувство глубокой привязанности, сердечной склонности к кому-либо, к чему-нибудь. Нужно любить Бога и ближнего.

Н. Б.: Счастливый Вы человек?

О. В.: У меня есть чувство и состояние полного, высшего удовольствия.

Н. Б.: Как жить христианину в современном мире, не порывая с ним, но в то же время стремиться к Царству Небесному?

О. В.: Рыба плавает в океане в солёной воде, но соли в рыбе нет. Так и христианин, живя в этом мире, где разлитие зла, не должен его впускать в себя. Тогда Царство Небесное будет в нём.

Н. Б.: Что такое для Вас христианство? Церковь?

О. В.: Христианство – это жизнь с Богом. Церковь – это не религиозное учреждение, а духовная семья, в которой люди живут с Богом и в любви друг с другом.

Карсава. Июнь 2008 г.

Архимандрит ВИКТОР (МАМОНТОВ)

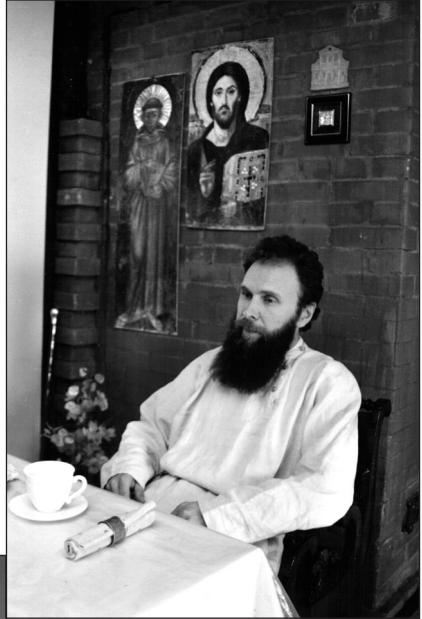
ИКОНОПИСЕЦ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ

Впервые я увидел отца Зинова в Троице-Сергиевой Лавре.

Я вошел в монашеский корпус, где в маленькой келье жил отец Зинов. Постучался в дверь и, услышав ответ, вошел.

За маленьким столом сидел отец Зинов и писал икону. Фон ее он вызолачивал тонкими, как папиросная бумага, пластинками сусального золота. Их невозможно было брать пальцами, батюшка прикасался к ним шерстинками из беличьего хвостика. Батюшка писал иконы натуральными красками, а не анилиновыми. Ему привозили камни – лазурит, малахит. Он дробил их, затем клал на матовое шершавое толстое стекло, брал в руку каменный пест в виде половины большого яйца и растирал камешки, превращая их в муку. Разбивал куриное яйцо, отделял белок от желтка и в желток клал пигмент, тщательно размешивал. В белый пигмент он добавлял тщательно растертый горный хрусталь. Когда это все потом появлялось на иконе, от иконы исходило сияние.

Для белил батюшка брал свинец. Кусок свинца он расплющивал, превращая в ленту, потом скручивал ее, превращая в спираль, брал ведро, клал на дно конский навоз, на ведро клал железный прут и вешал на него привязанную на веревочку свинцовую спираль, ведро закрывал крышкой. Свинец окислялся, на его поверхности появлялась белая пудра. Батюшка вынимал из ведра спираль, соскребал эту пудру на бумагу, а затем высыпал ее в стеклянную баночку. Когда ее берешь в руку, ощущение, что ты взял гирьку. Икона называлась Одигитрия (Путеводительница). На мафории коричневого цвета, там, где плечи, батюшка сделал две звезды, по виду похожие на снежинки. Он брал клейкую вытяжку из чеснока и кисточкой наносил рисунок, делал хлебный мякиш, прикасался им к сусальному золоту, а затем прикладывал его к невидимому рисунку, так рождались эти звезды.

Отец Зинов, д. Гверстонъ

Эту икону отец Зинов подарил мне. Я не просил ее, это было пожелание его сердца. Я принял икону, и она уже много лет висит в святом углу моей кельи, и я всегда с благодарностью вспоминаю моего дорогого благодетеля.

В келье отца Зинона стояло большое деревянное распятие, перед которым он на коленях молился.

В иконописании ему очень помогла иконописица Мария Николаевна Соколова (монахиня Иулиания⁷), она жила в Лавре и к ней отец Зинов приходил учиться иконописанию. Зинов был ей очень благодарен за ее неоценимую помощь. Она его сделала иконописцем высшего уровня.

Затем отец Зинов перешел в Даниловский монастырь, где расписал иконостас в храме. К нему приехал из Пскова Всеволод Петрович Смирнов, который занимался ковкой, и привез выкованное им паникадило, оно очень украсило храм.

Потом отец Зинов уехал в Псково-Печерский монастырь и жил там на горке (так называется это возвышенное место за храмом со звонницей). В звоннице у него была небольшая келья. В нее однажды забежала белочка, и батюшка из соломы устроил ей гнездо, где она спала, а иногда подбегала к батюшке, по подряснику влезала на него и ложилась в его теплую руку, свернувшись калачиком. Отец Зинов ощущал биение ее сердечка.

Однажды отец Зинов возле окна кельи увидел несколько птенцов, выпавших из гнезда. Он взял желторотиков в келью и кормил их мухами, которых ловил пинцетом на окне. Когда он прогуливался зимой по монастырскому двору, к нему прилетала синичка и садилась на ладонь.

На горке отец Зинов построил небольшой деревянный храм из ошкуренных бревен, цвет его был медовый. Построил и иконописную мастерскую.

⁷ См. о М. Н. Соколовой: Ирина Языкова «Подвиг верности и веры. Жизнь и творчество инокини Иулиании (М. Н. Соколовой)». «Христианос-XIV». Рига, 2005. С. 255–277. (Прим. ред.)

Его иконописным шедевром стал иконостас в надвратном храме преподобномученика Корнилия. Здесь он и произносил замечательные проповеди.

Отца Зинова почитал старец монастыря Иоанн Крестьянкин и старец Сергей, немощный, которого батюшка выводил на прогулку в монастырский двор, бережно держа его под руку. Он навещал его в келье, когда тот сильно занемог и лежал на кровати. Батюшка, как добрая сиделка, часами просиживал в изголовье и утешал тем старца.

Потом отец Зинов перешел в Мирожский монастырь в Пскове, где построил хорошую баню для монахов. Обновил храм архидиакона Стефана-мученика.

Возникает желание удалиться из монастыря. Батюшка обретает место – деревню Гверстонь у самой границы с Эстонией. Дед, который жил в этом месте, покинул его и оставил батюшке свой ветхий дом. Батюшка его обновил, устроил там иконописную мастерскую. Построил небольшой храм из природных камней, в котором совершал службы. К нему приезжало много людей из Латвии, и батюшка всех радушно принимал, устраивая трапезы на улице.

Отец Зинов прекрасный кулинар. В его кухне на полках в стеклянных баночках было много разных специй. Он пек белый хлеб, очень вкусный и пышный, едоки его воспринимали как лакомство.

Он сделал замечательный рисунок на обложку альманаха «Христианос», который выходит в Риге.

В храме прп. Сергия Радонежского в Семхозе, построенном на месте убиения отца Александра Меня, батюшка написал замечательные фрески вместе со своими помощниками – монахами Петром и Павлом. Из Москвы приезжают паломники в этот храм и часами любуются ими.

Для нашего храма преподобной Евфросинии Полоцкой отец Зинов написал несколько икон: Деисус, Нерукотворный Спас, Воскресение, на которой жены-мироносицы идут к Гробу Господню, где лежат пелены как свидетельство Воскресения. Икона написа-

на на золотом фоне. Ее так започитали прихожане, что в одном месте позолота исчезла. Надо теперь искать златоустов в городе, чтобы они пришли в храм и приложились к иконе.

Отец Зинов писал фреску в алтаре храма в Шеветони⁸ – Господь Вседержитель.

Он сделал прекрасные настенные росписи святых в трапезной Балаамского подворья в Финляндии.

Однажды в Мирожский монастырь к батюшке приехали иконописцы из Италии, среди них был священник. Отец Зинов решил им служить мессу, за что получил нагоняй от епископа Евсевия. Он запретил отца Зинона и его двух монахов в служении. Отец Зинов написал патриарху Алексию прошение о помиловании, его кто-то положил в карман его святейшества. Вскоре последовал указ о снятии прещения. Батюшка начал служить. Большой радостью для батюшки было вручение ему Государственной премии за иконописание. Деньги отец Зинов не взял себе, а пожертвовал их Московской Свято-Филаретовской православной школе. Потом батюшка удалился в Австрию, где ему предложили расписать храм. Сейчас он находится на горе Афон, где пишет фрески и иконы.

Возможно, он опять возвратится в Гверстонь и будет продолжать свои служения – иконописца и священника. Гверстонь как магнит, куда тянутся многие люди. И дай Господь, чтобы служение батюшки продолжалось на радость всем, кто любит его и почитает.

⁸ Бенедиктинский монастырь Святого Креста в Бельгии.

**ПАМЯТИ СВЯЩЕННИКА
ГЕОРГИЯ ЧИСТЯКОВА**

*Отец Георгий Чистяков
(1953 – 2007)*

ТАТЬЯНА ПРОХОРОВА

МЫ НЕ ПРОЩАЕМСЯ

Татьяна Прохорова родилась и живет в Москве. Закончила МГУ, кандидат филологических наук. Прихожанка и духовная дочь священника Георгия Чистякова с 1996 г. Сотрудник Отдела религиозной литературы и изданий Русского Зарубежья ВГБИЛ, который возглавлял отец Георгий. Член группы милосердия Российской детской клинической больницы, где служил о. Георгий. Литературный редактор молодежного христианского журнала «Дорога вместе».

22 июня, в день памяти одного из своих самых любимых православных святых — старца Алексия Мечева, в возрасте 53 лет скончался московский священник Георгий Чистяков. Как написал информационный портал Благовест-Инфо, *скоропостижно* скончался после тяжелой и продолжительной болезни. Отец Георгий в течение трех месяцев страдал тяжелым онкологическим заболеванием мозга, которое переносил с огромным мужеством, но смерть наступила внезапно, в результате инфаркта.

Георгий Петрович Чистяков родился 4 августа 1953 года в Москве. В 1975 году окончил Московский государственный университет по специальности «древняя история и классическая филология», защитил кандидатскую диссертацию на тему «Павсаний как исторический источник», впоследствии он университетский преподаватель, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Семь лет назад, в 2000-м году, давая интервью о своем старшем друге и учителе, убитом в 1990-м священнике Александре Мене, о. Георгий произносит следующее: «Отец Александр был исключительным человеком. Очень ярким, добрым, полным любви. Был открытым по отношению к каждому собеседнику. Все это

делало его замечательным священником. Но были у него качества, которые сделали его исключительным мыслителем. Он был теснейшим образом связан с той средой, в которой сохранились книги с дореволюционных времен, культура и вера. Внутри того микрокосма, в котором он жил, как будто революции и не было».

Эти слова как нельзя лучше характеризуют самого отца Георгия. Историк и филолог – классик по призванию и профессии, он обладал поистине абсолютным историческим слухом и чуткостью к духу времени. На его уникальных по насыщенности и поэтичности лекциях казалось, что те, о ком он рассказывает, будь то античные авторы или русские писатели XIX века – его современники, собеседники и близкие друзья, которых он знает досконально, горячо любит, которым нежно благодарен, с которыми мечтает познакомить своих студентов, чтобы передать им порыв восхищения, чувство благодарности и эстафету любви. Он свободно дышал воздухом любой исторической эпохи и мгновенно реагировал на самые злободневные проблемы современности яркими и порой резкими выступлениями, смелыми проповедями, публицистическими статьями. Древность и современность для него не разделялись непроходимым барьером – он жил сутью времен.

«Христиан объединяет Христос, и больше ничего!» Как и у другого его старшего друга и учителя, митрополита Антония Сурожского, вера отца Георгия была до глубины проникнута ощущением личной встречи со Христом, и эта личная встреча все освещала, была всему основой. Родившись в семье старой московской интеллигенции, *в вере* отец Георгий был воспитан, и вот как он сам рассказывает о своих первых детских религиозных переживаниях: «... я всегда любил церковные праздники, особенно Пасху, которую ждал каждый год с большим нетерпением, готовился к ней, как мог. Любил бывать в церкви, ставить свечи и подавать записочки на обедню, не всегда, но молился, а временами в Воскресенском храме в Сокольниках до часу простаивал на коленях перед Иверской иконой, дома иногда читал акафист святи-

телю Николаю, которого считал покровителем нашей семьи». Но личную встречу со Христом он пережил в возрасте 16 лет при чтении Евангелия, с которым с тех пор и не расставался. Вскоре после этого произошло его знакомство с отцом Александром Менем, первым наставником, приведшим юношу в Церковь: «... в тот день я успел узнать, что идти вслед за Иисусом можно не только в одиночку, но и вместе, ибо именно словом «вместе» называли первые христиане свою общину».

И эта «дорога вместе» – вторая, после личной встречи со Христом, основа его священнической проповеди и всей пастырской деятельности, основа его посвященности людям. Отец Георгий постоянно и каждый раз будто с новым изумлением подчеркивает, что мы, христиане, – одна семья, братья и сестры. Мы такие разные и никогда бы не встретились, если бы не свел нас вместе Христос. И мы должны постоянно держаться друг за друга и поддерживать друг друга, потому что только через взаимопомощь и поддержку осуществимо христианское призвание на земле – следование за Учителем.

Излюбленный девиз отца Георгия, пришедший из западной христианской традиции – «молиться и трудиться». Молиться Богу и трудиться для человека. Его собственная энергия и трудоспособность были феноменальны, а при всех его тяжелых болезнях, являлись реальным чудом. Он это признавал в простых словах: «Бог дает силы». Для него не шло даже и речи, что диалог с Богом для кого-то в принципе недоступен – есть такой шаблон, зачастую прививаемый верующему в современной православной церковной жизни: «я слишком грешен». *Такого* отношения для него не существовало. Просто кому-то может быть трудным прорваться к Отцу, кто-то перегружен проблемами, кто-то имеет какой-то искаженный образ Отца, и надо всем помочь. Помочь прорваться. Помочь вырасти. Помочь пережить личную встречу с Богом. Для этого мы, христиане, и даны друг другу. Для этого он сам, не как какой-то посвященный, вознесенный своим священным саном над простыми верующими, а как брат во Христе, стоит у аналогия с

Крестом и Евангелием. И напутствует почти каждого любимым своим словом «Старайся!». Когда перед ним каялись в не любви к Евангелию, в нежелании или отсутствии времени его читать, он плакал от боли. Для него это был отказ от живой встречи со Спасителем, отказ от самого главного, от единственно главного.

Понимание общинной христианской жизни было для отца Георгия равнозначно предельной чуткости человека к человеку. Вообще, может быть, чуткость была его основным качеством: чуткость к воле Божией и боли человеческой, чуткость к истории и чуткость к современности, чуткость к искусству и чуткость к политике. Отсюда по-возрожденчески всеохватный масштаб личности, энциклопедическая эрудиция и феноменальная память: встречи с книгами и встречи с людьми он проживал не головой, а сердцем. Он воспринимал и впитывал уникальность всего и поэтому никого и ничего не забывал, удивляя своих прихожан тем, что с первого знакомства, с первой исповеди запоминал имена и проблемы, а ведь прихожан были сотни и тысячи. По этой же причине он успевал и успел невероятно много, как если бы заранее знал о краткости предстоящей ему жизни и, подобно святому доктору Федору Гаазу, «спешил делать добро». Он не мог не успеть, потому что нужно было откликнуться на живые нужды живых людей, да еще и заразить, вдохновить детей, подростков, студентов, которые особенно ценили его как духовника и друга, желанием учиться, трудиться, видеть и ценить красоту, которой для него была пропитана вся мировая культура. Вот один только, причем неполный, «послушной список» отца Георгия:

С 1975 преподавал древнегреческий и латинский языки в Московском государственном лингвистическом университете, работал в редакции журнала «Вестник древней истории». В 1985–1997 читал в Московском физико-техническом институте курс лекций по Библии, истории христианства и истории богословской мысли, заведовал кафедрой истории культуры. Преподавал в Московском государственном университете на факультетах психологии и журналистики, в Российском государственном гуманитарном универ-

ситете, в Российском православном университете им. Иоанна Богослова. Читал курс лекций в Московской консерватории. До последних дней преподавал в Католическом колледже св. Фомы Аквинского. Автор курса лекций «Священное Писание и литургическая литература», спецкурса «Методология историко-культурных исследований». Читал лекции в Страсбургском университете, центре «Сен-Жорж» (Париж), Министерстве образования Северной Ирландии, университетах США и Италии.

Был членом Правления Российского библейского общества, председателем Комитета по научной и издательской деятельности; членом Международной ассоциации исследований по патристике; членом Попечительского совета Общедоступного православного университета им. А. Меня; членом редакционного совета журнала «Истина и жизнь» (Москва), альманаха «Христианос» (Рига), в 1995-2001 газеты «Русская мысль» (Париж), журналов *La Croix*, *Hrier*, *La Priere*, газеты *Le Monde* (Франция), Центра *Russia Ecumenica* (Италия, Рим), издательства *Casa di Matriona* (Сериате, Италия). В 1997-2003 гг. – член правления Института «Открытое общество». Член Совета по единству христиан (Ватикан), Центра *Russia Cristiana* (Италия, Бергамо), Редакционного Совета журнала *La Nuova Europa* (Италия), Центра русских исследований и Славянской библиотеки в Лионе.

Отец Георгий – автор семи книг, более 200 публицистических статей, переводов Плутарха, Полемона, Павсания, Тита Ливия, Макиавелли с древнегреческого, латыни и итальянского.

В 1992 г. рукоположен в диакона, а 25.11.1993 – в пресвитера. С тех пор постоянно служил в московском храме свв. Космы и Дамиана в Шубине (в Столешниковом переулке). Помимо этого являлся настоятелем храма Покрова Пресвятой Богородицы при Российской детской клинической больнице, где, как правило, служил по субботам.

С сентября 1999 года возглавлял отдел религиозной литературы (позже переименованный в Научно-исследовательский центр религиозной литературы и изданий Русского зарубежья) Всерос-

сийской государственной библиотеки иностранной литературы. Активный участник и вдохновитель многочисленных проектов Института толерантности ВГБИЛ.

С героическим, по слову настоятеля храма свв. Космы и Дамиана в Шубине протоиерея Александра Борисова, служением отца Георгия в РДКБ связана еще одна грань его чуткости и всеобъемлющей сопричастности – чуткость к человеческой боли. Христианин должен проходить боль без анестезии, – этим опытом он делится в статье «Нисхождение во ад». Почему умирают дети? «Зачем все это? Не знаю. Но знаю, что Христос соединяется с нами в беде, в боли, в богооставленности – у гроба умершего ребенка я чувствую Его присутствие. Христос входит в нашу жизнь, чтобы соединить нас вместе, чтобы мы не остались в момент беды один на один с этой бедой, как некогда остался Он. Соединяя нас в единое целое перед лицом беды, Он делает то, что никто другой сделать не в силах. Так рождается Церковь».

И еще одна грань личности, еще один постоянный и вдохновенный призыв его проповедей – не бояться! «Евангелие учит нас не бояться». У него не было никакого страха, как не бывает его у ребенка, всецело доверившегося Отцу. Не героизмом, а детской открытостью Христу и любовью к Евангелию питалось его бесстрашие. Отец Георгий – яркая публичная фигура. У него постоянно берут интервью. Его постоянно приглашают различные телеканалы, потому что его слова всегда неожиданны, парадоксальны. Его мнение нельзя просчитать заранее. Оно не совпадает ни с какими официальными установками, которые можно как-то прогнозировать. Его отношение к любой обсуждаемой проблеме всегда вдумчиво. Он не рубит сплеча, не показывает и не ощущает превосходства ни над каким собеседником, он может честно и внезапно признаться: «Я не знаю. Это слишком трудный вопрос», – на что-то, на что любой школьник имеет готовое «правильное» решение. И это заставляет аудиторию задуматься и от неожиданности растерять привычные штампы. Он мог кого-то покорять, а кого-то раздражать своей эмоциональностью, ра-

нимостью, накалом своего бытия. Но боязни быть собой в нем никогда не было.

Его защита толерантности, по меткому слову свящ. Якова Кротова, включает в себя «нетерпимость к нетерпимости». Иными словами, ему больно, когда другому человеку причиняют боль, прикрываясь какими угодно законными основаниями. Он считает это абсолютно недопустимым и борется за признание этой недопустимости. Он встает на защиту всех, кого притесняют. В одной критической заметке его назвали «рыцарем толерантности», полагая это оскорблением. Скорее, это был комплимент. Рыцарство было ему в высшей степени присуще.

По той же причине уважения и бережности к человеческой личности, парадоксально, но совершенно для себя лично закономерно, он, член потомственного рода военных (далекий предок отца Георгия получил дворянство при Елизавете Петровне, и с той поры прослеживается генеалогия рода Чистяковых, все представители которого в досоветские времена состояли на царской военной службе) принципиально и горячо выступает против войны во всех ее проявлениях. В статье «Война глазами христианина» отец Георгий пишет: «Если войны былых времен непременно кончались победой одной и поражением другой стороны, то в сегодняшних войнах ни побед, ни поражений не бывает. В тех войнах, что ведутся теперь, возможен только момент, когда вдруг всем оказывается ясно, что война завела стороны в тупик, выход из которого может быть найден только после прекращения огня и разведения воюющих сторон. Победы возможны теперь только дипломатические».

Благодаря своему чувству сопричастности каждому человеку и ощущению христиан как единой семьи, благодаря своей сопричастности как славянской, так и античной и западноевропейской культуре, он стал, был и остается *человеком неразделенной Церкви*. Так назвала отца Георгия культурный атташе представительства Ватикана в РФ Джованна Парравичини. Его богословские статьи, молитвенный опыт, его книга «Господу помолимся» пронизаны

одинаково горячей любовью к литургическим традициям Запада и Востока, одинаково глубоким знанием и одинаково бережным отношением к обеим.

И, наконец, он был человеком радости. Совсем незадолго до своей последней, страшной и трагической болезни, отец Георгий внезапно сказал своим сотрудникам в Отделе религиозной литературы ВГБИЛ: «Вот, я умру, и обо мне скажут и напишут много серьезных и высоких слов, и это будет совсем другой человек. Совсем не я. Никто же не будет говорить о моем чувстве юмора, никто не вспомнит, как я любил пошутить, посмеяться, повеселиться». И в последнем своем письме к приходу, написанном уже из больницы к празднику Пятидесятницы, отец Георгий восклицает: «В этот день мне хочется особенно сказать вам, как во время болезни глубоко и по-новому я понял слова апостола Павла «Всегда радуйтесь!» Радость, которую «никто не отнимет от вас», – это особенный дар, который Иисус даровал нам, христианам, как говорится в Его прощальной беседе с учениками в Евангелии от Иоанна. Радость поистине делает нас другими людьми, новыми людьми, которые все переживают по-новому. Нельзя заставить себя радоваться даже самыми сверхчеловеческими усилиями воли. Радость – это действительно дар, поэтому будем благодарить Бога за то, что мы одарены Им радостью».

Теперь же, в связи с кончиной отца Георгия, или – по выражению особенно любимой им католической святой, маленькой Терезы из Лизье – в связи с его *рождением на Небесах*, хочется вспомнить и другие слова апостола Павла: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор 9:22). И еще: «... ни смерть, ни жизнь ... ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8:38–39).

Ни *смерть*, ни *жизнь* не может отлучить нас от любви – и мы не прощаемся с тобою, дорогой отец Георгий, наш пастырь добрый, отец, друг...

Москва, июнь 2007 г.

Священник ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ

«ПОДВИГОМ ДОБРЫМ Я ПОДВИЗАЛСЯ, ТЕЧЕНИЕ СОВЕРШИЛ...»

Эти слова апостола Павла тотчас пришли мне на память, как только до меня дошла весть о кончине отца Георгия Чистякова 22 июня 2007 года. Ему было 53 года, уже давно он был серьезно болен. Он совершил свой *подвиг добрый* среди стольких других, каждый из которых мог бы заполнить не одну героическую жизнь. Выходец из семьи коренной московской интеллигенции, верный ее «всемирной отзывчивости», но и также духу и традициям Церкви, будущий о. Георгий сохранял на протяжении своей жизни эту двуединую верность, нераздельное призвание. Специалист по классической филологии, ученик и друг отца Александра Меня, он был допущен к служению алтарю лишь в год своего сорокалетия. Ум столь блестящий не всегда бывает ко двору в российской церковной среде. В особенности, когда слишком много даров посылается одному человеку: дар богослова, филолога, журналиста, библеиста, переводчика Святых Отцов, несравнимого проповедника, преподавателя, но, прежде всего, – пастыря милостью Божией. Кажется, он уже родился со знанием того секрета, в который хотел бы проникнуть каждый духовник: умение привлечь человеческие души, без желания обладать ими, с одной лишь ревностью помочь им открыть Христа, дать Ему родиться в их сердцах. К нему на исповедь всегда стояла вереница мужчин и женщин, искавших в огне его души, через его «*cor ardens*», войти в тайну милосердия Божия. Ибо милосердие, «сердце милующее», и было главным его даром. При Республиканской детской больнице, где он занимался тяжело больными детьми, когда и куда бы его ни звали (в отделение гематологии, травматологии, пересадки почки и др.), он сумел открыть храм Покрова Божией Матери. Помимо своего священнического служения в храме Космы и Дамиана в

центре Москвы, именно там, в больнице он подвизался *добрым подвигом*, открывая больным детям, нередко на пороге смерти, чудо присутствия Божия, о котором они чаще всего никогда и не слышали. Заведующий кафедрой истории культуры в одном из университетов Москвы, член Российского библейского общества, глава религиозного отдела в Библиотеке иностранной литературы, автор книг о Евангелии, о литургической молитве и сотен статей, он был живым мостом между христианским Востоком и Западом, пребывающих веками в сложных отношениях взаимопритяжения и отталкивания, длящихся и до сего дня. Это был другой подвиг о. Георгия, невидимый подвиг примирения.

Одна из его книг называется «Римские заметки», своего рода «Прогулки по Риму» Стендаля, но вышедшие из-под пера того, кого Достоевский, возможно, слегка иронически, называл «gentil-homme russe» (о. Георгий всегда напоминал мне какого-то его невоплощенного героя) с его богатством культурной памяти, несущей столько имен, обстоятельств, встреч, «римских древностей». Европа римская, Европа русская, больница, приход, книги, им написанные, проповедь живого Христа *вовремя и не вовремя*, все это вместе соединялось в единое жизненное пространство, наверное, слишком плотное для жизни одного человека.

«Я часто молюсь о тебе, Ежи», говорил ему Иоанн-Павел II, который не раз принимал его у себя, называя дружески на польский манер. Остаются ли они разделенными и ныне, там, где они сейчас?

*Авторизованный перевод с французского
Опубликовано в католической газете
La Croix (Париж) 31 июля 2007 года.*

Постскриптум. Я отдаю себе отчет в том, что этот текст не может удовлетворить людей, знавших и любивших отца Георгия. Но как уместить в дозволенные газетой 3000 знаков суть его личности, основные факты его биографии для людей, никогда о нем не

слышавших? Как ее вообще можно выразить, эту суть? У меня было немного встреч с о. Георгием, но всякий раз мне казалось, что этот человек полон светлого тепла. Что он нес его в себе и был его живым излучением. И вот теперь, когда уже год его с нами нет, ощущение оставшегося от него света становится все более внятным и каким-то проникновенным. День его кончины, 22 июня, это и годовщина моего крещения много лет назад. Отныне к моему празднику примешивается горечь, но и горечь растворяется в празднике, — в празднике, в котором, как говорит наш погребальный обряд, «несть печаль, но жизнь бесконечная».

ЕВГЕНИЙ РАШКОВСКИЙ

**СВЯЩЕННИК ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ:
ЛИЧНОСТЬ, ТЕКСТЫ И СМЫСЛЫ**

*Значит, нету разлук.
Существует громадная встреча.
Значит, кто-то нас вдруг
в темноте обнимает за плечи.*

Иосиф Бродский

То, что предложено вниманию читателя – лишь некоторое предварительное рассуждение об опубликованной части литературного наследия о. Георгия – Георгия Петровича Чистякова (4 августа 1953 – 22 июня 2007) – светлого, на редкость живого и проникновенного человека. Литературное наследие о. Георгия огромно и далеко не всё еще увидело свет. Оно включает научные труды (филологические, исторические и богословские), проповеди, воспоминания, путевые заметки, публицистику и переводы. Однако труд священства, подвиг священства, ставшие главной темой его жизни и мысли, наложили отпечаток на весь характер его мышления. Любой из текстов о. Георгия – созданный ли за письменным столом, или заметки в пути, или проповедническая импровизация в храме – являет собой некое *живое и взволнованное собеседование с людьми*: с амвона, в учебной аудитории, в доверительной обстановке малой группы друзей. Или же – во встрече с читателем один на один.

Голос его невозможно забыть: звонкий, отчетливый, с придыханиями, голос, артикулирующий каждое слово, чередующий ускоренные и замедленные ритмы, временами переходящий от высокого баритона к тенору и даже к фальцету. Голос активного собеседника, умеющего найти особые слова и интонации для каж-

дого из слушателей, таких непохожих друг на друга. Голос, зовущий к ответным мыслям, чувствам и словам.

А уж о богатстве и полновесности русского слова в его устах – не говорю...

К этой условной словесной «фонограмме» можно было бы еще добавить, что его волшебную речь оживляли постоянные улыбки и отточенная, интуитивно выверенная жестикуляция. По счастью, сохранившиеся на DVD хотя бы немногие записи его лекций и проповедей дают некоторое представление об этой речи.

Мне хочется верить, что читатель, лично никогда не общавшийся с о. Георгием и не слышавший его проповедей и лекций, *сквозь тексты* расслышит и полюбит его живую речь – речь без излишнего академизма, но и без упрощительства. Речь, лично обращенную к слушателю (читателю).

Вообще, надобно отметить, что тексты о. Георгия – при всей их доходчивости и простоте – насыщены мыслью, перекрывающей все жанровые разграничения и «приличия». Во время проповеди он мог увлечься каким-нибудь лингвистическим или историческим сюжетом, связанным с библеистикой, церковной историей или даже с историей гражданской (как-никак – мы живые люди, проживающие не только духовную, но и гражданскую историю). В академических текстах он подчас не мог избежать проповеднических интонаций. Всё это может показаться «безумием» или «соблазном» для академического или же церковного пуриста, но это счастье для тех, кто знал и слышал о. Георгия, да и для тех – я уверен, – кому предстоит узнать и услышать его по книжным и журнальным публикациям и по DVD-дискам. Сквозь тексты просвечивает его живая речь, сквозь речь – личность, а через личность – те живые смыслы, которыми конституируется духовный облик человека и духовные пласты межчеловеческого общения.

Короче, сколь дорог был о. Георгию момент *личного контакта* в делах веры, мысли и повседневности, нам еще предстоит поговорить ниже.

Жизненные вехи

Отец Георгий происходил из старой русской интеллигентской семьи. Среди его предков были земские врачи из Тульской губернии. По праву рождения и по праву своего становления о. Георгий был связан со старой интеллигентской Россией, со старой Москвой. Это – та самая среда, которую один из учителей о. Георгия – Сергей Сергеевич Аверинцев – как-то полушутя определил в разговоре со мной как «московскую ойкумену». Вот что вспоминал сам о. Георгий об этой среде: в «странных условиях внутренней эмиграции» эта человеческая российско-интеллигентская среда, «...спрятанная внутри московских дворов и в глубине огромных коммунальных квартир, как это ни парадоксально, дожила до 60-х годов и полностью ушла в прошлое только в брежневскую эпоху, когда в Москве стали ломать заборы между дворами, а потом грохнуть остатки старого города. В эти же годы один за другим начали умирать все эти люди. Теперь их уже не осталось. Особенно грустно то, что в отличие от тех, кто оказался за границей, эмигранты внутри страны не оставили ни дневников, ни мемуаров, ни архивных материалов»¹.

Однако на закате брежневского царствования произошла удивительная вещь: московская (а с нею и питерская) «ойкумена» начала своеобразно возрождаться среди части тогдашней молодой

¹ Чистяков Г., свящ. На путях к Богу Живому. – М.: Путь, 1999. С. 162.

Nota bene для молодого читателя, которого в нынешней России «уберегают» от всяких серьезных знаний об отечественном прошлом. За дневник (точнее, за содержание дневника) можно было в сталинские годы схлопотать 58 статью УК («контрреволюционная агитация и пропаганда») – вплоть до расстрела. Так что ведение искреннего дневника, равно как откровенность в письмах и хранение писем и сочинений репрессированных людей, было делом смертельного риска. Попадались, правда, среди «московской ойкумены» отдельные люди, ведшие дневники по-древнегречески или по-древнееврейски. Я, по крайней мере, знал двух таких замечательных людей, хотя раскрыть их имена пока еще не чувствую себя в праве.

интеллигенции. И это возрождение не было имитацией прошлого, но, скорее, принятием былых культурных эстафет дотоле полуизничтоженной и идеологически осмеянной старой российской интеллигенции в непривычно новых условиях глобального и общественно-российского развития². И вот это самое принятие на себя обновленных исторических эстафет сказалось на всём облике Георгия Чистякова – будущего о. Георгия: уже почти утраченная ныне московская интеллигентская учтивость в сочетании с искренним общественным демократизмом, сочувственное внимание к собеседнику, несколько старомодная артикуляция речи. Но при этом – глубочайшая погруженность в самые современные и насущные проблемы мира, Церкви, России.

С детских лет влюбленный в красоту мира и человеческого творчества, Георгий Чистяков первоначально мечтал стать ученым-египтологом. Жизнь, однако, сложилась иначе. В стенах Московского университета он выбрал (или, может быть, его выбрала!) специальность историка и филолога-античника. По его словам, особое влияние на студента, а позднее и аспиранта Чистякова оказали лекции, труды и личность Аристиды Ивановича Доватура (1897 – 1982), замечательного филолога-классика, но – одновременно – историка, источниковеда и историографа. И не отсюда ли – столь волновавшая о. Георгия и отраженная именно в исторических источниках – письменных, вещественных, лингвистических, музыкальных – проблема связи социальности, мысли и духовных исканий в коллективном и индивидуальном опыте людей?³

² Понятие культурных эстафет было обосновано в трудах современного российского философа и науковеда Михаила Александровича Розова.

³ Одна из однокашниц о. Георгия по МГУ, филолог и библиист Евгения Борисовна Смагина, рассказывала мне, что еще в студенческие годы во всём облике «Егора» проступали черты будущего большого ученого: редкая эрудиция, мощная память, умение понимать внутренние связи явлений и – одновременно – некоторая житейская чужаковатость, которая иной раз выдаёт способность человека к погружению в мир сложных образов и идей (интервью, данное мне Е. Б. Смагиной 3 января 2008).

«Егор» Чистяков окончил МГУ в 1975 г. и с тех пор не прекращал своей научной деятельности: лекционные курсы, семинары, разовые лекции в российских (московских и региональных) и зарубежных университетах, переводы, публикации научных и богословских трудов, участие в научно-популярных вечерах. Многочисленные публикации о. Георгия по проблемам истории культур Античности, Средних веков и Ренессанса характерны редким профессионализмом и проблемным диапазоном и заслуживают стать предметом особого рассмотрения...

На протяжении 1999 – 2007 гг. о. Георгий возглавлял Научно-исследовательский центр религиозной литературы и Русского зарубежья Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино⁴.

До последних лет он мечтал религиозно-богословски обобщить комплекс своих научных трудов в докторской диссертации. У нас была даже договоренность, что когда-то, в гипотетическом будущем, которое в земной жизни о. Георгия так и не наступило, я буду официальным оппонентом на его защите⁵...

7 декабря 1992 г. Г. П. Чистяков был посвящен в диаконы, а 25 ноября 1993 – рукоположен во священники патриархом Московским и всея Руси Алексеем II. Священнослужение о. Георгия в самом сердце Москвы – в храме Св. бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана в Шубине (Столешников пер., 2) – стало определяющей вехой последних пятнадцати лет его жизни. Само служение в этом храме – в отношении личности и судьбы о. Георгия – оказалось делом символичным: сам он был бессребреником; сам, вслед за святыми патронами храма, был глубоко вовлечен в дела врачевания (об этом чуть позже). А уж что касается чудотворе-

⁴ Его коллеги по Центру любовно называли его за глаза «Батей».

⁵ Может быть, некоторой компенсацией этой несбывшейся мечты было мое официальное оппонирование великолепной и источниковедчески обоснованной диссертации снوخии о. Георгия – Карлыгаш Толегоновны Сергазиной; ее диссертация была посвящена истории русского народного сектантства первой половины XVIII столетия. Защита происходила в 2005 г.

ния, – не чудесны ли человеческое общение и культура, не превозносятся ли они над «автоматикой» социальности и природы? Если, конечно, относиться к ним с должным уважением и вниманием⁶...

Космодемьянский храм, после 62 лет разорения заново освященный в 1991 г., связан узами преемственности с приходом одного из духовных наставников о. Георгия – протоиерея Александра Меня (1935-1990); последний был настоятелем Сретенского храма в Новой Деревне Пушкинского района Московской области⁷. А уж дальняя предыстория Космодемьянского храма и его прихода восходит чуть ли не ко временам Дмитрия Донского...

Космодемьянский храм – благодаря воссоздававшему его протоиерею Александру Борисову, но и во многом – благодаря о. Георгию – стал центром притяжения для тысяч москвичей. И не только москвичей: о. Георгия любили и почитали тысячи людей из периферийной России. Да и сам о. Георгий, с его особым общественным темпераментом и повышенным чувством социального сострадания, знал и любил мир российских регионов, знал и любил не только московскую и питерскую «ойкумены», но и социально приниженных советским и постсоветским истэблишментом интеллигентных людей из наших «обл-» и «райцентров». Его любили тысячи людей из разных стран, включая и ту великую диаспорную страну, которая именуется Российским зарубежьем. Не счесть людей – российских и зарубежных, – которым о. Георгий мог уделить свое духовное окормление. Многие сотни людей – как воистину добрый пастырь – он с первого раза запоминал по имени⁸. И что удивительно: беседуя с людьми, он брал их проблемы и боли на себя; наставляя и утешая людей, он вос-

⁶ Сверхъестественный характер человека и его культуры – одна из важных тем поздних трудов и устных выступлений русско-грузинского философа Мераба Константиновича Мамардашвили.

⁷ Ныне Новая Деревня включена в территорию г. Пушкино..

⁸ Вспомним слова из Евангелия от Иоанна о Добром Пастыре: «...он знает своих овец по имени...» (Ин 10:3).

принимал и толковал их проблемы как свои собственные⁹. Но об этом нам еще предстоит говорить.

Он начинал свое служение в Космодемьянском храме, полный темперамента и внутренних сил. С годами его темперамент убывал под тяжестью трудов и болезней; последние годы он служил, преодолевая неимоверные физические страдания, но глубина и сердечность его священнослужения лишь возрастали.

Не могу забыть день его последнего священнослужения – Литургию Преждеосвященных Даров в пятницу пятой седмицы Великого поста (23 марта 2007). Весь его облик лучился лаской и светом, преодолевающими боль.

От этого дня сохранилась последняя в его жизни фотография: сквозь весь облик смертельно больного пастыря просвечивает улыбка Вечности.

И еще об одном священническом подвиге о. Георгия. Вслед за о. Александром Менем о. Георгий продолжил духовное окормление пациентов Российской детской клинической больницы (отделения пересадки почки, а позднее – и гематологии). Служение в этой больнице было начато о. Александром Менем в годы Перестройки и было прервано его убийством. В этой же больнице о. Георгий основал домовый храм Покрова Пресв. Богородицы (с библиотекой, художественными и компьютерными занятиями, с системой поддержки родителей больных детей). Многим из детей молитва, организационная и нравственная поддержка о. Георгия и его соратников помогла вырваться к жизни¹⁰, многих он провожал в последний путь и постоянно поминал по смерти.

⁹ Тому есть целый ряд устных и письменных свидетельств, раскрывать содержание которых время еще не пришло. Скажу только, что таков был опыт и моего общения с о. Георгием.

Nota bene. На встрече в Библиотеке иностранной литературы, посвященной сороковому дню кончины о. Георгия, известный общественный деятель Алла Ефремовна Гербер, человек совершенно внецерковный, но знавший о. Георгия именно по общественной деятельности, невзначай обронила слова: «Как жаль, что у меня не было такого духовника...»

¹⁰ Не случаен один из девизов Покровского прихода: «Пожалуйста, живи!».

Для о. Георгия – этого великого пастыря – его больничное служение было огромным источником духовного опыта, отразившегося и в его текстах, но, одновременно, оно было и своего рода невольным телесным самосожжением: постоянное общение с теми, кто физически обречен, кто страдает за грехи и небрежение окружающего мира, – источник не только сострадания, но и внутренне сожигающей боли...

Еще одна сторона жизни и творчества о. Георгия – его неравнодушие к общественно-политическим проблемам. Внутренняя и общественная свобода, свобода гражданская и свобода культуротворчества – были в его человеческом и священническом опыте нерасторжимы. Разговор об этой проблеме пока еще кажется мне преждевременным (это та самая трудность для исследователя, которую я обычно называю *неостывшим контекстом*); но некоторые имена, приводимые ниже, говорят сами за себя.

Среди тех, кого отпевал о. Георгий, можно вспомнить Булата Окуджаву, Юрия Щекочихина, Михаила Гаспарова¹¹; о. Георгий служил панихиды по Владу Листьеву, Дмитрию Холодову, Галине Старовойтовой, Сергею Аверинцеву и Анне Политковской.

Эти имена сами говорят за себя. В них – прежде всего в них – как бы смысл и оправдание нашей сложной российской истории последних десятилетий. Как и в имени о. Георгия.

Три служения

Три основных служения, которые мне хотелось бы отметить, – служения, наложившие свой отпечаток и на весь облик его доселе опубликованных текстов – это служение Богу, людям и мысли. Итак, последовательно – несколько замет о каждом из этих трех служений.

¹¹ О. Георгий – сам тяжело больной – крестил Михаила Леоновича незадолго до кончины последнего.

Божеское

Отец Георгий любил, постоянно изучал и комментировал (в проповедях, лекциях и письменных трудах) Священное Писание – этот основной «код» всякой осмысленной христианской жизни: индивидуальной, групповой, универсальной. Он жил с постоянным сознанием, что Библия, библейские тексты, речения и символы образуют поле неисчерпаемого и постоянно возобновляющегося собеседования Бога с человеком. Возобновляющегося (или, точнее, призванного возобновляться), по существу, в каждое мгновение каждой жизни. И всегда пытался донести эту мысль до людей. По словам о. Георгия, погружение в духовную стихию Писания – вслед за великими мыслителями и подвижниками христианства – есть одно из непреложных условий очищения человеческой души, ее освобождения от искушения злобой и насилием¹².

Через тексты Ветхого и Нового Заветов божеская Весть открывает себя и в Литургии, и в повседневной нашей жизни и общении (если вспомнить стихи любимого о. Георгием Владимира Соловьева – *среди суеты случайной*¹³, и в глубинном внутреннем опыте человека. Что же это за Весть?

По мысли о. Георгия, это Весть о ненавязчиво проникающем весь человеческий род, или, говоря богословски, всего Адама, единстве Троидного Бога. Она «насквозь мистична», ибо обращена *к сердцу*, «то есть ко всему человеческому «я», а не к одному только рассудку...»¹⁴. Опыт христианской веры – именно как опыт нелегкого, но целительного и глубоко личного общения нашего сердца с Вестью – «не средство улаживать дела», но «тайна, доверенная нам Богом. Тайна, в которую можно погрузиться, чтобы стать ее частью и жить в ней»¹⁵. Такой подход к Вести не может

¹² См.: Чистяков Г., свящ. Что думает о насилии Церковь? Отрывок из передачи по радио «София» // Православные вести. М., 2007. № 4. С. 1–2.

¹³ «Имману Эль».

¹⁴ Чистяков Г., свящ. Размышление с Евангелием в руках. – М.: Путь, 1997. С. 89.

¹⁵ Там же.

быть утилитарен: он требует огромной и любовной внутренней отдачи, требует умения расслышать и отозваться на услышанное. И в этом смысле, Весть может пройти мимо многих, кто приходит в церковные стены исключительно ради каких-то вполне понятных, но сугубо земных и, по существу, прикладных задач: телесного здоровья, житейского преуспевания, психологического комфорта и т.д.¹⁶

Именно на подлинном опыте восприятия Божественного, Христова Присутствия во Вселенной, в человечестве и в каждом из нас и строятся, согласно трудам и проповедям о. Георгия, и литургическая жизнь Церкви, и опыт молитвы, и самые светлые минуты общения между людьми. Господь, Самого Себя приносящий в дар каждому из нас, исподволь учит нас этой щедрости, этому *искусству дара*. И это искусство дара было доминантою и жизни, и мысли о. Георгия.

Человеческое

Без малого полтора десятка лет наблюдал я о. Георгия в процессах его пастырского служения. Сам тому свидетель, что многие сотни людей стекались к нему на исповеди и на Литургию.

У него были большие, но легкие руки. Он обнимал исповедуемого за плечи, часто обращал его взоры ввысь, чарующе улыбался. И в улыбке его чувствовались и радость о встрече с исповедуемым, и ободрение, и сострадание. Иногда лицо его становилось строгим и сосредоточенным. Я знаю по себе и слышал от многих, что, исповедуя человека в его бедах и проблемах, он воспринимал эти беды и проблемы как собственные, *как разделенные им самим*¹⁷.

За Литургией он находил время и силы поминать многих из нас. И непременно поминал имена детей из Российской детской

¹⁶ См. там же. С. 89–90.

¹⁷ Эта сторона исповеднической практики о. Георгия, – может быть, несколько утрировано, но всё же художественно достоверно – описана в рассказе Людмилы Улицкой «Исповедь».

клинической больницы, которых провожал либо в путь последний, либо в путь послелечебного обновления.

Евангельская и апостольская идея сошествия Христа во ад (т.е. в средоточие космического страдания) в моменты Его крестной смерти, субботнего покоя и Воскресения¹⁸ – была одной из важнейших во всём комплексе литургической и человеческой мистики о. Георгия. И была, как я пытался показать, одной из доминант его пастырского служения.

И эта идея явно присутствует в его письменном и электронном наследии.

Комментируя Данте, о. Георгий писал, что сошествие во глубину человеческого страдания, сошествие во ад – есть необходимый путь души ради восхождения к высшим духовным горизонтам Бытия¹⁹. А опыт Данте тем и ценен, что поэт, пройдя все боли и превратности внешнего земного опыта, сумел символически выразить внутренний опыт «путешествия души». Души, которой удалось не только пройти все круги страдания и очищения, но и поведать об этом на доступном людям языке²⁰.

Страдание – неизбежно, подчас даже необходимо входит в состав и динамику человеческой жизни. Однако назначение жизни – не в страдании как таковом, но в осознанном или даже неосознанном следовании Христу. И не только в страдании, но и в повседневности (вновь напомним читателю столь любимые о. Георгием слова из стихов Вл. Соловьева – *«среди суеты случайной»*), в мысли и

¹⁸ Попытку систематизации этой, по существу, не поддающейся аналитическому мышлению, т.е. мистической, идеи Нового Завета см.: Ринкер Ф. и Майер Г. Библейская энциклопедия Брокгауза. – Paderborn: Christliche Verlagsbuchhandlung, 1999. S. 13.

Идея сошествия во ад закреплена и в Апостольском символе веры.

¹⁹ Как при этом не вспомнить слова, услышанные в 1906 г. старцем Силуаном Афонским: «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся!» (Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. – Tolleshunt Knights, Essex: Stavropegic Monastery of St. John the Baptist, 1985. С. 253.

²⁰ См.: Чистяков Г., свящ. В поисках Вечного Града. – М.: Путь, 2002. С. 132.

труде, в молитве, в общении с людьми, в служении людям²¹. И в радости о Господе и Его Матери, – той радости, которая превозмогает страдание. Как это и было в судьбах великих мучеников христианства, в том числе и православных мучеников ГУЛАГа²².

Вслед за дарившим о. Георгия своим дружеским вниманием митрополитом Антонием Сурожским, о. Георгий настаивал: религиозный опыт человека призван быть не церковной формалистикой и не «ноу-хау» самоутешения и самоублажения, но превозмогающим страдание «духовным путешествием» человека (иной раз даже с «пробами и ошибками») ради *встречи* с Богом и людьми. Собственно, в этом и заключается смысл *веры* как одного из важнейших духовных и интеллектуальных узлов нашего существования²³.

Мыслящее / мыслимое

Для светского человека, так или иначе изучающего жизнь и наследие мыслителя-священника прошлого и нынешнего века, будь этот человек даже теоретически изощренный философ или историк, важно понять, что облик мыслителя-священника, работающего в гуще секулярного общества, – всегда специфичен. Как бы ни уважал такой мыслитель сферу чисто интеллектуальных отно-

²¹ См.: Чистяков Г., свящ. «Господу помолимся». Размышления о церковной поэзии и молитве. – М.: Рудомино, 2001. С. 51–54.

²² См. там же. С. 152–153.

²³ См.: Чистяков Г., свящ. Религия и вера // Истина и Жизнь. М., 2007. № 3. С. 9–15.

Позволю себе в этой связи небольшой экскурс в нашу отечественную духовную историю.

В начале позапрошлого века среди духовного чтения на Руси была популярна книга английского писателя и проповедника XVII в. Джона Баньяна «Путь паломника» (“The Pilgrim’s Progress from This World to That Which Is to Come”) – как раз именно о путешествии души ради встречи со Христом. Начало «Первой сцены» этой книги известно нам в стихотворном переложении Пушкина «Странник».

шений, доминантой его поисков является не автономное интеллектуальное служение, но неотступная (именно для священника!) и повседневная связь мыслительного процесса со всем процессом священнослужения: Литургией, пастырской работой с людьми, содержанием храма как модели призванной ко спасению Вселенной. И это – повторяю – при непреложном уважении к автономности специализированного философского или научного знания. Без учета этой специфики трудно понять и даже отчасти расшифровать наследие таких великих священников-мыслителей прошлого века, как, скажем, Сергей Булгаков, Пьер Тейяр де Шарден, Александр Мень²⁴.

Это обстоятельство сполна относится и к наследию о. Георгия.

Для того чтобы понять подход о. Георгия к этому кругу вопросов, неплохо было бы обратиться к текстам его книги «Над строками Нового Завета».

Новозаветные тексты, новозаветное мышление – всё это, по мнению о. Георгия, объективно рассчитано на века и века вперед²⁵. Однако, исторически, евангельская Весть²⁶ была обращена к конкретным людям, к конкретным народам многокультурной, многоязычной, многотемпераментной Средиземноморской ойкумены начала нашей эры²⁷. Парадоксальным образом и табличка на кресте Распятого, обозначавшая Его имя и «состав преступления

²⁴ Именно священническую (и, стало быть, литургическую в ее сердцевине!) специфику их мышления я, как мог, пытался отразить на страницах своих книг «Профессия – историограф...» (Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001) и «Осознанная свобода...» (М.: Новый хронограф, 2005).

²⁵ Если вспомнить слова столь почитаемого о. Георгием о. Александра Меня, – «Христианство еще очень молодо...» (мою статью об этой стороне мышления о. Александра с одноименным заголовком см. в альманахе: Христианос-XIV. – Рига: ФиАМ, 2005. С. 60–68.

²⁶ Да простится мне тавтология: Euangelion и есть по-гречески – Радостная Весть.

²⁷ См.: Чистяков Г., свящ. Над строками Нового Завета. – М.: Истина и Жизнь, 2000. С. 8–9.

ния», – «Иисус Назарянин, царь иудейский»²⁸ – была оформлена на трех языках: еврейском, греческом и латыни. Т.е. – по словам о. Георгия – вопреки всей незаконности судилища – на языке веры, на языке философии и культуры и на языке права. Так, – через глубину унижения, обиды и боли – христианство приняло на себя основные послания народов античного Средиземноморья последующему человечеству²⁹.

Отец Георгий обращает внимание на особую смысловую насыщенность евангельских текстов: они сквозь века собеседуют с каждым из нас и в быту, и в опыте повседневности³⁰, и в размышлении, и в Литургии³¹. Стало быть, «притчи из быта» – на века и тысячелетия вперед³²; они применимы к меняющимся условиям жизни, культуры, технологической среды. Так, комментируя евангельскую притчу о «богатстве неправедном»³³, о. Георгий замечает, что наши неправедные богатства, – может быть, даже не столько блага материальные (большая часть паствы о. Георгия – интеллигентные люди весьма и весьма скромного достатка или же вообще почти что безо всякого достатка), сколько нами же идолизируемые информационные и культурные блага; но и эти блага, т.е. наши знания, наши умения, нашу информированность, мы в состоянии употребить ради Царства Божия³⁴.

И всё же – мы призваны учиться *стяжать во благе* богатства мысли и культуры. Подобно Риму, пережитому и запечатленному

²⁸ Т.е. еврейский самозванец, претендующий на державные prerogatives Римского кесаря в отношении народа Израиля.

²⁹ См.: Чистяков Г., свящ. Над строками... С. 311.

³⁰ Вспомним пастернаковское: «...Христос говорит притчами из быта, поясняя истину светом повседневности» («Доктор Живаго», кн. 1, ч. 2, гл. 10).

³¹ См.: Чистяков Г., свящ. Над строками... С. 109.

³² Ведь и само таинство Евхаристии – это дружеское застолье Христа со смертными людьми, но притом свершающееся «в вышних, in excelsis».

³³ Лк 16:1-11.

³⁴ См.: Чистяков Г., свящ. Над строками... С. 210–211.

в творениях Проперция, Гёте или Гоголя, мир, пережитый и запечатленный в мысли и культуре, становится для нас более открытым и родным³⁵. Только бы понять, Кто дарует нам этот мир и перед Кем мы за этот мир в ответе...

Тема человеческого существования-в-ответе, человеческой ответственности перед Богом и ближними – одна из центральных, хотя и совсем не навязчивых тем священнослужения и мышления о. Георгия. Передо мной – один удивительный документ на сей счет: краткая беседа о. Георгия о св. Шарле де Фуко (1859–1916), произнесенная в декабре 2006 г., когда до последней госпитализации и кончины о. Георгия оставались лишь считанные месяцы.

Говоря о св. Шарле де Фуко, о. Георгий подчеркивал, что ему дорог особый тип святости: есть святые, которые на исходе жизни как бы «уходят в полутьму», отступая ради Иисуса³⁶. Эта мысль – дорогого стоит. Ибо принадлежит она ученому, отказавшемуся от блестящей научной карьеры историка и филолога ради скромного, часто третируемого церковными Стародумами, священнического служения. Принадлежит телесно ослабевшему, снедаемому физическими страданиями, но духовно наполненному русскому священнику.

Вся его жизнь и мысль оказались отступлением в «полутьму» ради полноты Божественного Света. И не столько даже отступлением ради себя, сколько ради других людей. Православная мистика Преображенского, Фаворского света не может не быть удостоверением полноты и ценности всей его жизни.

³⁵ См.: Чистяков Г., свящ. Римские заметки. – М.: Рудомино, 2007. С. 79–80. Вообще, о. Георгий считал поэзию одним из неотъемлемых элементов ойкономии Царства Божия. Так, еще в середине 90-х гг. в разговоре со мной после довольно-таки бурного спора с одной фундаменталистски настроенной дамой, он заметил, что в России христианство, не принимающее во внимание Пушкина, – уже как бы и не совсем христианство.

³⁶ См.: Материалы презентации книги сестры Анни «Шарль де Фуко, по стопам Иисуса из Назарета» // Новости братства малых сестер Иисуса. М., 2007. С. 6.

* * *

Судьба и труды о. Георгия были и остаются теснейшим образом связанными с традициями российского православного интеллектуально-духовного правдоискания. И в этой связи можно вспомнить целую вереницу любимых о. Георгием российских имен: Владимир Соловьев, Георгий Федотов³⁷, о. Александр Шмеман, о. Александр Мень, Сергей Аверинцев, митрополит Антоний Сурожский. Для каждого из них красота и боль жизни и мысли, богонаполненность жизни и мысли были, по существу, одним и тем же.

Российский религиозный философ Григорий Померанц, скорее всего, справедливо говорил о безвременной кончине о. Георгия: «...смерть забрала одного из очень немногих духовных мыслителей, которые остались в нашей стране, и духовное пространство становится от этого еще более пустым. Он ушел слишком рано для мыслителя. Те годы, в которые судьба забрала его от нас, – для мыслителя только начало пути. Перед ним открывалась еще большая дорога, и по немногим книгам, которые он успел издать, мы должны угадывать то прекрасное, что он мог бы сделать»³⁸.

И всё же – как заповедано – будем жить надеждой.

Будем любить и будем верить, что «отступление в полутьму» есть обетование Встречи.

Москва, 23.02.08 г.

³⁷ Nota bene: Георгий Петрович Чистяков был отчасти даже физиономически (о складе мышления уж не говорю!) похож на своего дважды соименника Георгия Петровича Федотова. У обоих – тот же самый тип коренного российского разночинца, облагороженный, однако, высокой и тонкой культурой.

³⁸ Информационный ресурс: Портал-Credo.ru. 27-06-2007. 15:50.

Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

**ХРИСТИАНСТВО
И СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ:
СУЩНОСТЬ ПРЕДМЕТА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ**

Лекция, прочитанная в Тбилиси 20.10.2004 г.

Главное отличие религиоведения от богословия и научного атеизма в сфере проблематики состоит в том, что если в богословии и научном атеизме проблема выяснения истинной картины мира является главной, то в религиоведении такой проблемы нет вообще. Если, например, богословие и научный атеизм обязательно отвечают на вопрос, как устроен мир, то религиоведение ограничивается ответом на другой вопрос: что говорят об устройстве мира разные религии.

При этом религиоведение, во многом опираясь на философию религии и будучи близким к ней предметом, изучается в странах бывшего Советского Союза на кафедрах, многие из которых еще совсем недавно были кафедрами философии и атеизма. Посему зачастую в религиоведении наблюдается подход, ему не свойственный, а, скорее, просто трансформированный в духе времени». Вот почему Патриарх Алексий II заявил однажды: «Мы категорически против предмета «религиоведение», потому что этот предмет чаще всего преподают бывшие преподаватели научного атеизма и происходит размывание основы Православия».

Принимая тезис Патриарха, согласно которому религиоведение не должно быть «новым изданием» научного атеизма, надо, однако, отметить, что как богословие, так и научный атеизм дают слушателям информацию о религии, но сообщение такой информации является для них не целью преподавания, а только средством. Целью же является формирование определенного отношения к религии. И только в религиоведении сообщение слушателям ин-

формации о религии является не средством преподавания, а его целью. Богословие – это предмет, учебно-познавательной целью которого является сформировать убеждение, что только одна религия содержит истину. Религиоведение же вообще не затрагивает вопрос о религиозной истине и только изучает религии. Как писал Юнг, «психолог, пока он остается ученым, не должен принимать во внимание притязания того или иного вероучения на уникальность и владение вечной истиной. Он должен исследовать, прежде всего, человеческую сторону религиозной проблемы, обратившись к первоначальному религиозному опыту, независимо от того, как этот опыт использован в разных вероучениях» (Архетип и символ, с. 134 – 135). О том, что имеет в виду Юнг, когда говорит о первоначальном духовном опыте, будет сказано ниже.

Для того, чтобы «не должен принимать во внимание притязания того или иного вероучения на уникальность и владение вечной истиной» религиовед должен дистанцироваться от своей личной религиозности, но при этом, чтобы осознать, что такое религиозный опыт, как того требует Юнг, нужно этот опыт пережить, потому что, не пережив его, его практически невозможно от-рефлексировать. Главная задача религиоведения состоит в том, чтобы объяснить учащимся, в чем заключается «феномен приобщенности к Богу» в различных религиях, но при этом религиоведение – прежде всего наука, стоящая в стороне от межрелигиозной вражды и служащая не возвышению той или иной религии, но исследованию и той и другой.

Не случайно богословы, а иногда и психологи зачастую указывают на то, что религию нельзя изучать при помощи рациональных методов, так как она содержит в себе иррациональные или, говоря теологическим языком, «сверхразумные» элементы. Так, например, К. Г. Юнг писал: «Ученый слишком легко забывает о том, что объективный анализ материала, пожалуй, в непростительно больших масштабах наносит ущерб его эмоциональной стороне. Научный интеллект бесчеловечен и не может себе позволить быть другим; он не в состоянии избежать такой бесцеремонности, хотя

намерения у него самые хорошие. Психолог, анализирующий священный текст, должен, по крайней мере, отдавать себе отчет в том, что такой текст выражает бесценное религиозное и философское сокровище, которое не должно быть осквернено руками профанов» (Юнг К. Г. О психологии восточных религий. М., 1994. С. 123 – 124). К этому можно прибавить и то, что сам феномен религиозности таков, что зачастую сторонний наблюдатель не в состоянии понять его суть в том случае, если он не знает, что такое вера на своем собственном опыте. По этой причине личная религиозность религиоведа служит на пользу его исследовательской деятельности, если только он не вносит в свою работу привкус апологетики.

Все мы знаем, что представляет собой та или иная конкретная религия, но не всегда способны сформулировать, что такое религия вообще. При этом нужно иметь в виду, что в большинстве европейских языков само слово «религия» появилось только в позднем средневековье, когда религиозность и религия вступили в полосу длительного кризиса. И это не случайно. Для того чтобы отрефлексировать, что такое религия, от нее необходимо хотя бы несколько дистанцироваться. Первый русский марксист Г. В. Плеханов считал наиболее важной, если угодно, сущностной чертой наличие веры в сверхъестественное. И для обыденного сознания это утверждение представляется вполне весомым и основательным. Действительно, какая же религия может не включать в себя веру в сверхъестественное? Однако, увы, как только мы приступаем к теоретическому анализу этого утверждения, то сразу же сталкиваемся с рядом проблем. Во-первых, слово «сверхъестественное» употреблено здесь вполне внерефлексивно и само нуждается в разъяснениях и определении.

Впрочем, дать приемлемое определение сверхъестественного не удастся, поскольку такое определение «сверхъестественного» будет обусловлено системой культурных координат. Для дикаря, например, сверхъестественен микроскоп, а для современного городского жителя сверхъестественны НЛО или полтергейст. И лес-

ные духи, которые вполне естественны для туземца. А для верующего человека Бог и некоторые прочие явления «тонкого мира» вполне «естественны». Вообще термины «естественно-неестественно» сами по себе продукт весьма специфической культурной среды, порожденной даже не Ренессансом, а Европейским Просвещением в XVIII веке.

К тому же можно ли сказать, что во всех религиях и во всех религиозных верованиях мы встречаемся с этим сверхъестественным? Никоим образом. Прежде всего, критерию «наличие веры в сверхъестественное», как отмечает Е. А. Торчинов, не удовлетворяют феномены духовной культуры, обычно относимые к примитивным или ранним формам религии. Наиболее характерный пример – магия. «Религии Китая, – пишет Торчинов, – обнаруживают еще меньше склонности к вере в сверхъестественное; не совсем даже понятно, как можно было бы перевести само слово «сверхъестественное» на древнекитайский язык. Вполне показательно, что идеалом даосской религии является не что иное, как естественность, естественное».

Хорошо известно, что существуют учения, единогласно относимые к религиям, в которых подобная вера отсутствует. Иногда их называют даже «атеистическими» (т.е. «безбожными») религиями, что, впрочем, вряд ли удачно, ибо в современных языках слово «атеизм» означает безрелигиозность, а не безбожие, почему религии такого типа лучше называть нетеистическими, какими являются буддизм, джайнизм и даосизм. Поэтому наличие веры в Бога или богов также не может считаться сущностным признаком религии. Религии многообразны, и мы не можем подходить к ним, исходя из такого европоцентристского критерия, как наличие веры в Бога.

Другим распространенным критерием для определения религиозного характера того или иного представления, верования или доктрины является проверка на наличие в нем оппозиции (или дихотомии) «сакральное – профанное», считающейся фундаментальной для религии. Эта идея восходит к трудам М. Вебера,

Э. Дюркгейма и Рудольфа Отто (см. его книгу *Das Heilige*), однако широкое распространение в религиоведении она получила благодаря работам М. Элиаде. На первый взгляд этот критерий имеет ряд преимуществ по сравнению с рассматривавшимся выше. Действительно, сакральным (священным) отнюдь не обязательно должно быть нечто сверхъестественное, потустороннее, надприродное – *gans andere* по терминологии Р. Отто. Сакральностью может быть наделено любое существо, любая часть природы или же природа в целом.

Можно утверждать, что источником религиозных чувств является мистический опыт и состояние уверенности (терминология У. Джеймса), причем мистический опыт и опыт измененных состояний сознания и служит источником религиозного чувства не только для испытавшего их человека, но и для его окружения или последователей, создавая необходимую харизму. Действительно, основателями и крупнейшими реформаторами практически всех известных религий были люди, неоднократно испытывавшие религиозный транс и обладавшие большим мистическим опытом.

Однако и это определение недостаточно. Согласно Э. Фромму («Иметь или быть», с. 236) «под религией понимается любая система взглядов и действий, которой придерживается какая-то группа людей и которая дает индивиду систему ориентации и объект поклонения». В этом определении на себя обращают внимание три ключевых слова: группа, индивид, поклонение. Первое: группа. Необходима среда, в которой религия зарождается и существует именно как социальный феномен. Именно поэтому религиоведение немыслимо без социологии религии и без изучения церковной организации или общины, ее функционирования в обществе, ее роли в истории и т.д. У этой общины есть, как правило, свои этические, политические и другие установки, свои способы доведения этих установок до своих адептов, в конце концов, своя технология, которой пользуется иерархия в целях управления верующими и т.д.

Однако вторым ключевым термином в определении религии у Фромма является слово «индивид»: религия невозможна без личных исканий индивида, без его личного порыва и его личного отношения, без личной практики. В этом смысле замечательно определение Бога, которое дает Б. Спиноза (на него редко обращают внимание, потому что сохранилось оно не в корпусе сочинений великого голландца, но только в цитате у Вольтера из неизданного и до нас полностью не дошедшего письма Спинозы): «A l'égard de l'amour de Dieu... cette idée... me fait connaître que Dieu est intime à mon être qu'il me donne l'existence et toutes mes propriétés; mais qu'il me les donne libéralement, sans reproche, sans intérêt, sans m'assujettir à autre chose qu'à ma propre nature. Elle bannit la crainte, l'inquiétude, la défiance, et tous les défauts d'un amour vulgaire ou intéressé. Elle me fait sentir que c'est un bien que je ne puis perdre, et que je possède d'autant mieux que je le connais et que je l'aime» («Что касается любви к Богу ... эта идея ... дает мне понять, что Бог глубоко присущ моему существу, а также, что Он дает мне существование и все мои свойства; однако дает Он мне их щедро, без страха и упрека и без того, чтобы подчинять меня чему-либо иному, кроме моей природы. Идея эта изгоняет опасения, беспокойство, неверие и все погрешности пошлой или корыстной любви. Она дает мне почувствовать, что это – благо, которое я не должен утратить и коим я владею тем более, чем более я его познаю и люблю» [перевод С. Я. Шейнман-Топштейн].

В достаточно коротком тексте Спиноза 12 раз употребляет местоимение «я, меня», тем самым, указывая на то, что, по его мнению, понять, принять и полюбить Бога можно только из своего личного опыта, вглядываясь в глубины своего «я», своей, как любит говорить Спиноза, природы. Более того, Бог, как и Его святая воля, может быть понят только через мои с Ним отношения, через мою с Ним борьбу или встречу. И, наоборот, абстрагируясь от своего «я», превращаясь в стороннего наблюдателя, можно прекрасно созерцать мир вокруг себя, но не Бога, Бога в этом случае почувствовать или увидеть невозможно.

Последним ключевым термином в определении религии у Фромма является слово «поклонение». «Господу Богу твоему поклоняйся и Тому Единому служи», – говорит Иисус, отвечая Искушителю. И вообще отношение к Богу в Библии выражается именно словом «поклонение». *Venite adoremus...* Как, например, в пс. 94 «*venite, prostrati adoriamo*» – «приидите, поклонимся и припадем, преклоним колени пред лицом Господа, Творца нашего» или в 4 Цар 17:36 «но Господа, который вывел вас из земли Египетской силою великою и мышцею простертою, Его чтите и Ему поклоняйтесь».

Proskynesis или ПРОСКИНЕЗА (это слово, кстати говоря, употребляется в возгласе, которым завершается великая ектенья в начале литургии: «яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение») – обычай простирается на полу всем телом перед владыкой. АДОРАЦИЯ (лат. *adoratio* – поклонение, от *ad os (oris)* – «к устам»: «целование» идолов у язычников заключалось в поднесении руки ко рту). Слово это употребляется в Великом славословии, которым завершается православная утренняя и начинается латинская месса: *Gloria in excelsis Deo et in terra pax hominibus bonae voluntatis. Laudamus Te, benedicimus Te, adoramus Te.*

Что же касается самой сути поклонения, то о ней прекрасно говорит в своих стихах выдающийся поэт-суфий Ибн ал-Кайим:

А поклонение Милостивому заключается
В высшей степени любви к Нему
Наряду со смирением поклоняющегося,
И это – два полюса,
Вокруг которых вращается небосвод поклонения,
И не будет он вращаться до тех пор,
Пока эти два полюса не появятся!

В исламе **поклонение** (араб. ‘ибада) — термин, служивший в арабо-мусульманской мысли наиболее общим обозначением отношения человека к первоначальному мирозданию. Человек с этой точ-

ки зрения рассматривается как «раб» ('абд). Согласно исламскому вероучению поклонение предполагает в качестве неперменного условия осознанность действия и твердое и искреннее намерение его совершить. Положение человека как «поклоняющегося раба» прямо связано с его положением как «наместника» (халифа) Бога на земле, полновластно распоряжающегося за того ее богатствами. Основным и одновременно наиболее совершенным видом поклонения считается молитва (салат).

Фромм говорит о том, что религии подразделяются на авторитарные и гуманистические (см. «Иметь или быть?», сс. 246 – 247). Он ссылается на Оксфордский словарь английского языка, который определяет религию как «признание человеком некой невидимой высшей силы, осуществляющей контроль над его судьбой и имеющей право требовать подчинения, почтения и поклонения». «Авторитарной, – говорит Фромм, – религию делает идея, согласно которой эта высшая сила, помимо власти над человеком, *имеет право требовать от него* «подчинения, почтения и поклонения». Выделяя слова «имеет право требовать», Фромм подчеркивает, что в авторитарных религиях причина поклонения «коренится не в нравственных качествах Божества, не в любви или справедливости, а в том факте, что эта высшая сила осуществляет контроль, то есть имеет власть над человеком. Основное настроение авторитарной религии – печаль и чувство вины. Гуманистическая религия, наоборот, сосредоточена на человеке и его возможностях. В гуманистической религии огромное место занимает «религиозное переживание... единства со Всем сущим, основанное на родственном отношении к миру, осознанном при помощи мысли и любви». К гуманистическим религиям Фромм относит ранний буддизм, даосизм, религию Исаяи, Иисуса, Спинозы, христианский мистицизм. Хотя понятно, что в рамках одной религии обычно сосуществуют авторитарные и гуманистические элементы.

«Когда я читаю, – писала Симона Вейль, – катехизис Тридентского собора, мне кажется, что я не имею ничего общего с описанной в нём религией. Когда я читаю Новый Завет, мистиков,

литургические тексты, когда присутствую на богослужении, я чувствую, я почти уверена, что это моя вера или, вернее, могла бы стать моею, не будь между нами расстояния, вызванного моим несовершенством». В самом деле, примерно в это же время, то есть в конце 30-х годов, об этом же говорил и Карл Густав Юнг, когда писал, что «каждый, кто приобретает опыт в непосредственном общении с Богом, оказывается, по крайней мере, немного не соответствующим порядку, установленному церковью». Но люди легко забывают, — пишет Юнг, — что она сама, вряд ли, была бы создана, если бы Сын Божий был законопослушным фарисеем.

Станислав Гроф в книге «Путешествие в поисках себя» говорит о том, что духовный опыт, пережитый в глубоком самоисследовании, далеко не всегда делает человека ближе к официальной религии и не побуждает его ходить на формализованные службы. Чаще это приводит к пониманию проблем и ограниченности официальной религии, к обнаружению того, где и когда, — говорит Станислав Гроф, — религия отклонилась от истинной духовности и потеряла контакт с ней.

Цитируя Юнга, который сказал однажды, что основная функция формализованной религии состоит в том, чтобы защищать людей от непосредственного переживания Бога, Гроф замечает, что при этом непосредственные духовные переживания полностью совместимы с мистическими ответвлениями великих мировых религий, таких, как различные направления христианского мистицизма и на Востоке, и на Западе, как суфизм, как каббала и хасидизм. «В мире духовности, — говорит он, — важно не то, что отделяет одни формальные конфессии от других, а то, что отделяет их от их мистических ответвлений».

Как раз об этом говорит и Симона Вейль, когда замечает, что мнение мистиков почти всех религиозных традиций сходятся почти до полного тождества и представляют истину каждой из этих традиций. Симоне до боли дорог католицизм, хотя она так и не крестилась до самой смерти, потому что не хотела отрывать-ся от своего народа, который в это время был сжигаем в печах

Освенцима и Майданека. Ей до боли дорог католицизм, но не катехизис Тридентского собора, то есть католичество официальных документов, жёстко регламентирующих поведение верующих. Ей дорог католицизм святого Франциска и тех молитв, которые звучат во время богослужения, той атмосферы духовного полёта, что переживает во время богослужения верующий человек в глубинах своего сердца.

Для освещения подобной ситуации Станислав Гроф ссылается на американского бенедиктинца Дэвида Штайндл-Раста, который сравнивает первоначальное мистическое переживание с раскаленной магмой извергающегося вулкана, восхитительной, подвижной, живой. После того, как с нами происходит это переживание, – говорит Гроф, – у нас возникает потребность втиснуть его в мировоззренческие рамки и выработать доктрину. Мистическое переживание представляет собой драгоценное воспоминание, и для напоминания об этом наиважнейшем событии мы можем создать ритуал. При этом организованная религия проявляет склонность к утрате связи со своим духовным источником, а остатки того, что было когда-то живым духовным целым, теперь гораздо больше напоминают застывшую лаву, чем бушующую восхитительную магму мистического переживания, их вызвавшего к жизни.

Еще одно определение религии дает К. Г. Юнг, который («Божественный ребенок», с. 349) говорит о том, что «религия – это живая связь с душевными процессами, которые зависят не от сознания, а происходят где-то по ту сторону от него, в темноте душевных задворков. Хотя многие из этих бессознательных процессов и возникают из косвенных понуждений сознания, но никогда из сознательного произвола. Другие, кажется, возникают спонтанно, т.е. без узнаваемых и указующих на сознание причин». «Религиозные обряды во всех формах, – говорит Юнг («Бог и бессознательное», с. 78), – играют роль сосуда, способного вместить все содержание бессознательного». Религия всегда базируется на живом опыте нуминозного. Митрополит Антоний рассказывает, как основатель Студенческого христианского движения в России ба-

рон Николаи, «наслышавшись о Боге от своих сверстников и товарищей, почувствовал, что он хочет дознаться – существует Бог или нет? И эта жажда уверенности побудила его как-то, в лесу, воскликнуть: Господи! Если Ты есть – скажись!.. И какое-то глубокое чувство сошло на него, и он стал верующим» (Беседы о молитве, с.20). «Порой верующий молится потому, что его охватило живое, глубокое чувство близости Божьей, Его присутствия. Это может случиться в церкви, дома, или в поле, или в лесу: вдруг человек почувствует, что Бог близок, сердце полно умиления, трепет наполняет его».

Станислав Гроф: «Переживания, берущие свое начало на более глубоких уровнях психики (в моей терминологии «околородовые» и «надличностные» переживания) обладают каким-то определенным качеством. Которое Юнг назвал (вслед за Рудольфом Отто) нуминозностью. Понятие «нуминозное» относительно нейтрально и потому предпочтительнее других подробных именований, таких, как религиозное, мистическое, магическое, святое или священное, которые часто употребляются в неясных контекстах и легко сбивают с толку. Чувство необычного основано на непосредственном ощущении того, что происходящее с нами относится к сфере действительности более высшего порядка, действительности священной и коренным образом отличающейся от мира материального» (Психология будущего, с.260 – 261).

От этого определения отталкивается и Е. А. Торчинов. «Под религией мы будем понимать комплекс представлений, верований, доктрин, элементов культа, ритуала, и иных форм практики, базирующийся на трансперсональном переживании того или иного типа и предполагающий установку на воспроизведение этого базового опыта».

Говоря о религии, мы, объективно и с максимальной точностью описываем конкретные религиозные системы, их историю и психологию их носителей, изучаем социологию религии и религиозные тексты и т.д. При этом оставляем в стороне саму суть религии – религиозность (*religiosita*, то есть набожность или благоговение

в лучшем смысле этих слов!) как феномен. В результате оказывается, что, достаточно хорошо разбираясь в конкретных формах религии, мы зачастую никак не представляем себе, что такое религиозность вообще, в чем заключается ее сущность и как можно определить такое явление как религиозная одаренность. Явление, без всякого сомнения, не зависящее ни от культурного уровня и багажа, ни от национальной или расовой принадлежности, ни от политических или философских и других убеждений. Религиозно одаренный человек может равно быть высокообразованным ученым и блестящим интеллектуалом, как Фома Аквинский или о. Павел Флоренский, или же почти безграмотным простецом, как автор «Откровенных рассказов странника».

Главное в религии (разумеется, если речь идет о теистической религии) заключается в том, чтобы знать не что-то (пусть даже всё!) о Боге, но только в том, чтобы знать Бога. Прекрасно говорит об этом Эрих Фромм в своей книге «Искусство любить». «В мистицизме, являющемся логическим следствием монотеизма, — пишет Фромм, — попытка познать Бога рационально отвергается и заменяется переживанием единения с Богом, при котором для знания о Боге не остается ни места, ни необходимости» (Э. Фромм, «Искусство любить», СПб, «Азбука» 2001, с. 103). Ссылаясь на Маймонида, Фромм, далее указывает, что, если что-то и остается в такой религиозности от знания о Боге, так это знание о том, чем Он не является. На самом деле христианам, несмотря на то, что ими велись бесконечные догматические споры, явно вопреки этим спорам, зачастую выливавшимся в настоящие войны, с первых веков христианства это было прекрасно известно. Так в самом начале чинопоследования литургии Иоанна Златоуста есть молитва, в которой Бог определяется через четыре префикса «а», то есть «не». Здесь говорится о том, что власть Бога *aneikaston*, Его слава *akatálēptos*, милость — *amétrēton*, а человеколюбие — *áphatos*, то есть власть Его нельзя изобразить, славу — невозможно постичь, милость — измерить, а человеколюбие выразить в словах.

Причем, речь идет здесь не о том, что Бог *всемогуш* настолько, что Его нельзя представить себе разумом, но именно, просто о том, что все средства выражения – при помощи образов, умственных конструкций, чисел или слов – бессильны, когда это касается Бога. *Non valet lingua dicere, nec littera exprimere*, то есть «язык не может рассказать, не в силах буква передать», – как скажет потом об этом на христианском Западе Бернард Клервосский. Об этом же напишет в начале XX века совсем не философ и не богослов, но просто поэт Николай Гумилев: «...да разве Бога химией докажешь? Сердцем Его чувствовать надо...» (Гумилев, Африканская охота, СПб, «Азбука», 2000, с. 170 – 171).

Из этого абсолютно иррационального ощущения и родится чувство Бога, которое затем лишь укрепляется и как бы обосновывается тем или иным мировоззрением. Однако необходимо иметь в виду, что без этого чувства, абсолютно личного и глубоко укорененного в глубинах человеческого «я» каждого конкретного индивида, чувства, которое Бенедикт Спиноза обозначил когда-то на латыни выражением *de Deo sentire*, не бывает и не может быть никакой религиозности. Без него можно говорить только о каком-то самообмане, об имитировании религиозности, непременно заводящем человека в пути поклонения не Богу, но ритуалу, не Богу, но конкретной конфессии, не Богу, но обычаям и так далее. Такая чисто мировоззренческая или идеологическая, моралистическая или эстетическая религиозность неминуемо приводит к тому, что в моменты каких-то серьезных испытаний, бед или несчастий в жизни ее носителя он либо становится озлобленным и непримиримым адептом *своего* и, следовательно, единственно правильного *учения*, либо просто отказывается от него, понимая его нежизненность и искусственность.

Именно об этом говорит в знаменитой своей изданной в 1930 г. книге «Диалектика мифа» (цитирую по последнему изданию под редакцией А. А. Тахо-Годи: Москва, «Мысль», 2001, с. 119) А. Ф. Лосев. Здесь он дает следующее определение религии, которая «есть, прежде всего, определенного рода *жизнь*. Она не есть ни мировоз-

зрение, хотя бы это мировоззрение было максимально религиозным и мистическим, ни мораль, хотя бы это была самая высокая, и притом самая религиозная мораль, ни чувство и эстетика, хотя бы это чувство было самым пламенным и эстетика эта была бы совершенно мистической. Религия есть *осуществленность* мировоззрения, *вещественная субстанциальность* морали, *реальная утвержденность* чувства, причем эта осуществленность – всяческая, и, прежде всего, чисто *телесная*, субстанциальность – всяческая, и, прежде всего, ощутимо физиологическая» (курсив А. Ф. Лосева).

Указывая на телесность и, более того, физиологичность религиозности Лосев жестко связывает религию с конкретной личностью конкретного человека, с его, если так можно выразится, «безусловными рефлексам», иными словами, не с тем, что приобретается в процессе общения с другими людьми под их влиянием, но с тем, что вырастает изнутри каждого из нас. Не случайно же Гумилев, который хорошо чувствовал, как «кричит наш дух» и «изнемогает плоть, рождая орган для шестого чувства», прямо говорит в повести Н. Гумилева «Веселые братья» о телесности религиозного чувства.

«... Зверю открыты, – говорит гумилевский герой, – три измерения пространства. Возьмите, к примеру, лошадь на узком мостике через канаву. Видит она, что канава глубокая, и боится, что мостик узенький, ступает осторожно, а когда берег близко, идет скорее. Значит, длину, глубину и ширину чувствует. А человеку открыта еще *внутринá* (курсив мой – Г. Ч.). Внутрь себя духовными очами проникать он может и тоже без конца, как по земным измерениям. Это и есть четвертое измерение, или, лучше сказать, первое нового порядка, которое и есть Бог ... (Гумилев, там же, с. 192).

Чисто художественными средствами Гумилев, говоря о *внутринé*, блестяще формулирует основные постулаты того учения о поисках Бога в глубинах собственного «я», которое несколько позднее развивала в Германии Эдит Штайн, ученица Э. Гуссерля,

ставшая монахиней-кармелиткой и погибшая в газовой камере как еврейка, а затем провозглашенная святой Иоанном Павлом II. Однако необходимо понять и то, что внутринá или Бог, открываемый каждым в глубинах его собственной души, затем начинает обнаруживаться везде и во всем, равно в плаче ребенка или в сиянии солнца, когда оно, по словам Фета «нижет лучами в отвес». «Совершенство человека, – говорится в одном из суфийских текстов, – проявляется тогда, когда он видит Бога во всем, на что упадет его взгляд».

И об этом же говорится у Гумилева устами его героя, когда тот восклицает: «... как посмотришь на травку, на облачко, на девушку да на самого себя, так и увидишь, что это все единое всегда было и всегда будет, потому что Бог засмеялся...» (Гумилев, там же, с. 193). Улыбка Бога (сразу вспоминаются слова Ф. И. Тютчева «на всем улыбка, жизнь во всем», которыми поэт характеризует свое восприятие природы!) – термин известный из Священного Писания. В книге Причтей (8:29-31) олицетворенная Премудрость Божия сама говорит о том, что «когда (Бог) полагал основания земли, тогда я была при Нем художницей, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время» и так далее.

Именно это радование или улыбка, *lo riso de la Sapienza* («улыбка Премудрости»), в которой, как говорит Данте в своем трактате «Пир», обнаруживается ее (то есть Премудрости) «внутренний свет», и становится для верующего человека той удивительной и незримой силой, что кардинальным образом преобразует жизнь и вносит в нее смысл. Свет, именно «внутренний свет», «свете тихий» знаменитой молитвы, поющей во время православной вечерни (ср. «тихим светом душа засветилась» у Владимира Соловьева), и улыбка или сияние. *Lo riso de la Sapienza* – не гомерический смех античных богов на Олимпе, но тихая и почти незаметная улыбка природы, которую так хорошо умел видеть Франциск Ассизский. Вот две основные составляющие того, из чего вырастает человеческая религиозность. И не нужно здесь бояться впасть в сентиментальность. Вера бывает по-настоящему мужественной, она да-

ет человеку силы не бояться смерти, мучений и пыток, но при этом она всегда базируется на присутствии в душе человека той улыбки, которая вызывается взглядом на полевые лилии или на маленьких птичек, что продаются за два ассария, о которых упоминает Иисус.

При этом необходимо не забывать о том, что *lo riso de la Sapienza* обнаруживается как в природе, так и в глубинах человеческой души. Как раз об этом свидетельствуют приведенные ниже слова Тютчева:

Поют деревья, блещут оды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

Об этом Свете, как и о радости его созерцания, писал и схимонах Иларион в книге «На горах Кавказа»: «Ослепительные лучи Солнца, сливаясь с белизною снега, не дают возможности смотреть на горы. Они обратились как бы в море света, блеска и нестерпимого сияния. Зрелище чудное и величественное!.. Если такое поражающее сияние происходит от тварного света, то каков же должен быть Свет несозданный?.. Свет присносущный, первовечный Свет Божества?» Действительно, оторванный от природы, разучившийся ее чувствовать и благоговеть перед ней человек, теряет и способность всмотреться в себя самого, в глубины собственного «я», а равно и в другого человека, в его чувства и в его боль.

На языке современной психиатрии об этом пишет в своей пока не опубликованной работе московский врач-психиатр С. В. Илю-

шенко: «В XX веке большая часть населения переместилась в города, и преобладающей психологической трудностью стала утрата индивидуальности пространства и времени в сознании. Человеку априорно необходимо постоянно распознавать себя (творить себя) в связи с уникальными объектами. Города не заменили природу в качестве такого уникального объекта, их несоразмерность человеку и одинаковость мешают распознавать Творца, икона Которого – природа. Особенно в нашей полосе, где города из-за темноты и холода живут «внутри» (существует, например, греческий городской способ жить вовне домов, на улице), городской житель теряет множество чувственных оснований для жизни души. Только небольшое число людей выносят этот природный дефицит в силу своей фокусированности на отношениях и мышлении».

Если религиозность индивида основывается на чувстве *внутринности* или на фундаментальном чувстве Бога, укоренившемся в его телесности, о чем говорит Лосев (Э. Фромм называет именно такую религиозность «верой по принципу бытия»), тогда непременно оказывается, что этот индивид способен принять и религиозность другого, которая, быть может артикулируется в совсем других понятиях и образах в рамках другой конфессии или иной религии. Такой человек понимает, что его религия абсолютна, но не эксклюзивна. Она абсолютна, ибо «верить» (по латыни *credere* от *cor dare* – «отдавать сердце») – это значит полностью от всего сердца и без всяких «но» исповедовать то, во что ты веришь, принимать религиозную истину, истину, быть может, даже не твоей конфессии, а твою личную, но именно как абсолютную.

При этом человек, принявший религиозность не как норму, заимствованную извне, но переживший личное религиозное озарение всегда поймет, что его абсолютная истина не эксклюзивна, поскольку другой вполне может это же озарение пережить совсем по-другому. «Такая вера в Бога, – говорит Э. Фромм в книге «Иметь или быть?» (здесь и далее Фромм цитируется по: Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: АСТ, 2000, с. 239 – 242), – поддерживается у человека присущим ему внутренним ощущение-

нием божественных качеств в самом себе; это непрерывный процесс порождения самого себя – или, как выражается Майстер Экхарт, вечного рождения Христа внутри нас самих».

Тем не менее, многие видят в своей вере, используя определение Фромма, «обладание неким ответом, не нуждающимся ни в каких рациональных доказательствах». «Этот ответ состоит, – продолжает Фромм, – из созданных другими людьми формулировок, которые человек приемлет в силу того, что он этим «другим»... подчиняется». Такого рода веру Фромм безжалостно характеризует как «своеобразный пропуск, позволяющий примкнуть к большой группе людей. Он освобождает человека от тяжелой необходимости самостоятельно мыслить и принимать решения». Всякий, для кого его вера стала именно такого рода ответом, не только готов к религиозному конфликту, но, как правило, на него ориентирован. Такая вера, – как считает Фромм, – придает уверенность; она претендует на утверждение абсолютного неопровержимого знания, которое представляется правдоподобным, поскольку кажется непоколебимой сила тех, кто распространяет и защищает эту веру». Такова «вера по принципу обладания», которая вполне укладывается в знаменитую формулу *beati possidentes* («Блаженны владеющие»).

Религиозные конфликты в большинстве своем провоцируют и начинают те, кто исповедуют свою веру по принципу *beati possidentes*. Разумеется, констатируя этот факт, мы не приближаемся к тому, чтобы предложить какую-то методику, которая могла бы такие конфликты предотвращать или останавливать, а только констатируем причины, их порождающие.

Прекрасно осознавая, что задача описать, что такое религиозное чувство, словами почти невыполнима и, более того, ставит этого человека в положение людей из известной суфийской притчи, ошупывающих слона в темноте (тот, кто ошупывал его ногу, решил, что он похож на колонну, тот, кто оказался рядом с хоботом, подумал, что слон – это что-то вроде трубы и т.д.), тем не менее настаиваю на том, что курс религиоведения должен обяза-

тельно включать эту тему, поскольку только она дает ответ на вопрос: ***а зачем религия?***

Современный религиовед Н. Смарт предлагает, полностью исключив из определения религии понятие о проблеме бытия Божьего, которое, как подчеркивал Иоанн Павел II, характерно только для европейской культуры, следующие семь «измерений», согласно которым можно анализировать такой феномен как религия:

1. Практико-ритуальное (богослужение общественное и частное и вся сумма ритуалов);
2. Эмпирико-эмоциональное (молитва, медитация, духовные упражнения и проч. – личная религиозность!);
3. Повествовательно-мифическое (священные тексты);
4. Доктринально-философское (для христианства – богословие);
5. Этико-правовое (10 заповедей, каноническое право и т.д.);
6. Социально-институциональное (община, церковные структуры, иерархия);
7. Материальное (храмы, иконы, предметы, предназначенные для совершения тех или иных ритуалов).

Семь измерений Н. Смарта представляются мне наиболее адекватной попыткой определить религию как феномен и одновременно обозначить пути ее описания и изучения. Думается, что семь измерений Смарта и есть тот «атлас автомобильных дорог», которым с успехом может пользоваться сегодня религиовед, ограничивая рамки своих изысканий. Сегодня я посвятил львиную долю времени второму, эмпирико-эмоциональному измерению религии, но ваш курс только начинается, поэтому остальное, надо надеяться, ждет вас впереди.

СОДЕРЖАНИЕ

В поисках Царства	5
-------------------------	---

ЦАРСТВО И МИР

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН	
О Царстве Божиим	11

ВЛАДИМИР ФРЕНКЕЛЬ	
Небесное Царство и земная империя.....	24

АНДРЕЙ ДЕСНИЦКИЙ	
Царствие Небесное: свидетельства Писания	49

Священник АНТОНИЙ ЛАКИРЕВ	
Свет Апокалипсиса	58

Священник ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ	
Детство и Царство	77

Протоиерей АЛЕКСАНДР МЕНЬ	
Путь в Царство	104

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Святитель ЛУКА (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ)	115
«Царствие Божие внутри вас есть» (проповедь).....	117
Тайна Царства Божия в сердце нашем (проповедь)	119
«Царство Божие не в слове, а в силе» (проповедь)	122

СВИДЕТЕЛИ ЦАРСТВА НЕБЕСНОГО

К 30-летию кончины

архим. ТАВРИОНА (БАТОЗСКОГО)

Священник ВЛАДИМИР ВИЛЬГЕРТ

Новое вино – новые мехи..... 127

ПЕТР ЧИСТЯКОВ

«Мир спасает Чаша»: опыт служения

архимандрита Тавриона 137

СЕРГЕЙ КОКУРИН

«За други своя...».

Памяти протоиерея Алексея Глаголева – праведника мира.. 149

Жертва за братьев

Исповеднический путь епископа Болеслава Слосканса

(пер. с франц., пер. с латышского) 169

Епископ БОЛЕСЛАВ СЛОСКАНС

К празднику Рождества Христова 175

ВЕРА И ЖИЗНЬ

ИВ АМАН

Памяти кардинала Жана-Мари Люстиже (пер. с франц.) 183

НАТАЛЬЯ БЕЛЕВЦЕВА

«Отсчет от Царства Небесного» –

Письма сестры Иоанны (Рейтлингер)..... 207

ОЛЬГА КОВАЛЕВСКАЯ

«Быть там, где радость умерла, быть там, где тьма,
чтобы стать светом...».

Жизнь монахини Елены (Казимирчак-Полонской)..... 223

Письма прот. Бориса Старка 244

К 70-летию	
архимандрита ВИКТОРА (МАМОНТОВА)	
НАТАЛИЯ БОЛЬШАКОВА	
Вестник любви	248
Беседа с архимандритом	
ВИКТОРОМ (МАМОНТОВЫМ)	256
Архимандрит ВИКТОР (МАМОНТОВ)	
Иконописец Божьей милостью	260
ПАМЯТИ СВЯЩЕННИКА ГЕОРГИЯ ЧИСТЯКОВА	
ТАТЬЯНА ПРОХОРОВА	
Мы не прощаемся	267
Священник ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ	
«Подвигом добрым я подвизался, течение совершил...»	275
ЕВГЕНИЙ РАШКОВСКИЙ	
Священник Георгий Чистяков: личность, тексты и смыслы	278
Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ	
Христианство и современное гуманитарное сознание: сущность предмета религиоведения	294

SOMMAIRE

A la recherche du Royaume	5
---------------------------------	---

LE ROYAUME ET LE MONDE

Prêtre VLADIMIR LAPCHINE

A propos du Royaume de Dieu	11
-----------------------------------	----

VLADIMIR FRENKEL

Le Royaume des Cieux et l'empire terrestre	24
--	----

ANDRE DESNITSKY

Le Royaume des Cieux : témoignages de l'Ecriture.....	49
---	----

Prêtre ANTOINE LAKIREV

La lumière de l'Apocalypse	58
----------------------------------	----

Prêtre VLADIMIR ZIELINSKY

L'enfance et le Royaume	77
-------------------------------	----

Archiprêtre ALEXANDRE MEN

Le chemin vers le Royaume.....	104
--------------------------------	-----

PAROLE DE PASTEUR

Saint évêque LUC (VOINO-YASENETSKY)	115
--	-----

«Le Royaume de Dieu est au dedans de vous» (homélie)	117
--	-----

Le mystère du Royaume de Dieu dans notre cœur (homélie).....	119
--	-----

«Le Royaume de Dieu ne consiste pas en paroles, mais en puissance» (homélie)	122
---	-----

TEMOINS DU ROYAUME DES CIEUX

**Pour le 30e anniversaire du décès
de l'archim. Tavrion (Barozski)**

Prêtre VLADIMIR VILGERT

Vin nouveau – outres neuves 127

PIERRE TCHISTIAKOV

«Le Calice sauve le monde»:

l'expérience de service de l'archimandrite Tavrion..... 137

SERGE KOKOURINE

«Pour ses amis...».

In memoriam archiprêtre Alexis Glagolev –

Juste dans le monde 149

Le sacrifice pour ses frères.

Le chemin de confesseur de l'évêque Boleslav Sloskans

(trad. du franç., trad. du letton)..... 169

Evêque BOLESLAV SLOSKANS

Pour la fête de la Nativité du Christ..... 175

FOI ET VIE

YVES HAMANT

In memoriam cardinal Jean-Marie Lustiger (trad. du franç.)..... 183

NATHALIA BELEVTSOVA

«Décompte depuis le Royaume des Cieux» –

Lettres de sœur Jeanne (Reitlinger) 207

OLGA KOVALEVSKAYA

La moniale Hélène (Kazimirtchak-Polonskaya)

et la communauté de St. Serge de Radonège..... 223

Lettres de l'archiprêtre Boris Stark..... 244

Pour le 70e anniversaire de l'archimandrite VICTOR (MAMONTOV)	
NATHALIA BOLCHAKOVA	
Messager de l'amour.....	248
Entretien avec l'archimandrite VICTOR (MAMONTOV)	256
Archimandrite VICTOR (MAMONTOV)	
Iconographe par la grâce de Dieu	260
IN MEMORIAM PRETRE GEORGES TCHISTIAKOV	
TATIANA PROKHOROVA	
Nous ne nous quittons pas	267
Prêtre VLADIMIR ZIELINSKY	
«J'ai combattu le bon combat, j'ai achevé ma course...»	275
EVGUENI RACHKOVSKI	
Le prêtre Georges Tchistiakov : personnalité, textes et sens	278
Prêtre GEORGES TCHISTIAKOV	
Le christianisme et la conscience humaniste contemporaine: principe des sciences religieuses.....	294

CONTENT

In search of the Kingdom.....	5
-------------------------------	---

THE KINGDOM AND THE WORLD

Fr. Vladimir LAPSHIN	
On God's Kingdom.....	11

VLADIMIR FRENKEL'	
The Kingdom of Heaven and the earthly empire.....	24

ANDREY DESNITSKY	
The Kingdom of Heaven: Scriptural witnesses	49

Fr. ANTONY LAKIREV	
The Light of the Apocalypse.....	58

Fr. VLADIMIR ZELINSKY	
Childhood and the Kingdom.....	77

The Archpriest ALEKSANDR MEN'	
A way to the Kingdom.....	104

PASTOR'S WORD

ST. LUKE (VOINO-YASENETSKY)	115
"...The Kingdom of God is within you" (Lk 17:21)	117
A mystery Of God's Kingdom is within our hearts	119
"For the Kingdom of God is not in word, but in power" (1 Cor 4:20).....	122

THE PARTAKERS OF THE HEAVENLY KINGDOM

In memory of the Archimandrite Tavrion (Batozsky):

Thirty years after his death

Fr. VLADIMIR VIL'GERT

New wine and new wineskins..... 127

PETR CHISTYAKOV

“The Chalice saves world”:

The ministry of the Archimandrite Tavrion 137

SERGEY KOKURIN

“...To lay down one's life for one's friends”: In memory
of Fr. Alexey Glagolev, the Righteous Among the Nations..... 149

An offering for the brethren:

The confessor's life of the Bishop Boleslav Sloskans
(translated from French and Latvian) 169

BISHOP BOLES LAV SLOSKANS

On the Feast of the Nativity of Christ..... 175

FAITH AND LIFE

YVES HAMANT

In memory of Jean-Marie Cardinal Lustiger
(translated from French) 183

NATALIA BELEVTSOVA

“...Measuring by the Kingdom of Heaven”:
The Letters of Nun Ioanna (Reitlinger) 207

OLGA KOVALEVSKAYA

- “To be a light in the darkness”: Nun Elena
 (Kazimirchak-Polonskaya) and St. Sergey of Radonezh
 Community 223
 The Letters of the Archpriest Boris Stark 244

TO THE 70th ANNIVERSARY**OF THE ARCHIMANDRITE VICTOR (MAMONTOV)****NATALIA BOL'SHAKOVA**

- The herald of love 248

Interview with the Archimandrite

- VICTOR (MAMONTOV)** 256

The Archimandrite VICTOR (MAMONTOV)

- The iconographer by the grace of God 260

IN MEMORY OF FATHER GEORGY CHISTYAKOV**TATIANA PROKHOROVA**

- We don't say goodbye 267

Fr. VLADIMIR ZELINSKY

- “I have fought a good fight, I have finished my course...”
 (2 Tim 4:7) 275

EUGENY RASHKOVSKY

- Fr. Georgy Chistyakov: Personality, Texts and Meanings 278

FR. GEORGY CHISTYAKOV

- Christianity and the contemporary humanitarian thinking:
 On the essence of the Religious Studies 294

**Международным Благотворительным Фондом
имени Александра Меня (Рига, Латвия)
изданы (1991 – 2008)**

Альманах «Христианос» – выпуски I – XVII

Книги:

Протоиерей Александр Мень

«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» –

Комментарий протоиерея Александра Меня

«Крестный Путь» Молитвенные размышления и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса

«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –

Практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»

(«Reliģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге

«Другой Утешитель.

Икона Пресвятой Троицы преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская

«Пастырь» (Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге

«Вино дракона и хлеб ангельский» –

Учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Иеромонах Габриэль Бунге

«Акедия» –

Духовное учение Евагрия Понтийского об унынии

Священник Владимир Лапшин

«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Наталия Большакова

«Христианство осуществимо на земле» –

история создания и жизнь монастыря

Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От (Франция)

Священник Владимир Лапшин

«Послания к Коринфянам»

«Послание к Галатам» – Беседы

Адрес редакции:

Alexander Men' International Charity Society
Kr. Valdemara Str., 121 apt. 1
LV1013 Riga
LATVIA

Phone: +371 67361909
+371 29147350
E-mail: vasilij@mailbox.riga.lv